ПИСЕМСКІЙ

18.122.3.41

Из фондов Российской национальной библиотеки

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

Из фондов Российской национальной библиотеки

Из фондов Российской национальной библиотеки

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

второе посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА
Кузнецкій мостъ, домъ № 12

1895

Из фондов Российской национальной библиотеки

ТИПОГРАФІЯ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.ПЕТЕРБУРГЪ.
В.О.16 л.

Из фондов Российской национальной библиотеки

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Басардины.

По улицамъ и полямъ усадьбы Спирова мела и передувала безтолковѣйшая декабрьская вьюга: то зачѣмъ-то несла цѣлое облако снѣгу и, выйдя за ворота, тотчасъ-же клала его на огромнѣйшій и безъ того сугробъ; то точно сверломъ сверлила и завывала въ разбитое слуховое окно на барскомъ домѣ; то съ какимъ-то упорствомъ дула въ задъ скотнику Климу, рубившему передъ скотнымъ дворомъ дрова и не обращавшему на это рѣшительно никакого вниманія. На крыльцѣ избы стояла старуха Михайловна, и съ ней вѣтеръ какъ-бы заигрывалъ, крутя и завивая ея истасканный передникъ.

— Чьи такіе, дѣдушко, это проѣхали? — окликнула она Клима.

— Басардины, надо быть... къ тестю ѣдутъ.

— И то дѣло. Да, да!

— На балтировку, видно, ладятъ, — заключилъ Климъ.

— Да, да! — согласилась и съ этимъ Михайловна; а потомъ, о чемъ-то звонко вздохнувъ, вернулась въ избу.

На Спировскомъ полѣ, по переметенной и ухабистой дорогѣ, дѣйствительно тянулся цѣлый обозъ. На передней лошади ѣхалъ молодой дворовый малый, Митька. Онъ сидѣлъ спокойно, какъ истуканъ, и только когда его очень ужъ тряхнетъ въ ухабѣ, онъ моргнетъ носомъ и ткнетъ лошадь кнутовищемъ, на что та обыкновенно отмахнетъ ему хвостомъ.

Въ тѣхъ-же саняхъ, за спиной у Митьки, сидѣла горничная дѣвица Дарья, закутанная по самый носъ въ какія-то лохмотья. Странное явленіе представляли собой эти два молодыя существа: жизнь-ли ихъ очень заколотила, или ихъ организмы, питаемые круглый годъ постными щами и мякиннымъ хлѣбомъ, содержали въ себѣ болѣе лимфы чѣмъ крови, но только пятидесятую версту они ѣхали вдвоемъ, и во все это время хоть-бы переглянулись, пошутили-бы между собой, переговорили слова два-три. Митька, положительно можно сказать, даже ничего и не думалъ; а Дарья всю дорогу смутно соображала, куда это она положила барышнины чулки: старая барыня, какъ пріѣдутъ на мѣсто, непремѣнно ихъ спроситъ, а она и не помнитъ, куда ихъ засунула.

За передней ѣхалъ самъ баринъ, въ розвальняхъ, парой гусемъ. Заложенный у него на выносъ сивый меренокъ, по прозванью Репейникъ, обнаруживалъ удивительное стараніе. Онъ везъ, потѣлъ, обтирался, и все-таки везъ, какъ-будто бы сотни начальническихъ глазъ смотрѣли на него и любовались его усердіемъ, между тѣмъ какъ шедшая въ корню, сухопарая саврасая кобыла рѣшительно парализовала всѣ его старанія. Лошадь эта, пока дорога шла еще прямая, везла кое-какъ; но

чуть-чуть встрѣчался крутой поворотъ, или надобно было обойти какую-нибудь рытвину, такъ сейчасъ же и терялась: не понимала ли она, какъ это сдѣлать надо, или ей трудно было ладить съ своимъ неуклюжимъ тѣломъ, только непремѣнно сядетъ въ хомутъ, начнетъ болтаться изъ стороны въ сторону и по крайней мѣрѣ съ полверсты не уставится. На подобное неравенство въ распредѣленіи трудовъ сидѣвшій кучеромъ задѣльный мужикъ Потапъ, такъ какъ настоящихъ дворовыхъ кучеровъ ужъ не хватало, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія: все его стараніе было направлено на то, чтобы самому какъ-нибудь примоститься на облучкѣ, къ которому онъ скорѣе изображалъ собою касательную линію, чѣмъ сидящаго на немъ человѣка. Едва позаберется нѣсколько поспокойнѣе, какъ сани занесетъ въ его сторону, и поѣхалъ внизъ; опять начнетъ забирать вверхъ,— да такъ всю дорогу, даже потъ прошибъ!

На всѣ эти продѣлки съ Потапомъ баринъ, мужчина съ просѣдью, но довольно еще молодцоватый, въ потертой медвѣжьей шубѣ и шапкѣ съ собачьимъ околышкомъ, надѣтой нѣсколько на-бекрень, смотрѣлъ не безъ удовольствія.

— Опять съѣхалъ? — говорилъ онъ, слегка улыбаясь, когда Потапъ, спустившись съ саней до самаго горла, отчаянно хватался за передокъ.

— Ты сиди крѣпче! — совѣтовалъ онъ ему.

На все это Потапъ отвѣчалъ сердитымъ взглядомъ и забирался на передокъ почти съ ногами.

Баринъ между тѣмъ переносилъ свое вниманіе на другіе предметы.

„Ишь, какъ дугу-то погнуло“, думалъ онъ, глядя, какъ сбившаяся съ-панталыку коренная шла совершенно бокомъ.

На закраинѣ поля замелькали какія-то черныя пятна.

„Кусты это или деревья, чортъ знаетъ?“ продолжаетъ онъ соображать съ замѣтнымъ вниманіемъ.

„Кусты!“ рѣшалъ онъ мысленно и самодовольно.

Налетѣвшая вьюга заслѣпляла ему глаза. Онъ повертывался и начиналъ смотрѣть въ другую сторону.

Волновали ли, въ настоящую минуту, какія-либо иныя, болѣе серьезныя мысли и болѣе раздражительныя чувствованія этого, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, отца довольно многочисленнаго семейства, — мы не знаемъ, и даже имѣемъ всѣ основанія подозрѣвать, что какъ къ совершенному имъ теперь пути, такъ и вообще ко всей громадѣ плывущей на него жизни, онъ относился довольно созерцательно и совершенно спокойно.

Ѣхавшая за розвальнями тройка, въ крытыхъ саняхъ, представляла гораздо большій порядокъ: лошади всѣ въ ней были одной масти, коренная шла даже съ нѣкоторою гордостью. Молодой кучеръ Михайло, съ черкесскимъ лицомъ, стройный, перетянутый ремнемъ съ посеребреннымъ наборомъ, ловко сидѣлъ на облучкѣ. Пожилой лакей, хоть и въ очень старинной, но замѣтно сбереженной гороховой шинели, съ нѣсколькими воротничками и со свѣтлыми пуговицами, тоже привычно сидѣлъ рядомъ съ нимъ и, при малѣйшемъ наклоненіи саней на его сторону, сейчасъ же соскакивалъ и подпиралъ ихъ плечомъ. Видно, онъ понималъ, что ѣдетъ съ дамами, изъ которыхъ одна, молоденькая, съ прелестнымъ, свѣжимъ личикомъ, безпрестанно выглядывала изъ-подъ опущеннаго фордека и, оглянувъ окрестность, снова опускалась въ глубь саней, приговаривая съ досадой: „нѣтъ еще, далеко.“

Сидѣвшая съ ней пожилая дама, казалось, и не слыхала этихъ восклицаній.

Если-бы какой-нибудь художникъ захотѣлъ изобразить идею житейской озабоченности въ видѣ женщины, то лучшаго образца не нашелъ бы для себя, какъ эта дама, со впалыми, желтоватыми щеками, съ довольно еще свѣтлымъ, умнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, но который весь былъ погруженъ въ себя и ушелъ въ глубь

души. Въ противоположность своему на все спокойно-взиравшему супругу, своей пятнадцатилѣтней дочери, чѣмъ-то своимъ, должно быть, занятой, въ противоположность наконецъ вялой и далеко не заботливой прислугѣ, — она одна тутъ обо всемъ думала и надъ всѣмъ бодрствовала.

Трудно перечислить, сколько заботъ, предположеній, надеждъ и опасеній проходило въ ея бѣдной женской головѣ, а тутъ еще — смѣшно даже сказать — отъ дорожной ли ѣзды, или отъ несущагося со всѣхъ сторонъ свѣжаго воздуха, передъ ней, какъ нарочно, начали возставать такъ давно ужь, кажется, забываемыя воспоминанія...

II.

Вельможи-благодѣтели.

Надежда Павловна Басардина была чуть ли не пятая дочь секундъ-міора Рылова, который, еще на ея памяти, ходилъ въ кафтанѣ съ борами, въ чулкахъ и башмакахъ и, какъ что-то вѣроятно очень умное, любилъ выдѣлывать передъ гостями палкой, какъ павловскимъ эшпатономъ. Потомъ, она воспитанница въ домѣ князя Д... Цѣлый верхъ огромнаго московскаго дома отведенъ былъ для десяти питомицъ, все почти прехорошенькихъ собой дѣвочекъ... Какъ живой стоялъ передъ ней старый князь, всегда въ синемъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ тремя звѣздами. Каждое утро онѣ гуртомъ сходили къ нему внизъ дѣлать реверансъ, цѣлуя при этомъ его бѣлую и благоуханную руку... Шли потомъ къ его дочери, величественной, бойкой красавицѣ, графинѣ Н..., авантюристкѣ по жизни, вышедшей сначала за французскаго эмигранта, бросившей его потомъ

въ Парижѣ для итальянскаго тенора и теперь жившей, какъ знали всѣ, даже маленькія воспитанницы, почти въ открытой связи съ правителемъ дѣлъ отца, безобразнымъ, рябымъ, косымъ, но умнымъ и пронырливымъ поповичемъ, грабившемъ всю Москву и при этомъ сохранившимъ какую-то демонскую власть надъ старымъ княземъ и его дочерью. Помнила Надина и огромную классную комнату, съ длиннымъ столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ котораго всегда возсѣдала m-lle Dorothée, высокая, плоская швейцарка, скорѣй бы допустившая, чтобы міръ перевернулся вверхъ дномъ, чѣмъ которая-нибудь изъ воспитанницъ произнесла при ней русское слово. Помнила и танцовальнаго учителя, ставившаго ихъ всѣхъ въ рядъ и довольно нецеремонно вытягивавшаго ихъ маленькія ножки для довольно трудныхъ минуэтныхъ па. Помнила наконецъ и многознаменательный день: въ домѣ шумъ, бѣготня; это пріѣхалъ сынъ князя, юный дипломатъ, любимецъ двора. Надинѣ было уже пятнадцать лѣтъ, она все внимательнѣй и внимательнѣй прислушивалась къ шепоту подругъ о непонятныхъ и въ то же время какъ будто бы и знакомыхъ ей вещахъ. Въ тотъ же день, на petite soirée, всѣ воспитанницы были представлены молодому князю. Онъ ихъ благосклонно, хоть нѣсколько и свысока, оприв'ѣтствовалъ. Никогда уже, во всю свою жизнь, ни прежде, ни послѣ, Надина не видала мужчины красивѣе, умнѣе и любезнѣе. Не давая себѣ хорошенько отчета, она обыкновенно засматривалась на князя, когда онъ стоялъ гдѣ-нибудь вдали и рисовался почти еще юношескимъ станомъ. Разъ князь, именно въ это самое время, обернулся къ ней; Надина сконфузилась, покраснѣла. Онъ все это видѣлъ и улыбнулся ей.

Вскорѣ послѣ того, въ довольно темноватую залу, гдѣ воспитанницамъ обыкновенно давали музыкальный урокъ, вошелъ князь. Надина сидѣла вдали отъ прочихъ

дѣвушекъ. Онъ прямо подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нею. Она сконфузилась и поотодвинулась отъ него.

Князь ласково смотрѣлъ на нее.

— Avez-vous des parents? — спросилъ онъ ее, вѣроятно затѣмъ, чтобы только заговорить съ ней.

— Non, mes parents c'est votre père, — отвѣчала Надина, совершенно сконфуженная.

— Donc, je suis votre frère, подхватилъ князь... — такъ?

— Non, non, — отвѣчала Надина, еще болѣе сконфузившись.

— Et je puis vous aimer?—продолжалъ уже шопотомъ князь.

— Non, non! — повторила шепотомъ Надина.

— Всѣ прочія воспитанницы, окружавшія рояль, стояли къ нимъ спиной.

— Et vous embrasser? — заключилъ тѣмъ же шепотомъ князь, наклоняя свое лицо къ лицу Надины.

— Monsieur! — произнесла та, отодвигаясь отъ него.

Голосъ учителя, позвавшаго Надину, прервалъ эту сцену. Она проворно встала и подошла къ фортепіано.

Князь, хоть и вдали, но сталъ противъ нея.

Надина пропѣла свой урокъ дрожащимъ голосомъ и почти со слезами на глазахъ.

На другой день ее остановила графиня.

— Chère enfant, un mot! — сказала она. Надина стала передъ ней навытяжку. — Je veux voir votre figure et votre taille!

Надина потупилась.

— Vous êtes charmante! — продолжала графиня съ улыбкой.—Mon frère est amoureux de vous.

— Non, madame — произнесла Надина, вся вспыхнувъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Comment non? — спросила графиня, устремляя на молодую дѣвушку почти любострастный взглядъ.

Въ домѣ между тѣмъ приготовлялось новое торжество.

Молодой князь, по величайшей милости Государя и въ уваженіе къ знаменитому роду, какихъ-нибудь двадцати семи лѣтъ, назначенъ былъ уполномоченнымъ при одномъ изъ маленькихъ дворовъ. Сама графиня-сестра взялась устраивать, по этому случаю, праздникъ. Всѣ воспитанницы, одѣтыя тирольскими пастушками, должны были поднести юному амфитріону цвѣты, а Надина, какъ болѣе умненькая, была выбрана сказать ему поздравительное стихотвореніе. Князь, въ свою очередь, имѣлъ у себя въ запасѣ для прелестныхъ тиролекъ цѣлую коллекцію довольно цѣнныхъ бездѣлушекъ: милый вѣкъ имѣлъ и милые обычаи!

— Vous rècitez si bien, qu'il m'est difficile de trouver quelque chose à vous offrir, — говорилъ молодой посланникъ, торопливо роясь въ бездѣлушкахъ, когда Надина нетвердымъ и сконфуженнымъ голосомъ произнесла ему свое осьмистишіе.

— Je voudrais bien avoir votre portrait,—отвѣчала она почти уже шепотомъ и не помня сама, что говоритъ.

— Vrai? Je vais vous l'apporter,—воскликнулъ князь и бросился въ кабинетъ отца, сорвалъ тамъ со стѣны свой очень дорогой медальонъ на кости и подалъ его Надинѣ. Та проворно спрятала его за корсетъ и, вся пылающая, убѣжала къ себѣ наверхъ. Вечеромъ, на балѣ во вкусѣ Тріанона, всѣ юные смертные были обращены въ боговъ. Надина изображала Минерву. Князь танцовалъ съ ней котильонъ и безцеремонно жалъ ей руку. За ужиномъ онъ сѣлъ противъ нея, кидалъ въ нее шариками, выбиралъ ей лучшіе конфеты и цвѣты и заставлялъ много пить вина. Сидѣвшая тутъ

же рядомъ m-lle Dorothée на все это только улыбалась своимъ широкимъ ртомъ. Въ домѣ стараго князя все дышало однимъ воздухомъ: даже строгая швейцарка, позабывъ цѣломудренные нравы родины, любила шаловливыя и слегка скандальезныя сцены.

Послѣ ужина, дѣтей, а въ томъ числѣ и шестнадцатилѣтнихъ воспитанницъ, отправили спать раньше. Дежурная горничная, чего прежде никогда не бывало, повернула и затушила ночную лампу.

— Что ты дѣлаешь? — закричали было ей со всѣхъ сторонъ. Но она, ни слова не отвѣтивъ, ушла.

— Mesdames! Мы во мракѣ! — говорили съ хохотомъ маленькія шалуньи, но вскорѣ потомъ, разумѣется, и заснули. Надина тоже уже спала... Вдругъ она почувствовала на щекѣ своей чье-то горячее дыханіе. Она въ испугѣ открыла глаза... Передъ ней стоялъ князь.

Надина поднялась съ постели.

— Que voulez-vous, monsieur? — проговорила она устрашеннымъ голосомъ и закрывая руками обнаженную шею.

Князь хотѣлъ обнять ее. Надина движеніемъ руки остановила его и сейчасъ же вскочила на окно дортуара.

— Si vous m'approchez je me précipite de la fenêtre!— проговорила она.

— De drâce, ma petite, retirez vous de là,—молилъ ее князь.

— Monsieur, sortez! — сказала Надина. Голосъ ея былъ твердъ и громокъ.

— Vous êtes cruelle!—проговорилъ князь и, сдѣлавъ ручкой, удалился.

Какъ ни граціозно была разыграна эта сцена, но она сильно поразила Надину: дрожавшая отъ страха, униженная, оскорбленная, она сошла съ окна. Нравственный инстинктъ женщины заговорилъ въ ней; ей какъ-бы сразу

представилось, гдѣ она и что она такое тутъ. Загадочная исторія съ m-lle Горкиной, чудо какою хорошенькою и двумя годами старше ея воспитанницей, стала для нея ясна. Ту, какъ сама она разсказывала, каждый вечеръ водили въ кабинетъ къ старому князю, и тотъ, не смотря на ея слезы, посыпалъ ей на грудь табаку и нюхалъ его.

Родители Горкиной ужасно разсорились за это съ княземъ и взяли дочь къ себѣ.

Надина тоже рѣшилась написать отцу и сестрѣ. Въ тысячѣ выраженій она умоляла взять ее. Она писала: „Sauvez moi, ma sœur, de moi-même. Le jeune prince est amoureux de moi et je puis perdre ma pudeur.“

Старый маіоръ въ это время находился окончательно забраннымъ въ строгія и благочестивыя руки старшей своей дочери, оставшейся при немъ въ дѣвкахъ, Богъ знаетъ когда-то и кѣмъ-то названной Биби и до сихъ поръ сохранившей это имя между родными и знакомыми. Секундъ-маіоръ, слушая письмо своей *московки*, только хлопалъ глазами; но пожилая дѣвственница, сама нѣкогда воспитанница Смольнаго монастыря и недоучившаяся тамъ единственно потому, что въ петербургскомъ климатѣ ее безпрестанно обсыпала золотуха, поняла все. Пиши сестра, что ее не кормятъ, не одѣваютъ, что каждый день ее мучатъ, колесуютъ,—сердце Биби не дрогнуло-бы: но тутъ угрожала опасность чести ихъ фамиліи.

— Въ нашемъ семействѣ не было еще такихъ! — проговорила она почти съ ужасомъ и настояла, чтобы въ тотъ же день за сестрой была послана въ Москву на парѣ, въ кибиточкѣ, подвода, на которой отправила любимаго своего кучера Ивана Горькаго. Вмѣстѣ съ нимъ также поѣхала и приближенная къ секундъ-маіору дѣвица Матрена. Старикъ, бывъ въ такихъ уже лѣтахъ, все еще не могъ оставить своихъ глупостей, и Биби

терпѣла ихъ, помня только великое правило, что дѣти родителямъ не судьи.

Маіоръ, подъ диктовку дочери, нацарапалъ къ князю письмо, которое началъ такъ: „Ваше высокопревосходительство, господинъ генералъ-аншефъ и сіятельнѣйшій князь!“—форма, которой научилъ его еще въ полку писарь и которую онъ запомнилъ на всю жизнь.

Прописавъ титулъ, онъ просилъ отпустить къ нему дщерь его Надину, такъ какъ самъ онъ приближается къ старости, а старшая дочь его, и безъ того ужь посвятившая ему всю жизнь свою, желаетъ подумать и о себѣ и себѣ что-нибудь сдѣлать для будущей жизни.

Диктуя послѣднія строки, Биби рѣшительно думала поразить ими все семейство князя и внушить къ себѣ огромное уваженіе.

Въ заключеніи письма старикъ вопіялъ къ именитому вельможѣ излить на свою питомицу послѣднія милости и благословить ее образомъ Иверской Божіей Матери, которая вѣчно будетъ ей заступницей въ жизни, и затѣмъ подписался, слегка размахнувшись: „Вашего сіятельства, нижайшій рабъ, секундъ-маіоръ Рыловъ.“

Нѣсколько странно было видѣть, когда Иванъ Горькій, съ удивленнымъ лицомъ и растопыренными ногами, очутился на княжескомъ дворѣ, а Матрена, въ своей пестрядинной шубенкѣ и валеныхъ сапогахъ,—между накрахмаленными и раздушенными горничными въ княжеской кофишенской. Надина чуть не умерла отъ стыда, когда увидала посланныхъ за нею: такіе они были оборванные.

Старый князь, занятый въ это время планами женитьбы сына чуть-ли не на принцессѣ Брауншвейгской, нѣсколько удивился, прочитавъ письмо секундъ-маіора; но, впрочемъ, величественнымъ наклоненіемъ головы изъявилъ свое согласіе и въ день отъѣзда подарилъ Надинѣ на приданое брилліантовое ожерелье въ десять ты-

сячъ ассигнаціями. Что-же касается до благословенія, то православной иконы въ домѣ не нашлось, и князь благословилъ свою рыдающую питомицу копіей съ Рафаэлевой Мадонны.

III.

Совсѣмъ дичь.

Дней черезъ шесть, Надина, вся разбитая отъ непривычной ѣзды въ нерессорномъ экипажѣ, пріѣхала къ родительскому крову и какъ-бы чудомъ какимъ была перенесена изъ французскаго, фоблазовскимъ духомъ преисполненнаго дома, въ самый центръ деревенскаго православія.

Если-бы пришлось подробно описывать жизнь секундъ-маіора и пожилой его дочери, то безпрестанно надобно было-бы говорить: „Это было, когда поднимали иконы передъ посѣвомъ;“ „это, — когда служили наканунѣ Николы всенощную;“ „это—когда на дѣвкахъ объарывали усадьбу кругомъ, по случаю появившагося въ сосѣднихъ деревняхъ скотскаго падежа.“

Въѣзжая въ усадьбу, Надина еще издали увидѣла стараго отца, въ томъ-же чепанѣ и съ развѣвавшимися по воздуху сѣдыми волосами, а за нимъ сухощавую фигуру сестры въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ на шеѣ.

Она хотѣла было броситься къ нимъ въ объятія; но Биби движеніемъ руки остановила ее и указала на вынесенную чудотворную икону. Надина приложилась къ ней, и затѣмъ уже почувствовала на щекахъ своихъ сморщенное, плачущее и заскорблое лицо отца и сухія тонкія губы сестры. Въ комнатахъ, ее поразилъ сильный и совершенно незнакомый запахъ ладана и дере-

вяннаго масла, и къ ней какъ-то раболѣпно и суетливо стали подходить горничныя дѣвицы, одна другой пожилѣе и некрасивѣе. Биби не любила выдавать замужъ прислугу, и ея дѣвки годамъ къ тридцати страшно худѣли и старѣлись, а потомъ такъ и засыхали въ этомъ видѣ на всю остальную жизнь.

На другой день Биби возила сестру къ приходу и заставила ее тамъ подать заупокой всѣхъ умершихъ родныхъ, а по матери отслужить панихиду, непремѣнно требуя, чтобъ она за все это заплатила изъ своихъ карманныхъ денегъ. Образъ, которымъ благословили Надину, тоже немало занималъ Биби, она все недоумѣвала, какого онъ *во имя*, и совѣтовалась, по этому случаю, съ заѣхавшимъ къ нимъ не-вдолгѣ настоятелемъ Рѣчинской пустыни.

— Это врядъ-ли не католическій образъ, — замѣтилъ ей тотъ.

Биби была удивлена и огорчена, и какъ ее потомъ монахъ ни увѣрялъ, что это ничего, что это все-таки образъ, она поставила его въ кіотѣ ниже православныхъ иконъ.

О причинѣ, заставившей сестру бѣжать изъ княжескаго дома, Биби не сказала съ ней ни слова: о подобныхъ вещахъ она не только что говорить, но даже думать не любила.

Для Надины такимъ образомъ началось все, что и прежде дѣлалось въ домѣ отца ея: болѣе полугода скудный, на постномъ маслѣ, столъ, почти каждую недѣлю какая-нибудь церковная служба въ домѣ; Биби цѣлый день или принимала и угощала разныхъ странницъ, или тихо, но злобно, хлопотала по хозяйству. Старый отецъ, по ея приказанію, тоже все былъ больше въ полѣ и смотрѣлъ за рабочими. Первое время Надина, по своему нѣсколько идиллическому воспитанію, мечтала было о прогулкахъ по полямъ, о разговорахъ

съ добрыми поселянами и поселянками. Но изъ всего этого ея артистическій взглядъ только и увидалъ, какъ весной задѣльные мужики, по большей части все старики, съ перекошенными отъ натуги лицами, взрывали неуклюжими косулями почву, а вечеромъ ужинали однимъ квасомъ съ хлѣбомъ, и хорошо-хорошо когда холодными щами съ забѣлкой, — или, какъ дворовыя женщины, а въ томъ числѣ и ходившія послѣднее время беременности, не чувствуя собственной спины, часто, послѣ заката солнца, дожинали отмѣренныя имъ десятины, и ихъ-же потомъ бранили, что онѣ высоко жнутъ, или какъ, наконецъ, эти самые добрые мужички, при первой-же Никольщинѣ, напивались, какъ звѣри дикіе, и въ этомъ видѣ ругались такими словами, что слушать было невозможно.

Самымъ живымъ развлеченіемъ для Надины было ходить, въ сопровожденіи горничныхъ, за грибами и ягодами; но сестра и въ этомъ ей всегда препятствовала, говоря, что неприлично дѣвкамъ бѣгать по лѣсамъ: мало-ли на что онѣ тамъ могутъ наскочить? Изъ прежнихъ ея элегантныхъ занятій у ней только и осталось, что вышиваніе безконечнаго ковра, который Биби заранѣе назначала для приношенія въ церковь.

Такъ прошли годъ, два, три, наконецъ десять. Скука и бездѣйствіе (изъ хозяйства Надинѣ только и предоставлено было разливать чай), безпрестанное созерцаніе какого-то безсердечнаго богомольства сестры и, наконецъ, совершенно безсмысленная любовь отца, дѣлали свое: Надина худѣла, дурнѣла; но въ то-же время она умнѣла!... Трудно передать ту степень неуваженія, которое она чувствовала къ своему ничего не могшему для нея сдѣлать родителю, того ожесточенія, которое питала противъ занятой какими-то неземными цѣлями сестры.

Въ домѣ шла постоянная, хоть и сдерживаемая и скрываемая подъ наружнымъ видомъ ласковости, борьба:

Надина и приближенная къ маіору дѣвица Матрена тянули въ одну сторону, а Биби въ другую и, по высотѣ своей исходной точки, всегда одерживала надъ ними верхъ.

Жениховъ у Надины все это время не было никого: всѣмъ молодымъ сосѣднимъ помѣщикамъ, по большей части кутиламъ и собачникамъ, она, по своему умѣнію одѣться, ловко держать себя, по своему отвращенію отъ разныхъ деревенскихъ блюдъ, казалась очень ужь образованною. „Жидка, братецъ ты мой, ничего съ ней не подѣлаешь!“ говорилъ иной. „Поди-ка, женись на ней; такихъ супе и фрикасе потребуетъ!“ разсчитывалъ другой...

Часто, гуляя по саду до полуночи, съ пылающимъ лицомъ и сильно бьющимся пульсомъ, Надина хватала себя съ отчаяніемъ за голову, и думала: „Господи! хоть бы за чорта да выйти замужъ!“ И это рѣшительно было въ ней не движеніемъ крови, а просто желаніемъ перемѣнить свое положеніе.

IV.

Самецъ.

Въ благородныхъ строяхъ кирасирскаго Его Величества Короля В...го полка, конечно, ужь было немного такихъ скромныхъ и молодцоватыхъ офицеровъ, какъ ротмистръ Басардинъ.

По формулярному его списку значилось; „родомъ изъ бѣдныхъ дворянъ; воспитаніе получилъ домашнее (то-есть никакого); на службу поступилъ рядовымъ и черезъ два мѣсяца, по своей превосходной выправкѣ, ѣхалъ уже ординарцемъ на Высочайшемъ смотру.“ Закройщикъ Швецовъ про него говорилъ: „Вотъ на корнета Басардина шить любо: грудь навыкатъ, кость пря-

мая, тонкая!“ Невѣжа! понималъ-ли онъ, что одѣваемый имъ корнетъ по правильности своихъ формъ былъ статуя античная! Даже въ настоящемъ его чинѣ, съ начинавшею уже нѣсколько полнѣть таліей, когда Басардинъ шелъ по расположенной на горкѣ деревнѣ, въ разстегнутомъ вицъ-мундирѣ, въ надѣтой на-бекрень фуражкѣ, или когда гдѣ-нибудь сидѣлъ на бревнахъ, по большей части глядя себѣ на сапоги и опустивъ на нижнюю губу свои каштановые усы, между тѣмъ какъ, при вечернемъ закатѣ, съ поля гнали коровъ, по улицамъ бродили лошади,—глядя на него, невольно приходилось подумать: „Да, человѣкъ красивѣйшее созданіе между всѣми животными, и онъ одинъ только можетъ до такой степени оживлять ландшафтъ.“

Здоровьемъ Басардинъ пользовался замѣчательнымъ: онъ могъ не спать три ночи, и при этомъ ни мало не воспалялись его большіе красивые глаза; за то и спалъ, послѣ каждаго утомительнаго перехода, часовъ по пятнадцати сряду. Курить могъ всегда: утромъ, за обѣдомъ, послѣ обѣда, даже ночью, еслибъ его разбудили для этого.

Другое дѣло для ротмистра было думать: мышленіе у насъ все-таки есть, какъ хотите, болѣзнь, усиленная дѣятельность мозга насчетъ другихъ органовъ. Но жизненная сила была слишкомъ равномѣрно распредѣлена въ тѣлѣ Басардина, и едва только позаберется ея нѣсколько побольше во вмѣстилище разума и начнетъ тамъ работать, какъ ее сейчасъ-же потребуютъ другія части. Такимъ образомъ ротмистръ не то что былъ глупъ, напротивъ того: онъ судилъ очень здраво, но только всѣ мысли его были какъ-то черезчуръ обыкновенны, ограничены и лишены всякаго полета; а между тѣмъ, по этому проклятому командованію эскадрономъ стали случаться слѣдственныя дѣла, надобно было отписываться, приходилось кое-что и по счетной части, а тутъ пожа-

луй, пошли и распеканья за нестрогость характера. Все это весьма утомляло Басардина, и въ послѣднее время, пріѣхавъ въ свою маленькую деревеньку, сосѣднюю съ имѣніемъ секундъ-маіора, онъ уже сильно тяготился службой.

Надина и прежде еще слыхала о красивомъ сосѣдѣ офицерѣ. Въ первый разъ они встрѣтились въ церкви, и она тутъ же принялась за него какъ за якорь спасенія: сама пригласила пріѣхать къ нимъ обѣдать. Басардинъ, на своей полковой тройкѣ, молодцовато пріѣхалъ, промолчалъ весь визитъ, потомъ черезъ недѣлю, по приглашенію той же молодой хозяйки, опять былъ и опять промолчалъ весь день. Надина безбожно кокетничала съ нимъ: „Онъ не далекъ, но онъ добръ!“ рѣшила она мысленно, и почти сама объяснилась съ ротмистромъ въ любви. Тотъ при этомъ слегла вспыхнулъ, и свадьба состоялась. Что потомъ послѣдовало изъ сочетанія этихъ двухъ организмовъ: одного, если можно такъ выразиться, могуче-плотскаго, а другаго—душевнаго и нервнаго, угадать нетрудно. Басардинъ, бывъ еще женихомъ, подалъ въ отставку, и молодые поселились въ деревнѣ. Надина, къ концу же года, родила ребенка мальчика и, къ ужасу, съ такими-же большими глазами и прямыми ушами. Супруга своего она уже совершенно понимала и видѣла, что онъ ей не помощникъ. Онъ обыкновенно цѣлый день ходилъ по комнатѣ, курилъ, молчалъ, послѣ обѣда спалъ; но когда жена сказала ему, что ей противенъ его храпъ, онъ и не спалъ. Между тѣмъ родился еще ребенокъ. Нужда въ домѣ росла; Надина хозяйничала на своихъ тридцати душонкахъ какъ только умѣла; сама устраивала кирпичный заводъ, сама откармливала свиней: и все-таки по свойственному женщинамъ самолюбію, не желая мужа обнаружить передъ обществомъ, разсказывала, что будто-бы все это придумываетъ и всѣмъ этимъ заправляетъ ея Петръ Григорьичъ; а потомъ, воспольз-

зовавшись первою же подошедшею баллотировкой, свезла его въ губернскій городъ, и тамъ, чисто изъ уваженія къ ней, его выбрали въ судьи.

Бывшему воину снова была задана въ жизни задача. Напрасно онъ часовъ по семи сидѣлъ въ присутствіи, читалъ всякое дѣло съ начала до конца, теръ себѣ лобъ, потѣлъ: ничего изъ того не выходило. Къ концу трехлѣтія плутишка-секретарь успѣлъ подвернуть ему такую бумажку, за которую ихъ таки обоихъ отдали подъ судъ. Басардинъ выразилъ при этомъ только небольшой знакъ удивленія въ лицѣ.

— Какъ это тебя угораздило! — спросила его почти съ отчаяніемъ Надина.

— Не прочелъ... совершенно нынѣче не могу читать безъ очковъ, — отвѣчалъ онъ преспокойно.

И прочелъ-бы, не много толку прибавилось-бы, — замѣтила ему на это Надина, и говорить больше не стала. Затѣмъ снова послѣдовала деревня... снова бѣдность... хлопоты по грошевому хозяйству и снова ребенокъ, но ужь дѣвочка и, о счастіе! не съ огромными ушами, а съ быстрыми и умными, какъ у матери, глазками. Надина привязалась къ этому ребенку съ первыхъ-же дней, и стоя на колѣняхъ передъ предсѣдателемъ уголовной палаты, своимъ родственникомъ, она выхлопотала, что мужа оправдали, опредѣлила его потомъ въ лѣсничіе, вникала въ его должность, брала за него взятки, но ничто не помогло: года черезъ два, Басардина, за обнаруженное передъ начальствомъ совершенное незнаніе лѣсной части, удалили снова отъ должности. Надина на этотъ разъ ничего ужь и не сказала, а сама между тѣмъ высохла до состоянія щепки и начала подозрительно кашлять.

И не одну, не двухъ, а сотни и тысячи, мы знаемъ подобныхъ труженицъ-матерей, которыя на своихъ скорбныхъ плечахъ, часто подъ колотками и бранью, подни-

маютъ огромныя семьи, и не безнравственныхъ правъ требуютъ онѣ у общества, а чтобы хоть сколько-нибудь подсобили имъ нести труды, которые возложили на нихъ самцы-супруги.

Спихнувъ кое-какъ своихъ старшихъ сыновей въ корпуса, Надина на сколоченные съ грѣхомъ пополамъ гроши стала воспитывать свою дочурочку. Она ее мыла, наряжала, сама учила говорить по-французски, присѣдать, танцовать. Обрывая потомъ себя до послѣдней нитки, отдала ее въ пансіонъ и безпрестанно ѣздила къ ней, чтобъ она не скучала... Соня, дѣйствительно, была прелестный ребенокъ: высокенькая, граціозная, съ прекраснымъ и уже недѣтскимъ выраженіемъ на лицѣ, она, видимо, наслѣдовала душу матери и тѣло отца. Но Надинѣ, въ ея материнскомъ увлеченіи, казалось въ красотѣ дочери нѣкоторое сходство съ красотой князя, медальонъ котораго до сихъ поръ еще хранился далеко-далеко запрятаннымъ въ старомъ комодѣ въ потайномъ ящикѣ: въ жизни ея была одна поэтическая минута, и она осталась ей вѣрна до гроба...

Изъ Петербурга, между тѣмъ, пришло извѣстіе, что двое старшихъ сыновей ея, очень добрые мальчики, но очень плохо учившіеся и сырой комплекціи, умерли отъ скарлатины. Надежда Павловна даже не огорчилась: бѣдность иногда измѣняетъ и чувства матери! „Чтожъ! Сонѣ больше останется,“ шевельнулась въ головѣ ея нечистая мысль.

Впрочемъ, въ корпусѣ у нея оставался еще младшій сынокъ, Викторъ; но лучше-бы было и не вспоминать о немъ. Только по великой добротѣ благодѣтеля директора онъ не былъ выгнанъ, потому что, кромѣ ужь лѣности, грубости и шалостей, дѣлалъ такія вещи, отъ которыхъ у бѣдной матери сердце кровью обливалось!

Соня, наконецъ, кончила курсъ, и Надежда Павловна везла ее теперь къ дѣду и теткѣ, передъ кото-

рыми, какъ это ей ни было тяжело, въ послѣднее время она ужасно унижалась, все надѣясь, не сдѣлаютъ-ли они Соню своей наслѣдницей.

V.

Молодые отпрыски.

Ковригино, усадьба секундъ-маіора, было уже видно. Въ наугольной комнатѣ господскаго дома свѣтился огонекъ. Всѣ очень хорошо знали, что это отъ лампадки передъ иконами. Направо, въ окнахъ кухни, пылало цѣлое пламя: значитъ, готовился ужинъ. День былъ канунъ 1843 года, и, вѣроятно, ожидали священниковъ.

Почуявъ знакомыя мѣста, даже Митька оживился и началъ бить безпрестанно свою клячу кнутовищемъ по заду. Потапъ едва поворотилъ на гору саврасую кобылу, до того она разскакалась. Шаркуны на тройкѣ Михайла весело звенѣли. Первая ихъ услыхала и узнала выбѣжавшая было за квасомъ горничная дѣвка Прасковья, добрѣйшее и глупѣйшее существо въ мірѣ. Она воротилась въ дѣвичью, какъ сумасшедшая.

— Надежда Павловна ѣдетъ, чертовки! — объявила она весело своимъ товаркамъ, сидѣвшимъ за прялками.

— Перины приготовлять надо! Гдѣ у тебя перины-то? Поди, чай, на холоду! — сказала заботливо другая дѣвица, Ѳедора, третьей дѣвкѣ.

— Принесу!... — отвѣчала ей та, и тоже не безъ удовольствія.

Пріѣздъ гостей для этихъ полузатворницъ всегда былъ чѣмъ-то въ родѣ праздника.

— Что сидите! Барышнѣ сказать надо! — сказала наконецъ какимъ-то холоднымъ, металлическимъ голосомъ, вставая и уходя, четвертая дѣвушка, Иродіада, молодая, красивая и лучше всѣхъ одѣтая.

Митька прикатилъ Дарью къ дѣвичьему крыльцу, а Басардинъ остановился у передняго и, вылѣзши изъ саней, хотѣлъ подслужиться къ женѣ и высадить ее: но та даже не замѣтила его и прошла, опершись на руку лакея. Соня, какъ птичка, порхнула вслѣдъ за матерью.

Биби, въ сопровожденіи двухъ, трехъ горничныхъ дѣвицъ со свѣчами, дожидалась ихъ въ передней и со свойственною ей проницательностью сейчасъ-же замѣтила, что на самой Надеждѣ Навловнѣ салопишко веретеномъ встряхни, а на дочкѣ новый атласный, на лисьемъ мѣху. Соня сейчасъ-же бросилась къ теткѣ и начала цѣловать ея руки — разъ, два, три... Биби сама цѣловала ее въ лицо, въ шею. У ней при этомъ даже навернулись слезы на глазахъ. Между собой сестры поцѣловали одна у другой руку.

— Здравствуй, другъ мой, — отнеслась потомъ Биби къ зятю, не допуская его поцѣловать у ней руку, и сама цѣлуя его въ губы. Она любила Петра Григорьевича за его кроткій и богомольный нравъ.

По залѣ въ это время ходилъ молодой человѣкъ въ студенческой формѣ. Глаза его, кажется, искали молоденькихъ глазъ дѣвушки, и, когда они переглянулись, Соня сейчасъ-же потупилась и начала какъ будто-бы поправлять платье, а студентъ, со вспыхнувшимъ лицомъ, продолжалъ на нее смотрѣть и только черезъ нѣсколько секундъ сообразилъ и подошелъ въ рукѣ Надежды Павловны.

— Ахъ, Саша! Ты какъ здѣсь? — невольно воскликнула та.

— Такъ-съ, пріѣхалъ... — отвѣчалъ Александръ сконфуженнымъ тономъ.

— Его мать сюда нарочно прислала, — произнесла Биби съ замѣтнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ.

Это былъ единственный сынъ ихъ родной племянницы, богатой женщины: Надежда Павловна безконечно

завидовала всему этому семейству и считала ихъ соперниками по наслѣдству отъ Биби.

Студентъ подошелъ также и къ рукѣ Сони. Она проворно подала ему свою ручку, и что-то бѣленькое, въ родѣ свернутаго клочка бумажки, осталось въ его рукѣ.

Онъ проворно спряталъ ее въ карманъ.

— Что батюшка?... — спросила Надежда Павловна печальнымъ голосомъ сестру.

— Слабъ, — отвѣчала та въ томъ-же тонѣ, и когда всѣ было пошли за нею, она прибавила: — не ходите всѣ вдругъ.

Секундъ-маіору въ это время было безъ году сто лѣтъ; но онъ сохранилъ всѣ зубы и прекрасный цвѣтъ лица; лишился только ногъ и былъ слабъ въ разсудкѣ. Съ сѣдою какъ лунь бородою, совсѣмъ плѣшивый, съ старческими, слезливыми глазами, въ заячьемъ тулупчикѣ и кожаныхъ котахъ, онъ сидѣлъ въ своей комнаткѣ, въ креслахъ, у маленькаго столика, на которомъ горѣла сальная свѣча.

Передъ нимъ стоялъ дворовый мальчикъ въ рубашкѣ и босикомъ. Биби только въ недавнее время успѣла удалить отъ отца его приближенную мерзавку, и то ужь уличивъ ее почти на мѣстѣ преступленія въ пьянствѣ и воровствѣ. Старикъ болѣе полугода все печалился о своей нянькѣ, но воспротивиться дочери не смѣлъ.

Теперь онъ цѣлые дни игралъ съ дворовыми ребятишками въ карты въ дурачки, въ ладышки, и съ настоящимъ своимъ собесѣдникомъ они въ чемъ-то, должно быть, разсорились.

— Ты зачѣмъ у меня кралю-то укралъ? — говорилъ онъ мальчику.

— Что ты? Гдѣ укралъ? Она у тебя, баринъ, на рукахъ, — отвѣчалъ тотъ дерзко.

— Гдѣ на рукахъ? — повторялъ старикъ, плохо ужь разбиравшій и карты.

Въ это время вошла Биби, и мальчикъ сейчасъ-же вытянулся въ струнку.

— У васъ въ ручкахъ-съ!..—отвѣчалъ онъ вѣжливо. и показалъ на дѣйствительно находившуюся въ рукахъ маіора даму.

— Батюшка, Надина пріѣхала, — объявила Биби отцу почтительнымъ тономъ, и потомъ первая бросилась къ дѣду Соня. Она схватила его грязную руку и цѣловала.

— Ну вотъ!.. — говорилъ онъ, въ одно и то-же время плача и смѣясь.

— Я вамъ, дѣдушка, конфектъ привезла... Мнѣ ихъ подарили въ пансіонѣ, а я ихъ вамъ сберегла, — продолжала Соня, проворно вынимая изъ своего кармашка цѣлую кучу конфектъ.

— Ну вотъ!.. — повторялъ старикъ совсѣмъ довольный. Лучше этого для него ничего не могло быть... Сахаръ и конфекты онъ обыкновенно клалъ во все, даже въ щи.

— Чай до службы или послѣ службы будете пить!— спросила Биби своихъ гостей.

— Я думаю, послѣ службы, — отвѣчала Надежда Павловна, чтобъ угодить сестрѣ. — Переодѣться только Сонѣ надобно!... — прибавила она робко и не желая, чтобы дочь, хоть на минуту, явилась передъ посторонними глазами не мило-одѣтою.

— Ну, ну, поди, принарядись, козочка!—сказала ей тетка ласково.

Соня съ жаромъ поцѣловала ее въ грудь.

Биби на этотъ разъ до того простерла свою ласковость къ племянницѣ, что сама пошла и показала отведенную для нея комнату, гдѣ, замѣтивъ, что у Сони башмачки худы (единственная вещь, которую мать не успѣла сдѣлать ей), она сейчасъ-же позвала дворового башмачника Сережку и велѣла ему снять съ барышни

мѣрку и изъ домашней замши сдѣлать ей ботиночки крѣпкія, теплыя и просторныя.

— Можно это... — отвѣчалъ Сережка, по обычаю своего званія съ ремнемъ на головѣ, нѣсколько кривобокій, перепачканный въ купоросѣ и сажѣ и сильно, должно быть, пристрастный къ махоркѣ.

Басардинъ, между тѣмъ, ходилъ по залѣ съ Александромъ.

— Вотъ, какъ это разсудить!—говорилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ и доставая длинною бумажкой отъ образовъ огня:—грѣхъ отъ лампадки закуривать или нѣтъ?

— Нѣтъ!.. — чтожъ? — отвѣчалъ студентъ. — Нынче вотъ электричествомъ изобрѣли закуривать... при химическомъ соединеніи обнаруживается электричество... если теперь искру пропустить сквозь платину, то при соприкосновеніи ея съ воздухомъ дается пламя...

Студентъ замѣтно поддѣлывался къ родителю Сони, и, желая ему разсказать что-нибудь интересное, толковалъ ему вещь, которую и самъ не совсѣмъ хорошо понималъ.

— Не знаю-съ, не видалъ! — отвѣчалъ Басардинъ.

Пріѣхали священники. Отецъ Николай, начавъ еще въ сѣняхъ надѣвать рясу, въ залу входилъ выправляя изъ-подъ нея свои волосы. Басардинъ сейчасъ-же подошелъ къ нему подъ благословеніе и движеніемъ руки просилъ его садиться. Студентъ поклонился священнику издали.

Оставшіеся въ передней дьячки тотчасъ-же попросили у ключницы барскаго квасу, и выпили его стакана по четыре.

— Что перемело дорогу-то?—заговорилъ Петръ Григорьевичъ первый. Онъ умѣлъ и любилъ потолковать съ духовенствомъ.

— И Господи какъ!—отвѣчалъ священникъ:—я, при-

знаться сказать, собачку держу, такъ бѣжитъ впередъ, поѣзжай за ней, никогда не собьешься... — прибавилъ онъ и, вѣроятно занятый какимъ-нибудь своимъ горемъ, задумался.

Петръ Григорьевичъ нѣкоторое время какъ-бы недоумѣвалъ.

— А что, отецъ Петръ все еще при церкви?—проговорилъ онъ наконецъ съ улыбкой.

Видимо, сдѣланный имъ вопросъ былъ нѣсколько щекотливаго свойства.

— Все еще тутъ,—отвѣчалъ отецъ Николай.

— И все попрежнему неудовольствія идутъ?

— Все также и тоже, idem per idem!

— Хуже этихъ неудовольствій ничего быть не можетъ!—заключилъ Басардинъ. По своему миролюбивому нраву, онъ искренно полагалъ, что всѣ несчастія происходятъ отъ того, что люди ссорятся.

Священникъ ничего на это не отвѣчалъ: передъ тѣмъ только начальство выдержало ихъ обоихъ подъ началомъ и все-таки не помирило.

Вошли: Биби, нѣсколько чопорной походкой, Надежда Павловна, въ своемъ томъ-же дорожномъ капотѣ, и Соня, вся блистающая своимъ свѣжимъ личикомъ и новымъ, съ иголочки, холстинковымъ платьецемъ. Всѣ онѣ, по примѣру хозяйки, подошли къ благословенію отца Николая, который послѣ того сталъ надѣвать ризы, а изъ лакейской появились, съ раздутымъ кадиломъ и съ замасленными книгами, дьячки. Петръ Григорьевичъ подсдвинулся къ нимъ, чтобы подпѣвать во время службы: онъ до сихъ поръ имѣлъ еще довольно порядочный теноръ. Надежда Павловна, Соня и Биби помѣстились въ дверяхъ гостиной. Изъ дѣвичьей и изъ лакейской стали появляться горничныя дѣвицы, дворовыя бабы съ ребятишками и мужики. Биби непремѣнно требовала, чтобы вся ея прислуга ходила на каждую въ домѣ цер-

ковную службу, и если при этомъ хоть какая-нибудь даже трехлѣтняя дѣвочка, поклонившись въ землю, позазѣвается, она непремѣнно замѣтитъ это и погрозитъ ей пальцемъ. Запахъ отъ мужицкихъ тулуповъ и бабъ, пришедшихъ съ грудными младенцами, сдѣлался невыносимымъ. Горничныя дѣвицы, въ угоду госпожѣ, молились до поту лица. Соня тоже ужасно усердно молилась и постоянно старалась быть на глазахъ у тетки. Студентъ со сложенными руками, стоялъ посреди народа. Всенощная и молебенъ съ акаѳистомъ въ Ковригинѣ обыкновенно продолжались часовъ по пяти.

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ,“ — раздалось послѣ службы. Въ самомъ дѣлѣ, было уже двѣнадцать часовъ. Затѣмъ слѣдовалъ наскоро чай, котораго однако отецъ Николай успѣлъ выпить чашекъ пять, а дьячки попросили было и по шестой, но имъ уже не дали. За ужиномъ господамъ подавали одни кушанья, а причту другія: не смотря на свою религіозность, Биби почему-то считала для себя за правило кормить духовенство еще хуже, чѣмъ другихъ гостей; но тѣ совершенно этого не замѣчали.

Александръ во все время былъ взволнованъ. Онъ только послѣ службы улучилъ минуточку и прочелъ полученный имъ лоскутокъ бумаги. Тамъ было написано: *Любите меня и будьте осторожны.* Къ концу ужина онъ, наконецъ, осмѣлился и обратился къ Сонѣ, сидѣвшей съ потупленными глазами около тетки.

— Что вы желаете этому шарику? — сказалъ онъ, показывая ей скатанный кусочекъ хлѣба.

— Быть скромнымъ! — отвѣчала скороговоркой Соня.

— Это я! — сказалъ краснѣя студентъ.

Черезъ часъ въ Ковригинѣ все улеглось по своимъ комнатамъ: молодость — съ какой-то жгучею радостью въ сердцѣ, а старость и зрѣлость — съ своими обычными недугами и житейскими заботами, и врядъ-ли не одни

только во всемъ селеніи Митька и баринъ его Петръ Григорьевичъ заснули, ничего не думавъ.

VI.

Подставленная шпилька.

Невысоко стоявшее зимнее солнце тускло свѣтило въ нечистыя съ двойными рамами окна ковригинской гостиной, въ которую на этотъ разъ выкатили на креслахъ и стараго маіора, въ новомъ нанковомъ, по случаю праздника, чепанѣ, причесаннаго и примазаннаго. Вчерашній дворовый мальчишка, тоже въ новой рубахѣ, но по-прежнему босикомъ, стоялъ передъ нимъ навытяжкѣ. Соня сидѣла около дѣдушки и безпрестанно подавала ему то табакерку, то платокъ. Надежда Павловна была погружена въ пріятныя мысли, что неужели-же Биби не подаритъ Сонѣ, по случаю выхода ея изъ пансіона, хоть рублей сто, а Петръ Григорьевичъ, напротивъ, былъ грустенъ и, сидя на диванѣ, чертилъ на пыльномъ столѣ какіе-то зигзаги: жена ему только сегодня поутру сказала, что они дѣйствительно ѣдутъ на баллотировку.

— Опять этотъ городъ, незнакомые люди, а можетъ быть, и эта служба проклятая!“—думалъ онъ: деревенскую свободу и уединеніе Петръ Григорьевичъ предпочиталъ всему на свѣтѣ.

Стали подавать закуску, и вошла Биби. Она была, какъ замѣтно, въ дурномъ расположеніи духа: ее сейчасъ только растревожила ходившая за ней и отчасти уже знакомая намъ дѣвица Иродіада.

Дѣвка эта представляла собой довольно загадочное созданіе: лѣтъ до шестнадцати, она, по мнѣнію Биби, была вѣтренница и мерзавка, и дошла, наконецъ, до того, что имѣла дитя. Случаи эти, бывавшіе, разумѣется,

въ Ковригинѣ не часто, всегда имѣли нѣсколько трагическій характеръ.

Когда преступница не имѣла долѣе возможности скрывать свой грѣхъ, то обыкновенно выбиралась какая-нибудь изъ пожилыхъ и болѣе любимыхъ госпожею дѣвицъ, чтобы доложить ей, и по этому случаю, прямо, безъ зову, входила къ ней.

— Что тебѣ?—спрашивала Биби нѣсколько встревоженнымъ голосомъ.

— На счетъ Катерины пришла доложить-съ,—отвѣчала протяжно пришедшая.

— Что такое?—спрашивала госпожа, уже блѣднѣя.

— Въ тягости изволитъ быть, беременна-съ.

Преступница, стоявшая въ это время за дверьми, распахивала ихъ и, ползя на колѣняхъ, стонала.

— Матушка, прости! государыня, помилуй!

— Прочь отъ меня, мерзавка!... Видѣть тебя не хочу!—восклицала Биби съ ужасомъ и омерзѣніемъ.

Дѣвка продолжала ползти на колѣняхъ.

— Я любила твою мать, твоего отца... и чѣмъ ты меня за все это возблагодарила? Тебѣ еще мало, что на конюшнѣ выдерутъ, что косу обрѣжутъ, тебѣ этого мало,—продолжала госпожа, все болѣе разгорячаясь.— И у дѣвки, дѣйствительно, обстригали косу, а иногда и подсѣкали ее. Ребенокъ, по большей части, умиралъ, и бѣдная грѣшница, съ обезображенною головой, въ затрапезномъ сарафанишкѣ, прячась отъ господъ, ходила ободворками на полевую работу, и часто, только спустя годъ, призывалась въ горницу; но тутъ являлась какою-то робкою, старалась всегда стоять и сидѣть въ темныхъ мѣстахъ и на всю жизнь обыкновенно теряла милость госпожи. То же самое повторилось и съ Иродіадой; но только она, послѣ своего несчастія, какъ-бы окаменѣла и, призванная снова въ горницу, прямо явилась къ барышнѣ.

— Простите меня, сударыня, я исправлюсь и заслужу вамъ,—проговорила она.

Видно было, что въ голосѣ ея прозвучало что-то особенное, такъ что даже Биби это замѣтила.

— Я ходить бы, сударыня, за вами желала,—продолжала между тѣмъ смѣло Иродіада.

— Хорошо, тамъ увидимъ, — отвѣчала ей Биби, и черезъ двѣ недѣли, сверхъ всѣхъ своихъ правилъ, надумала и допустила Иродіаду ходить за собой. Та начала служить ей нелицемѣрно: ни съ однимъ мужчиной послѣ того она уже не пошутила; никто никогда не смѣлъ браннаго звука произнести при ней про госпожу; спавъ всегда въ комнатѣ Биби, она, какъ это видали почти каждую ночь, уходила въ образную и, стоя на колѣняхъ, молилась тамъ до утренней зари; когда пріѣзжали гости и хоть на минуту оставались одни, безъ хозяевъ, Иродіада подслушивала у дверей, что они говорятъ. Въ настоящемъ случаѣ она доложила барышнѣ, какъ Надежда Павловна и Софья Петровна, ложившись вчера почивать, изволили между собою разговаривать, что-де въ Ковригинѣ изъ такого все запасу и такъ все скверно готовится, что онѣ ничего въ ротъ не могутъ взять.

Биби на это только хмыкнула.

Войдя въ гостиную и усѣвшись на диванѣ, она прямо обратилась къ зятю:

— Петръ Григорьичъ, выпей водочки и скушай что-нибудь. Не побрезгуй хоть ты-то нашимъ хлѣбомъ-солью.

Въ послѣднихъ словахъ ея послышалось что-то зловѣщее для Надины. Но Петръ Григорьевичъ, ничего этого, конечно, не понявшій, положилъ себѣ не безъ удовольствія на тарелку два куска пирога и, отправившись въ уголъ, началъ тамъ смиренно ѣсть.

— Саша, покушай, другъ мой! — обратилась Биби къ Александру и нарочно необыкновенно ласковымъ голосомъ.

Студентъ тоже, со свойственнымъ его возрасту аппетитомъ, наложивъ себѣ на тарелку не совсѣмъ свѣжей печенки, сухой икры и трехгодовалыхъ рыжиковъ, принялся все это уничтожать. Надежда Павловна и Соня намазали себѣ только немного масла на хлѣбъ.

Биби рѣшительно шипѣла.

— Викторъ вашъ скоро долженъ выйти въ офицеры, — отнеслась она къ сестрѣ.

При этомъ ужь Надежда Павловна вспыхнула; Биби всегда колола ее тѣмъ, что въ отношеніи къ сыновьямъ на дурно ъисполняетъ свои обязанности.

— Да, если выдержитъ экзаменъ, — отвѣчала она коротко, чтобы прекратить этотъ разговоръ.

— Я получила отъ него довольно странное письмо,— продолжала Биби съ разстановкой. — Вотъ оно, не хочешь-ли полюбопытствовать, — прибавила она, вынимая изъ кармана и подавая Надеждѣ Павловнѣ кругомъ исписанный листъ почтовой бумаги. Та взяла его дрожащею и сконфуженною рукой. Она заранѣе предчувствовала, что тутъ заключается; но, съ продолженіемъ чтенія, гнѣвный румянецъ все больше и больше выступалъ на ея щекахъ. Молодой Басардинъ, не смотря на кадетскій почеркъ и обильное число грамматическихъ ошибокъ, владѣлъ, какъ видно, перомъ. „Дражайшая тетушка!“ писалъ онъ: „я еще помню васъ маленькимъ, и драгоцѣнный образъ вашъ навсегда сохранилъ въ моей памяти. Простите великодушно, почтеннѣйшая тетушка, что никогда не писалъ къ вамъ. Причиной тому мои родители, которые отвергнули меня еще отъ груди матери, но теперь я скоро буду офицеръ и хочу самъ себѣ пробить дорогу въ жизни или умереть на полѣ чести“...

— Боже, какъ онъ глупъ!—почти простонала бѣдная мать.

„Я, вѣроятно, по успѣхамъ въ наукахъ буду выпущенъ въ гвардію,“ продолжалъ кадетъ; „но, къ несча-

стію моему, не имѣю не только что на обмундировку, но даже купить получше смазныхъ сапоговъ для выхода изъ корпуса по праздникамъ. На васъ теперь, высокоуважаемая тетушка, вся надежда молодаго несчастливца, который послѣ многихъ писемъ къ родителямъ, на которыя не получалъ даже отвѣта...“

Далѣе Надежда Павловна не въ состояніи была читать.

— Онъ вретъ, мерзкій мальчишка! Я недавно послала ему пятьдесятъ рублей, и никогда онъ не будетъ выпущенъ въ гвардію! — проговорила она гнѣвно и съ полными слезъ глазами.

— Я ничего того не знала и не знаю, и конечно пособила ему, сколько могла... — произнесла Биби напыщеннымъ тономъ.

— Напрасно!—возразила Надежда Павловна:—вамъ бы лучше слѣдовало это письмо прислать ко мнѣ.

— Ну, ужь извините, этого я не сообразила,—отвѣчала ядовито-покорно Биби.

— Потому что,—продолжала Надежда Павловна рыдающимъ голосомъ,—ссорить мать съ дѣтьми...

— Кто же это васъ ссоритъ? — перебила ее строго Биби. Надежда Павловна нѣсколько пріостановилась.— Кто же это васъ ссоритъ?—повторила Биби:—а что то, что видятъ всѣ добрые люди, того скрыть нельзя... — заключила она многознаменательно.

— Ну да, всѣ видятъ... вы всегда были противъ меня во всемъ... а хотя бы немного пощадили меня,— произнесла окончательно разрыдавшаяся Надежда Павловна и ушла. Соня послѣдовала за матерью.

— Я же виновата! — сказала Биби и преспокойно принялась за свою работу.

Огорченіе, которое причинила она на этотъ разъ сестрѣ, было очень сильно. Надежда Павловна, позабывъ всякій расчетъ на наслѣдство, прислала черезъ нѣсколько минутъ Соню въ гостиную,

Та первоначально подошла къ отцу.

— Папаша! мамаша велѣла вамъ сказать о лошадяхъ... Послѣ обѣда мы поѣдемъ.

Что-то въ родѣ улыбки промелькнуло на лицѣ Биби. Соня подошла къ ней.

— Мамаша велѣла васъ спросить, сколько вы послали братцу, и вотъ она деньги прислала вамъ,—говорила она, протягивая къ теткѣ руку съ пачкой ассигнацій.

Биби покраснѣла.

— Я не беру назадъ того, чѣмъ дарю, — сказала она, хоть бы однимъ членомъ пошевелившись.

Соня на нѣкоторое время осталась сконфуженною. Сначала она, съ потупленною головой, пошла было къ матери, потомъ тотчасъ-же вернулась оттуда и сѣла опять около дѣдушки. Петръ Григорьевичъ, не совсѣмъ понявшій переданное ему отъ жены приказаніе, обратился къ дочери:

— Что-же, закладывать, что-ли, надо?...

— Да-съ, — отвѣчала Соня, и въ это время какая-то мгновенная игра во взорахъ произошла между ею и Александромъ, который сейчасъ послѣ того всталъ и пошелъ за Басардинымъ.

Тонкій слухъ Биби донесъ ей, что и онъ тоже велѣлъ себѣ закладывать лошадей.

— Ты это куда? — спросила она, когда Александръ возвратился.

— Нужно, бабенька; мнѣ въ городѣ еще надобно пробыть; потомъ къ маменькѣ заѣхать; въ дорогѣ тоже дня четыре пробудешь... — говорилъ онъ, краснѣя и путаясь.

— Врешь все! — сказала Биби и, по самолюбію своему, ничего больше не прибавила. Она очень хорошо видѣла, что внукъ оказывалъ въ этомъ случаѣ Басардинымъ предпочтеніе противъ нея, но объ истинной тому

причинѣ врядъ-ли догадывалась. Обоихъ молодыхъ людей она еще считала за совершенныхъ дѣтей.

Передъ самымъ отъѣздомъ Соня выкинула маленькую и не совсѣмъ, кажется, искреннюю штуку. Оставшись случайно съ теткой вдвоемъ, она вдругъ бросилась къ ней на шею и проговорила:

— Тетенька, простите маменьку!

— Я ничего не имѣю противъ нея, — отвѣчала сухо Биби, и затѣмъ, объявивъ племянницѣ, что ботиночки она вышлетъ ей въ городъ съ первою-же оказіей, повѣсила ей на шею маленькій образокъ Митрофанія на золотой цѣпочкѣ, но и только!

При разставаньѣ, всѣ пошли первоначально проститься съ старикомъ, который и не уразумѣлъ, что это такое, и по прежнему повторилъ свое: „ну вотъ! ну вотъ!“ Биби простилась съ нѣкоторымъ чувствомъ съ однимъ только Петромъ Григорьевичемъ, и сказала ему: „прощай, мой другъ!“ Всѣ тронулись. Александръ, на своей щеголеватой тройкѣ, которую мать дала ему въ распоряженіе, поѣхалъ впереди. Онъ упросилъ также сѣсть съ собой и Петра Григорьевича, а парѣ его и Митькѣ съ Дарьей велѣно было ѣхать сзади.

Надежда Павловна, сѣвъ въ экипажъ, дала полную волю своему гнѣву и горю.

— Этакое зелье... змѣя!.. — повторила она нѣсколько разъ.

— Кто это, мамаша, тетенька? — спросила Соня.

— Да, — отвѣчала Надежда Павловна и продолжала: — этакая чертовка... вѣдьма!

Бѣдная женщина такъ была взволнована, что совершенно забыла свой обычно-приличный тонъ и всякую осторожность въ присутствіи дочери.

Морозъ, между тѣмъ, съ закатомъ солнца, страшно свирѣпѣлъ; лошади, сплошь покрытыя иннеемъ, бѣжали быстро; полозья скрипѣли, какъ будто-бы ѣхали по льду.

Кучера, а въ томъ числѣ и флегматическій Митька, безпрестанно соскакивали съ передковъ и бѣжали около повозокъ. Потапъ, забравшись на барское мѣсто, хотьбы чортъ все побралъ, пересталъ ужь и править лошадьми. У Надежды Павловны, отъ холода и душевныхъ волненій, до сумасшествія болѣла голова. Даже Петра Григорьевича, не смотря на капитальный запасъ собственной теплоты, сильно пробирало. Его потертые медвѣди какъ-бы совсѣмъ отказались служить ему. „Шубой тоже называется, шваль этакая!“ начиналъ онъ думать съ нѣкоторою досадой.

Такимъ образомъ только два существа были тутъ счастливы. Студентъ, который съ какимъ-то опьянѣніемъ думалъ, что́ съ нимъ будетъ сегодня-же вечеромъ, и Соня въ своемъ тепломъ салопчикѣ, мечтавшая, какъ и съ кѣмъ она будетъ танцовать на балахъ. Передъ ними обоими мысли разстилались длинною и заманчивою пеленой.

VII.

Блаженнѣйшія минуты.

Басардины всегда останавливались ночевать въ Захарьинѣ у Никиты Семенова, мужика зажиточнаго, нѣсколько дерзкаго и грубаго на языкъ, но правдиваго и рѣшительно всѣхъ своихъ постояльцевъ — и мужика, и барина — одинаково разумѣвшаго.

Въ большой избѣ его была зажжена огромная лучина и не было ни души. Самъ онъ только сейчасъ возвратился съ базару и, въ одной рубахѣ, съ желѣзнымъ подсвѣчникомъ въ зубахъ, что-то не совсѣмъ ловко возился съ запоромъ, который никакъ не входилъ у него въ скобку. Погнуло-ли ее, проклятую, или у самого Никиты косило въ глазахъ, прахъ ее знаетъ!

Хозяйка его, большуха, поила въ коровьей избѣ теленка, который никакъ не хотѣлъ совать морду въ крынку, но, принявъ, наконецъ, ея палецъ за материнскій сосокъ, принялся тянуть молоко. Бабушка-старуха, со внучатами, давно уже спала въ третьей избенкѣ.

Въ окно большой избы громко застучали кнутовищемъ... Никита, услыхавъ это, выглянулъ со свѣчей за калитку и, узнавъ своего стараго пріятеля, сиваго меренка, тотчасъ-же отпахнулъ ворота и поднялъ одною рукой длинную подворотню.

— Въѣзжайте! — проговорилъ онъ.

Первый изъ саней выскочилъ Петръ Григорьевичъ: едва снявъ съ себя шапку и сбросивъ свою шубенку, онъ прямо полѣзъ на печь.

— Этакого чорта мороза еще и не бывало, — объяснялъ онъ оттуда, скидая съ себя сапоги и ставя свои ноги на самое горячее мѣсто печи.

Студентъ тоже, самъ не зная какъ, отморозилъ два пальца.

Дарья, совершенно окоченѣвшая отъ холоду, ввела барыню подъ руку. Надежда Павловна сейчасъ-же стала распоряжаться о чаѣ. Ее по преимуществу безпокоило, не прозябла-ли Соня; но та только пылала румянцемъ, и съ ея улыбки и розовыхъ щечекъ какъ-бы летѣли міріады амурчиковъ.

— Ничего, мамаша, — говорила она, когда мать вытирала ей лицо холодною водой и совѣтовала не снимать теплыхъ ботинокъ.

— Ничего!... — повторила Соня и, въ дорожномъ капотцѣ, съ выпущенными бѣлыми зарукавничками, положила ручки на столъ и стала лукаво глядѣть на студента, давно уже помѣстившагося невдалекѣ отъ нея и жадно на нее смотрѣвшаго.

Надежда Павловна, напоивъ молодежь чаемъ, наконецъ вспомнила о мужѣ.

— Гдѣ-же Петръ Григорьичъ? — спросила она.

— Я здѣсь... озябъ ужасно,—отозвался тотъ съ печи.

— Какой нѣжный, скажите! — замѣтила ему на это Надежда Павловна.

— Чего нѣжный!.. Шуба никуда не годится...

Шуба въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ еще стояла коломъ. Надежда Павловна послала на печку стаканъ чаю, а у самой въ теплѣ такъ разболѣлась голова, что она и сидѣть не могла: вставъ, какъ пьяная, съ мѣста, она сказала:

— Я пойду, прилягу!

Имъ съ Соней было постлано за перегородкой.

— А ты еще посидишь? — прибавила она, обращаясь къ дочери.

— Посижу! — отвѣчала та.

Надежда Павловна осталась какъ-бы въ недоумѣніи нѣсколько минутъ; но потомъ, проговоря „хорошо!“ ушла.

Въ этомъ словѣ заключалось цѣлое море материнской нѣжности. Она очень хорошо видѣла, что дочери хочется посидѣть съ студентомъ, и хоть, можетъ быть считала это съ своей стороны не совсѣмъ приличнымъ, но не въ состояніи была воспрепятствовать тому.

Оставшись вдвоемъ, молодые люди нѣсколько конфузились другъ друга.

— Ахъ, какія у этого господина ужасные усы!— проговорила Соня, показывая на ползшаго по столу таракана.

— А вотъ я его заключу сейчасъ,—сказалъ студентъ, и обвелъ кругомъ таракана водяную окружность. Тараканъ, дѣйствительно, засовался рыльцемъ туда и сюда, и не могъ ни-откуда выползти.

— Ну что, освободите его! — возразила Соня, и протянула было ручку, чтобъ обтереть воду. Студентъ не допускалъ ее. Руки ихъ встрѣтились.

— Отпустите его! — сказала наконецъ Соня строго и серьезно, и Александръ сейчасъ-же ей повиновался.

Послѣ того она обратила вниманіе на висѣвшее передъ образомъ яйцо.

— Ахъ, какое большое яйцо! — сказала она.

— Это, должно быть, лебединое, — объяснилъ ей студентъ.

— Зачѣмъ-же оно тутъ виситъ?

— У крестьянъ всегда такъ,—отвѣчалъ Александръ не хотя.

Видимо, оба они говорили совершенно не о томъ, о чемъ-бы имъ хотѣлось.

Съ печки въ это время началъ ужь явственно слышаться храпъ Петра Григорьевича.

— Опустите вашу ручку подъ столъ,— проговорилъ вдругъ Александръ, наклоняясь низко, низко надъ столомъ.

Соня сдѣлала движеніе, чтобы въ самомъ дѣлѣ опустить ручку; но въ это время дверь скрипнула. Молодые люди вздрогнули и пораздвинулись.

Въ избу вошелъ хозяинъ съ еще болѣе всклокоченною головой и бородой и сталъ оглядывать избу.

— Гдѣ ваша дѣвушка-то тутъ? Шла-бы ужинать!.. Дашутка!—крикнулъ онъ.

И Дарья дѣйствительно появилась откуда-то изъ-за печки, гдѣ она было прикурнула.

— Она была здѣсь!—сказала, закусивъ губки, Соня.

— Да,—прошепталъ и студентъ, не менѣе ея сконфуженнымъ голосомъ.

Дарья однако, ни въ чемъ, кажется, неповинная, смиренно ушла, а Никита не уходилъ.

— Я вотъ все на молодаго-то баринка гляжу, признать никакъ не могу, чей такой? — сказалъ онъ, не спуская съ Александра глазъ.

— Я Аполинаріи Матвѣевны Баклановой сынъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Слыхалъ... Папенька-то у тебя вѣдь нынѣ померъ?

— Да!

— Ты самъ-то изъ военныхъ, что-ли, али, можетъ, межевой? — продолжалъ Никита, уже садясь на лавку.

Онъ замѣтно былъ выпивши.

— Я студентъ, — отвѣчалъ Александръ.

— Въ ученьи еще, значитъ. По росту-то, словно-бы и службу тянать пора.

— Это все равно, что на службѣ: намъ даютъ два чина.

— За что-жъ это?

— За ученье.

Никита покачалъ головой.

— Плохо, что-то, паря, ваше ученье-то, — сказалъ онъ, — много тоже вотъ вашей братьи этакихъ проѣзжаетъ ихъ кутейниковъ, и изъ дворянства; пустой народъ, хабальный... офицеры не въ примѣръ подбористѣе будутъ, складнѣе.

Александръ на это счелъ за лучшее только усмѣхнуться.

— Въ женихи, что-ли, къ барышнѣ-то ладишь? — не отставалъ отъ него Никита и показывая головой на Соню.

— Нѣтъ, не въ женихи, — отвѣтилъ ему насмѣшливо Александръ.

— Намъ нельзя, мы родня,—подхватила Соня.

— Родня! Ишь ты, а!—произнесъ Никита, какъ-бы удивившись.—Коли родня, значитъ, нельзя теперь.

— Отчего-жъ? — спросилъ ужь Александръ.

— Въ законѣ не показано.

— Чтожъ что не показано! Это вздоръ!

— Какъ вздоръ!.. нѣтъ!.. Счастья при томъ не бываетъ. Коли тоже, гдѣ этакъ вотъ повѣнчаются, такъ опосля, чу! и не спятъ вмѣстѣ, все врозь... опроти-

Из фондов Российской национальной библиотеки

вѣетъ! — объяснилъ Никита откровенно, и Богъ знаетъ, до чего-бы еще договорился; но въ это время въ дверяхъ показалось лицо Михайлы, кучера Надежды Павловны.

— Что-те? — спросилъ онъ его.

— Сѣна-съ! — отвѣчалъ тотъ вѣжливо.

— А не хочешь-ли полѣна-съ? — отвѣчалъ ему Никита, впрочемъ сейчасъ-же всталъ и пошелъ.

Глядя на его огромную курчавую голову, двухаршинныя плечи и медвѣжью спину, неудивительно было, что онъ куражился надъ прочимъ человѣчествомъ.

— Какой онъ гадкій!—сказала, по уходѣ его, Соня.

— И несносный!—прибавилъ студентъ. Ручки Сони въ это время были подъ столомъ, Александръ и свою протянулъ туда и осмѣлился взять ее за кончики пальчиковъ... Ему отвѣтили полнымъ пожатіемъ. Онъ захватилъ уже всю ручку, и потомъ наклонившись, какъ-бы поднять что-то съ полу, поцѣловалъ ее.

— Перестаньте, — шепнула Соня.

— Отчего-же? — спросилъ Александръ.

— Такъ, я и то уже сдѣлала три ступени къ пороку, —говорила Соня.

— Нѣтъ, отчего-же? — повторилъ студентъ.

Блаженству ихъ не было предѣловъ!

Часто, глядя на казармо-подобные дома городовъ, слыша вѣчные толки о житейскихъ, служебныхъ и политическихъ дрязгахъ, глядя по театрамъ на бездарныхъ актеровъ, слушая музыку, которая больше бьетъ васъ по нервамъ, чѣмъ по душѣ, невольно приходилось думать: „гдѣ-жъ поэзія въ наше время?“ А вотъ гдѣ! На постояломъ дворѣ Никиты Семенова!.. Въ какомъ-нибудь маленькомъ домикѣ, гдѣ молодая мать, съ обнаженною шеей и распущенною косой, глядитъ на своего милаго ребенка: кругомъ ея нищета, а она на небѣ... На небольшой холмъ вышелъ труженикъ мысли, извѣдавшій своимъ разумомъ и теченіе водъ земныхъ, и ходъ

свѣтилъ небесныхъ, а теперь, съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ глядитъ на закатъ солнца и на окружающій его со всѣхъ сторонъ пурпуръ облаковъ!.. Сонный таперъ въ большой, грязной, но позолоченной комнатѣ играетъ на нестройной рояли; полупьяныя пары нетвердою поступью танцуютъ холодный и безстрастный канканъ, разбитыя и выпитыя бутылки катаются у нихъ подъ ногами; но тутъ-же, въ полусвѣтѣ, рисуется стройный станъ молодой женщины и черный профиль мужчины, и они говорятъ—говорятъ—говорятъ между собой! Посреди этой душной атмосферы винныхъ паровъ, безстыдныхъ и нахальныхъ рѣчей, посреди смрада болѣзни и разврата, ихъ искреннее чувство, какъ чистый ѳиміамъ, возносится къ небу... Гдѣ поэзія? Выкинуть ее изъ жизни все равно, что выкинуть изъ міра душу, мысль.

Сальная свѣчка, освѣщавшая Соню и студента, очень однако нагорѣла и только-что не гасла. Храпъ Петра Григорьевича раздавался по избѣ. Изъ комнаты Надежды Павловны не слышно было ни звука. Дарья все еще не возвращалась. Молодые люди уже нѣсколько минутъ держали другъ друга въ объятіяхъ и тихо, тихо цѣловались.

— Соня!—окликнула наконецъ мать.

— Сейчасъ, мамаша, — отвѣчала та, и вырвавшись изъ робко распустившихся рукъ Александра, ушла за перегородку, и черезъ нѣсколько минутъ, вся пылающая, но повидимому спокойная, лежала около матери.

Александръ взлѣзъ на полати.

Думали-ли они, что это были послѣднія для нихъ счастливыя минуты, и что они долго потомъ не сойдутся, а если и сойдутся, такъ далеко не полною рукой будутъ срывать розы счастья, и хорошо еще, если въ душахъ ихъ останутся отъ нихъ лепестки, не разбитые житейскими бурями и непогодами.

VIII.

Александръ совсѣмъ на небѣ.

Губернскій городъ, по случаю сошедшихся въ одно и то-же время баллотировки и рекрутскаго набора, значительно пооживился: на его длинныхъ и заборами исполненныхъ улицахъ стало попадаться, во всевозможныхъ деревенскихъ экипажахъ, много помѣщичьихъ физіономій. По лавкамъ болѣе обыкновеннаго толпились дамы, по большей части полныя и съ закругленными, красноватыми лицами. Петръ Григорьевичъ тоже ѣздилъ по визитамъ, сидя чопорно и прямо на своихъ пошевняхъ, и не съ неуклюжимъ Потапомъ, а съ Михайломъ, и не на саврасой кобылѣ, а на женихой коренной. Легче было-бы для этого бѣдняка ворочать жернова, чѣмъ дѣлать-то, что заставляла его Надежда Павловна. Хорошо еще, гдѣ говорили: „дома нѣтъ!“ а въ другихъ мѣстахъ и принимали.

— Какъ здоровье вашей супруги?.. вашихъ дѣточекъ?—говорилъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, и потомъ, заключивъ все это фразой: „имѣю честь поручить себя вашему расположенію“, заканчивалъ тѣмъ свое посѣщеніе.

Потъ уже градомъ катился съ его лба, и мысли его были въ самомъ дурномъ настроеніи.

„Выдумали эти окаянныя баллотировки, съѣзжаются тоже, толкуютъ, бѣснуются, а изъ чего, чортъ знаетъ!“ думалъ онъ, подъѣзжая къ своей квартиркѣ, которую нанимали они у Покровскаго священника во флигелькѣ.

Въ небольшой комнаткѣ, оклеенной чистенькими обоями и сейчасъ-же слѣдовавшей за передней, на небольшомъ кожаномъ диванчикѣ сидѣла Соня. Въ своей утрен-

ней блузѣ, съ завитыми въ папильотки волосами, она была олицетворенная прелесть и свѣжесть.

Будь у Петра Григорьевича хоть капля эстетическаго чувства, онъ, возвратясь съ визитовъ и увидѣвъ свою дочурочку, непремѣнно-бы почувствовалъ желаніе привлечь ее къ своей груди и расцѣловать ее въ губки, въ глазки, въ голову; но онъ только и есть что робко спросилъ ее:

— А что, мамаша дома?

— Дома, — отвѣчала Соня.

Басардинъ сѣлъ: ему всего-бы больше хотѣлось поскорѣй стянуть съ себя проклятый мундиръ, но онъ не смѣлъ этого, не зная, не пошлютъ-ли его еще куда-нибудь.

Александръ, обыкновенно забиравшійся къ Басардинымъ съ ранняго утра, былъ тутъ-же. Лицо его сіяло счастіемъ. Каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ Соня исполняла его какимъ-то восторгомъ. Въ сосѣдней комнатѣ Надежда Павловна все хлопотала съ бальнымъ нарядомъ дочери, которая въ этотъ день должна была въ первый разъ выѣхать въ собраніе: но Соня, напротивъ, оставалась совершенно спокойна, она даже смѣялась надъ хлопотами и безпокойствомъ матери. Будущая пожирательница мужскихъ сердецъ заранѣе предчувствовала, что выйдетъ оттуда побѣдительницей.

Надежда Павловна, утомленная, нечесанная, наконецъ вышла.

— Что же столъ не накрываютъ?—сказала она усталымъ голосомъ.

Александръ сейчасъ же началъ раскланиваться. Чтобы не стѣснять Басардиныхъ въ ихъ хозяйствѣ, онъ никогда не оставался у нихъ обѣдать.

— Adieu! — сказала ему Надежда Павловна, сама хорошенько не помня, что говоритъ. Соня посмотрѣла на студента съ нѣжностью. Петръ Григорьевичъ пошелъ проводить его до передней.

— Славный конь!—сказалъ онъ, когда Александръ подкрикнулъ своего извощика, на сѣромъ въ яблокахъ жеребцѣ, съ медвѣжьею полостью на саняхъ. Чтобы представить изъ себя вполнѣ губернскаго денди, молодой человѣкъ не ѣздилъ на своихъ дорожныхъ лошадяхъ, а нанималъ лучшаго въ городѣ лихача-извощика. Усѣвшись въ сани и завернувшись нѣсколько по-офицерски въ свою, съ бобровымъ воротникомъ, шинель, онъ крикнулъ: „пошелъ!“

Извощикъ сразу продернулъ его мимо Басардинскихъ оконъ, причемъ студентъ едва только успѣлъ приложиться рукой къ фуражкѣ, а Соня кивнуть ему черезъ стекло головой.

— Славный конь! славный!—повторялъ ему вслѣдъ Петръ Григорьевичъ. Старый кавалеристъ до сихъ поръ любилъ еще считать себя большимъ знатокомъ въ лошадяхъ, и врядъ-ли это была не единственная вещь, которою онъ гордился въ жизни. Александръ между тѣмъ, черезъ двѣ, три улицы, подъѣхалъ къ большому деревянному дому. Это былъ ихъ собственный домъ. Покойный отецъ его былъ какой-то несмѣняемый предсѣдатель уголовной палаты. Онъ-то обыкновенно, изъ сожалѣнія къ Надеждѣ Павловнѣ, выцарапывалъ Петра Григорьевича изъ-подъ суда и считалъ его въ то же время дуракомъ набитѣйшимъ. Въ прежніе годы онъ и побиралъ порядочно; но передъ смертью только и жилъ что въ ѣду и комфортъ. Домъ у него былъ отдѣланъ на барскую руку. Александръ вошелъ съ передняго крыльца. Его встрѣтилъ губернскаго закала мрачный и грязный лакей и, проводивъ барина до кабинета, хотѣлъ было тутъ же подать обѣдать.

— Накрой въ столовой! — сказалъ ему Александръ сколько могъ строго, и лакей, въ насмѣшку-ли, или изъ угодливости, размахнулъ тамъ дубовый столище, на которомъ прежде обѣдывало человѣкъ по двадцати,

покрылъ его длиннѣйшею скатертью и, поставивъ передъ приборомъ миску съ плоховатымъ супомъ собственнаго приготовленія, доложилъ барину: „готово-съ!“ Александръ пошелъ и сѣлъ не безъ удовольствія на занимаемое прежде отцомъ его мѣсто.

Припомните, читатель, ваше юношество, первое, раннее юношество! Вы живете съ родителями. Вамъ все какъ-то неловко курить трубку или папироску въ присутствіи вашего отца. Къ вамъ пришли гости, и вы должны идти къ матери, сказать ей: „maman, ко мнѣ пришло двое товарищей, прикажите намъ подать чаю наверхъ!“ Вамъ на это, разумѣется, ничего не скажутъ, но все-таки, пожалуй, сдѣлаютъ недовольную мину. Вамъ ужасно захотѣлось маленькій голубой диванъ, что стоитъ въ залѣ, перенести въ вашу комнату, и вы совершенно спокойно просите объ этомъ отца, и вдругъ на васъ за это крикнутъ... О, какъ вамъ при этомъ горько, обидно и досадно! Но вотъ — родители ваши собрались и уѣхали, и вамъ не только что не грустно объ нихъ, напротивъ, вамъ очень весело! Вы полный господинъ и самого себя, и всѣхъ вещей, и всего дома. Вы съ улыбкой совершеннолѣтняго человѣка ходите по залѣ; посматриваете на шкафъ съ книгами, зная, что можете взять любую изъ нихъ; вы поправляете лампу на среднемъ столѣ, вы сдуваете наконецъ пыль съ окна. Вамъ кажется, что все это ужь ваше.

То же, или почти то же самое, чувствовалъ и мой девятнадцатилѣтній герой.

— Тамъ въ погребѣ должно быть вино, — сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу повелительный тонъ.

— Есть,—отвѣчалъ лакей протяжно.

— Принеси мнѣ бутылку сенъ-жюльена.

Лакей неторопливо пошелъ и принесъ вино вмѣстѣ съ подгорѣлымъ жаренымъ. Александръ налилъ себѣ цѣлый стаканъ и сталъ изъ него самодовольно прихлебывать,

— Затопи каминъ!—распорядился онъ еще разъ.

Лакей повиновался и, возвратясь, притащилъ цѣлую охапку сырыхъ дровъ.

— Затопи каменнымъ углемъ; развѣ нѣтъ каменнаго угля? воскликнулъ Александръ.

Лакей, ни слова не отвѣтивъ, унесъ дрова назадъ, и вмѣсто ихъ принесъ, въ полѣ собственнаго сюртука, около пуда угля, и вваливъ все это въ каминъ, принялся, съ раскраснѣвшимся и озлобленнымъ лицомъ, раздувать огонь.

Александръ ушелъ въ кабинетъ, и тамъ, сѣвъ за письменный столъ отца, къ которому прежде прикоснуться не смѣлъ, написалъ записочку.

„Любезный другъ! Я пріѣхалъ, и затѣваю ужасную вещь! Если ты свободенъ, пріѣзжай, поболтать, съ симъ же посланнымъ. Мнѣ нужно обо многомъ съ тобой поговорить.“

Надписавъ на конвертѣ „Венявину,“ онъ это письмо велѣлъ свезти извощику, а самъ, надѣвъ бархатный, съ таліей и съ шелковыми кистями, халатъ, нарочно сшитый имъ въ Москвѣ для произведенія въ провинціи эффекта, возвратился въ столовую.

Тамъ огонь уже ярко пылалъ въ каминѣ, зимнія сумерки совершенно потухали, и стекла оконъ сдѣлались какъ бы покрыты сзади сажей. Александръ пододвинулъ къ огню козетку и прилегъ на нее. Окружающіе его предметы все болѣе и болѣе принимали какой-то странный видъ: длинная, отдѣланная подъ дубъ комната казалась безконечною; по ней какъ-то величественно протягивался обѣденный столъ, покрытый бѣлою скатертью. Черный буфетъ рококо имѣлъ какую-то средневѣковую, солидную наружность. Картины на стѣнахъ, изображавшія разрѣзанный арбузъ, дыню, свеклу, мертваго зайца, свиной окорокъ, скорѣй представляли собой какія-то цвѣтныя пятна, чѣмъ опредѣленной формы рисунки. Толстая дра-

пировка, висѣвшая на дверяхъ въ кабинетѣ, слегка, но безпрестанно колебалась.

Александру начало дѣлаться немного страшно. Онъ живо припомнилъ покойнаго отца, какъ тотъ, шлепая туфлями, сходилъ сверху изъ спальни въ кабинетъ, и теперь въ самомъ дѣлѣ, въ коридорѣ, раздались какъ-будто чьи-то шаги... Александру такъ и чудилось, что вотъ-вотъ, надъ головой его раздастся гробовой голосъ!.. Онъ еще не былъ чуждъ дѣтскихъ ощущеній. Шаги, наконецъ, явственно стали слышны. Онъ не вытерпѣлъ и закричалъ:

— Семенъ, кто тутъ?

— Это я, другъ мой милый, произнесъ чей-то необыкновенно добрый голосъ.

Въ комнату входилъ привезенный извощикомъ Венявинъ, бѣлокурый студентъ, съ широкимъ лицомъ, съ торчащими прямо волосами, и весь какъ бы погнутый напередъ.

— Здравствуй! садись! — произнесъ Александръ, не перемѣняя положенія и несовсѣмъ-успокоившимся голосомъ.

Венявинъ сѣлъ на ближайшее кресло.

— Какъ у тебя тутъ чудесно! Точно какая-нибудь таинственная ниша! — говорилъ онъ оглядываясь.

Александръ молчалъ.

— Ну, скажи, однако, давно ли сюда прибыть изволилъ?

— Дня три.

— Съ *нею*, значитъ, ужь видѣлся?

Послѣднія слова Венявинъ произнесъ, устремляя на пріятеля лукаво-добродушный взглядъ.

— Разумѣется! — отвѣчалъ Александръ и закинулъ, какъ бы въ утомленіи, голову назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, извольте разсказывать, какъ и что было, — продолжалъ Венявинъ, самодовольно упи-

Изображение Российской национальной библиотеки

рая руки въ колѣни и не спуская съ пріятеля добраго взгляда.

— А было,—отвѣчалъ тотъ (онъ все еще не спускалъ глазъ съ драпировки, которая не переставала шевелиться),—что я сталъ къ ней въ такія отношенія, при которыхъ уже пятиться нельзя!—прибавилъ онъ съ разстановкой.

Венявинъ даже поблѣднѣлъ.

— Какъ такъ?

— Такъ!

И Александръ еще дальше закинулъ голову назадъ.

— Она была, — продолжалъ онъ, закрывая глаза,— грустна, какъ падшій ангелъ... Только и молила: „что вы со мной дѣлаете!..“ Но я былъ бѣшеный! — прибавилъ онъ, сжимая кулаки.

Далѣе Александръ не продолжалъ и, повернувшись внизъ лицомъ, уткнулся головой въ спинку козетки.

— Но гдѣ же и когда это было, безумный ты человѣкъ!—воскликнулъ Венявинъ, сгарая любопытствомъ и удивленіемъ.

— Въ Захарьинѣ, на постояломъ дворѣ, отвѣчалъ Александръ глухимъ голосомъ.

Читатель очень хорошо видитъ, что молодой человѣкъ тутъ лгалъ безбожно, немилосердно! Но что дѣлать? Это была не ложь, а скорѣе черезчуръ разыгравшаяся мечта!

Огонь въ каминѣ, между тѣмъ, горѣлъ красноватымъ пламенемъ. Фантастическому характеру бесѣды сталъ нѣсколько подпадать и Венявинъ: онъ сидѣлъ какъ ошеломленный.

— Я всегда боялся одного, — началъ онъ какимъ-то наставническимъ голосомъ, — что ты увлечешься, надѣлаешь глупостей и погубишь твою даровитую, скажу болѣе, геніальную натуру!

На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе, какъ-бы говоря непреложнѣйшую истину.

— Но изъ чего ты это видишь? — отозвался Александръ насмѣшливо.

— Изъ всего. И какъ теперь эта дѣвушка ни прелестна, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, но все-таки ты долженъ оставить ее.

Александръ молчалъ и не перемѣнялъ положенія.

— А что-же съ ней послѣ будетъ? — проговорилъ онъ наконецъ.

О выдуманномъ имъ положеніи онъ разсуждалъ, какъ будто-бы это была полнѣйшая дѣйствительность.

Венявинъ пожалъ плечами.

— Пускай винитъ самое себя,—сказалъ онъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица.

„Бумъ!“ раздалось въ эту минуту.

Александръ взмахнулъ головою.

— Часы, должно быть, — замѣтилъ Венявинъ.

Въ комнатѣ, въ самомъ дѣлѣ, пробили полугодовые часы, заведенные еще рукою покойнаго старика, и Александру почудился въ нихъ его голосъ. Въ какой-то непонятной для него самого тоскѣ, онъ опять прилегъ. Нервы его были сильно возбуждены.

— Чтожъ, однако, ты намѣренъ дѣлать?—не отставалъ отъ него Венявинъ.

— Ничего... Останусь здѣсь... Напишу матери и женюсь,—отвѣчалъ Александръ.

— И не кончишь курса?

— Конечно.

Венявинъ схватилъ себя за голову.

— О, безуміе! безуміе!—воскликнулъ онъ, и, очень ужъ огорченный, всталъ и отошелъ къ окну.

Въ комнатѣ опять воцарилось молчаніе, и только ходилъ не то трескъ, не то шелестъ, который часто бываетъ въ нежилыхъ пустыхъ покояхъ. На горизонтѣ

Изображение предоставлено Национальной библиотекой

вдали, какъ-бы огромнымъ заревомъ пожара, показывалось красноватое лицо луны.

— Ты этого, другъ любезный, не имѣешь права сдѣлать, бормоталъ Венявинъ,—тебя, можетъ быть, ждетъ министерскій портфель; тебя ждетъ родина, Александръ! Ты передъ ней долженъ будешь дать отвѣтъ за себя.

Говоря это, добрякъ нисколько не льстилъ. Онъ былъ товарищъ Александра по гимназіи и теперь они вмѣстѣ учились въ университетѣ. Умненькій, красивый изъ себя и получившій нѣсколько свѣтское воспитаніе, Баклановъ рѣшительно казался Венявину какимъ-то полубогомъ.

— Господи, Боже мой!—продолжалъ онъ въ своемъ углу: — сама дѣвушка, если-бы только растолковать ей, не потребовала-бы этой жертвы. Женщины рождены на самоотверженіе, а не на то, чтобы губить насъ.

Александру въ это время, передъ его умственнымъ окомъ, представлялось, что Соня уже живетъ съ нимъ въ этомъ домѣ, и вотъ она, въ бѣлой блузѣ, вся блистающая, входитъ и садится около него на козеткѣ. Онъ чувствуетъ, какъ она прикасается къ нему теплою грудью и съ стыдливымъ румянцемъ шепчетъ ему.

— А что, если она будетъ матерью? — проговорилъ онъ вдругъ, оборачивая къ пріятелю лицо.

У того при этомъ волосы и уши заходили на черепѣ.

— И въ такомъ случаѣ ты долженъ оставить ее,— сказалъ онъ, не шевелясь съ мѣста.

Ему было слишкомъ тяжело произносить эти суровые приговоры; но что дѣлать! — надобно было спасать пріятеля, и спасать еще для блага отечества.

— Хорошо такъ говорить, — отвѣчалъ со вздохомъ Александръ. — Семенъ! — крикнулъ онъ.

Тотъ вошелъ.

— Одѣваться!

— Покажи ты мнѣ ее, я хочу ее видѣть!—проговорилъ Венявинъ, выходя наконецъ изъ угла.

Въ томъ, что пріятель, во всей этой исторіи, прилыгалъ, онъ и тѣни не имѣлъ подозрѣнія: онъ вѣрилъ въ его силу и могущество во всѣ стороны.

— Поѣзжай сегодня въ собраніе и увидишь,—отвѣчалъ Александръ.

— Въ собраніе-то, братецъ, ѣхать какъ-то не того... не привыкъ я!

— Поѣзжай на хоры.

— На хоры еще пожалуй.

Семенъ въ это время несъ Бакланову его бальную форму.

— Какой вѣдь, чертенокъ, стройненькій,—говорилъ Венявинъ, когда Александръ затягивалъ ремнемъ свои мундирные брюки.—А воротникъ, братъ, чудный! Чудо какъ вышитъ!—любовался онъ.

Все, что принадлежало Александру, Венявину казалось необыкновенно какимъ прекраснымъ.

— Ну такъ прощай! Зайду къ матери и явлюсь,— сказалъ онъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Александръ.

— Раздраженно-нервное состояніе въ немъ еще продолжалось. Совсѣмъ уже собравшись и выходя, онъ сказалъ въ передней человѣку:

— Ты ляжешь у меня въ кабинетѣ, дворнику тоже вели, какъ и вчера, лечь въ столовой, а кучеру—въ лакейской!

— Кучеръ говоритъ, что ему надобно-съ быть около лошадей,—объяснилъ было ему лакей.

— Чтобы чортъ все побралъ!—крикнулъ Александръ и сѣлъ въ сани.

На улицѣ луна освѣтила его фигуру, экипажъ, кучера и лошадь яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

IX.

Спущенъ на землю.

Домъ дворянскаго собранія горѣлъ всѣми своими двадцатью пятью окнами. Публики ожидалось довольное число. Въ каждую баллотировку обыкновенно говорили: „Ну, сегодня вся Таганка въ собраніе тронется.“ Дамы высшаго общества, то-есть жены мужей пятаго класса, за исключеніемъ губернаторши, бывшей тутъ почти по обязанности своей службы, обыкновенно не ѣздили въ эти собранія и даже дамъ и кавалеровъ, бывавшихъ тамъ, называли вторничными кавалерами и вторничными дамами. (Собраніе всегда бывало по вторникамъ). Надежда Павловна, по своему состоянію могла вывести дочь только въ собраніе. Бывать-же съ ней на балахъ и на вечерахъ она не имѣла ни средствъ, ни знакомствъ.

Проиграли уже ритурнель передъ кадрилью, когда Александръ, съ воодушевленною физіономіей, вошелъ въ залъ, и первое, что взмахнулъ глазами на хоры: добродушное лицо Венявина уже виднѣлось оттуда. Александръ, надѣвъ на носъ *pinse-nez* и закинувъ нѣсколько голову назадъ, началъ обводить глазами залъ: Онъ не былъ близорукъ, но носилъ это орудіе собственно для того, чтобы представить изъ себя человѣка мыслящаго и занимающагося. Около балюстрады, на самомъ видномъ мѣстѣ залы, онъ увидѣлъ Надежду Павловну съ дочерью; Петра Григорьевича, къ величайшему его блаженству, покинули дома.

Соня, выше почти всѣхъ другихъ дѣвицъ, съ развитою вполнѣ грудью (Александръ въ первый еще разъ видѣлъ ее въ бальномъ нарядѣ), въ бѣломъ роскошномъ платьѣ, на которомъ съ удивительнымъ умѣніемъ было

брошено нѣсколько розановъ, съ черной косой, въ которую тоже впивались два розана, — весело разговаривала съ высокимъ, стройнымъ полковникомъ въ бѣлыхъ серебряныхъ эполетахъ и съ бѣлымъ аксельбантомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, но какъ-бы стремясь къ нему всѣмъ тѣломъ, стояла губернаторша. Начальникъ губерніи, не смотря на свою гордость, тоже замѣтно старался держать себя невдалекѣ отъ этой группы.

Все это Александра сильно удивило.

Разговаривавшій съ Соней былъ присланный по наборамъ флигель-адъютантъ Корнѣевъ. До какой степени онъ съ первыхъ своихъ шаговъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ дамъ, авторъ даже затрудняется сказать. Отъ большей части дамъ только и слышно было. „У меня былъ Корнѣевъ!“ „Корнѣевъ то-же разсказывалъ!“ „Корнѣевъ говоритъ, что онъ знакомъ съ m-me Віардо!“ И хорошо еще, если-бы въ этомъ случаѣ прекраснымъ поломъ руководствовала любовь къ изящному (Корнѣевъ, дѣйствительно, былъ красивъ собою); но нѣтъ: тутъ лежало въ основаніи гораздо болѣе ничтожное, чтобы не сказать — холопское — чувство.

Когда музыканты заиграли кадриль, Соня преспокойно подала руку флигель-адъютанту и пошла съ нимъ. Это ужь совершенно озадачило студента. Первую кадриль она еще въ Ковригинѣ обѣщалась танцовать съ нимъ. Нѣсколько сконфуженный, но заложивъ руку за бортъ мундира и выпячивая грудь, онъ гордо подошелъ къ ней.

— Вы обѣщались эту кадриль танцовать со мной, — сказалъ онъ.

— Ахъ, да, pardon!.. Я и забыла... — Ну, ничего, все равно, слѣдующую, проговорила она скороговоркой, и, какъ ни въ чемъ не бывало, обернулась къ своему кавалеру.

— Да какъ-же это! — забормоталъ было Александръ.

— Не могла-жъ она отказать флигель-адъютанту, какой ты глупый! — объясняла ему напрямикъ находившаяся невдалекѣ Надежда Павловна.

— Александръ этимъ окончательно обидѣлся. Сдѣлавъ презрительную мину, онъ отошелъ и сѣлъ на дальній стулъ. На верхъ, на хоры онъ не смѣлъ и взглянуть, до того ему было стыдно Венявина. Но это было еще начало его мученій. Соня безпрестанно разговаривала съ своимъ кавалеромъ, вскидывала на него свои чудные глаза и мѣшалась въ кадрили. Чтобы не видѣть этого, Александръ отвернулся и съ упорствомъ школьника сталъ смотрѣть на одну точку совершенно въ противоположной сторонѣ.

Наконецъ подали сигналъ ко второй кадрили.

— Надѣюсь, что эту кадриль я съ вами танцую,— проговорилъ онъ ей мрачно.

— Да, — отвѣчала Соня, а между тѣмъ глаза ея кого-то искали по залѣ.

Александръ, ставъ около нея, даже не предложилъ ей стула. Онъ рѣшился быть дерзкимъ съ ней.

— Вы съ такимъ удовольствіемъ танцовали съ вашимъ кавалеромъ. Вотъ, я думаю, разсыпалъ передъ вами перлы ума! — сказалъ онъ насмѣшливо.

— Да, онъ премилый, — отвѣчала Соня, какъ-бы не понявъ.

Александръ закусилъ губы.

— Я все теперь вспоминаю о Захарьинѣ! — продолжалъ онъ, перемѣнивъ тонъ.

— Что? — спросила Соня, какъ-бы не разслышавъ.

— О Захарьинѣ! — повторилъ студентъ и вздохнулъ.

Въ лицѣ Сони промелькнуло что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки, но потомъ она вдругъ вся засіяла радостію. Къ ней, пробираясь между парами, ловкою, но осторожною походкой, подходилъ Корнѣевъ. Это превышало всякую мѣру терпѣнія. Александръ рѣшился на-

говорить ему дерзостей, толкнуть его и вызвать на дуэль. Корнѣевъ выразилъ Сонѣ просьбу, чтобъ она представила его матери.

— Ахъ, да, да! — почти воскликнула Соня, и безпрестанно стала обращаться къ нему то со взглядомъ, то съ вопросомъ.

Корнѣевъ отвѣчалъ ей, но стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Александръ никакимъ образомъ не могъ придраться къ нему.

Послѣ кадрили Корнѣевъ представился Надеждѣ Павловнѣ. У той отъ радости ротъ распространился до ушей. Она улыбалась, кланялась, пылала румянцемъ. На нее Александръ сердился еще болѣе, чѣмъ на Соню. „Презрѣнная тварь, торгующая своей дочерью“, шевелилось въ его душѣ.

Между тѣмъ вниманіе блестящаго петербургскаго кавалера къ бѣдной, но прекрасной собою дѣвушкѣ, сейчасъ-же возымѣло свои послѣдствія. Отпускной конно-піонеръ, лучшій полькеръ въ городѣ, пригласилъ ее на польку. Эффектъ, который Соня произвела при этомъ своимъ высокимъ, граціознымъ станомъ, былъ выше всякаго описанія. Одинъ изъ самыхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, чиновникъ особыхъ порученій и врядъ-ли не камеръ-юнкеръ, пригласилъ ее на кадриль, наконецъ самъ губернаторъ провальсировалъ съ нею, причемъ, фалды на его армейскомъ заду ужасно смѣшно раздувались. Но Соня и съ нимъ была прелестна. Александръ самъ, своими ушами, слышалъ, какъ флигель-адъютантъ, хотя съ губернаторшей, говорилъ ей:

— Она первая здѣсь красавица!

Поздравляю, вы ужь, значитъ, влюблены, — замѣчала ему та.

— Рѣшительно, — отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.

У Александра недостало болѣе силъ переносить всей этой, по выраженію его, гадости. Онъ вышелъ въ дру-

гія комнаты и началъ безъ всякой цѣли шляться около игроковъ. Къ нему подошелъ клубный лакей.

— Васъ проситъ какой-то господинъ на хоры,— сказалъ онъ.

— Скажите, что не пойду, — отвѣчалъ было сначала Александръ съ досадою; но сообразивъ, что это будетъ совсѣмъ ужь неловко, остановилъ лакея.

— Погоди, постой! Я пойду! — И дѣйствительно вышелъ на хоры.

Венявинъ встрѣтилъ его тамъ съ своимъ добродушно-улыбающимся лицомъ.

— Которая она? Та, что съ тобой кадриль танцовала? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ Александръ.

— Прелесть какая, братецъ, а! Чудо! Дѣлаетъ честь твоему вкусу. Я, вотъ, давича, тебя укорялъ, а какъ теперь посмотрѣлъ на васъ въ парѣ, такъ-бы сейчасъ поставилъ васъ подъ вѣнецъ.

Слова эти острымъ ножемъ рѣзали сердце Александра.

— Только за ней что-то флигель-адъютантъ очень ужь пріударяетъ, — продолжалъ Венявинъ.

Александръ ничего не отвѣчалъ.

— Да и она что-то къ нему льнетъ! — не отставалъ мучить его Венявинъ.

— Это все нарочно... маска! — едва нашелся Александръ.

— Вонъ оно что!—произнесъ простодушно добрякъ.

— Я съ ней больше и танцовать не буду, — сказалъ Александръ и, взглянувъ въ это время внизъ и видя, что Соня становится съ флигель-адъютантомъ въ мазуркѣ, онъ прибавилъ: — я сейчасъ уѣду домой.

— А я такъ посижу еще, — полюбуюсь ею.

— Любуйся, сколько хочешь; а мнѣ, признаться, немножко ужь это и наскучило!—произнесъ Александръ и пошелъ: въ голосѣ его слышалось цѣлое море горя и досады.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Ревность, говорятъ, есть усиленная зависть; въ ней мы — и оплакиваемъ потерянное нами счастье, и завидуемъ, что имъ владѣетъ другой.

Возвратившись домой, Баклановъ изрыгалъ проклятья, рвалъ на себѣ волосы, дрыгалъ на постели ногами. Избалованный, а отчасти и по самой натурѣ своей, онъ любилъ страдать шумно.

X.

Выборы.

Въ той-же самой залѣ, гдѣ безпечная младость танцовала и веселилась, совершалось и серьезное дѣло жизни — баллотировка. Если-бы надобно было сказать, какая въ ней преобладала партія, я не задумавшись бы сказалъ: губернаторская. Начальникъ губерніи, обыкновенно очень просто и безъ всякой церемоніи, призывалъ къ себѣ нѣсколько дворянъ повліятельнѣй и прямо имъ говорилъ: „Пожалуйста, господа, на такое-то мѣсто выберите такого-то!“ И когда выбирали другого, онъ его не утверждалъ, а если нужно было представить на утвержденіе, такъ дѣлалъ такого рода отмѣтки: *неблагонадеженъ*, *преданъ пьянству и картамъ*; но чаще всего и всего успѣшнѣе опредѣлялъ такъ: *читаетъ иностранные журналы и прилагаетъ ихъ идеи къ интересамъ дворянства*, и выбраннаго, разумѣется, отстраняли. Въ настоящую баллотировку, впрочемъ, все шло благополучно: по уѣздамъ она была кончена, и выбирались губернскія власти. Около стола губернскаго предводителя толпилось дворянство въ отставныхъ военныхъ, а еще болѣе того въ дворянскихъ мундирахъ. Басардинъ, въ своемъ бѣломъ кирасирскомъ колетѣ, въ своихъ лосинахъ и ботфортахъ, сохраненныхъ имъ еще отъ

полковой службы, тоже стоялъ у окна. Лицо его не выражало ничего. Онъ ужь баллотировался и въ исправники, и въ судьи, даже въ засѣдатели; но никуда не попалъ. Надежда Павловна не помнила себя съ горя, и къ тому же, ко всѣмъ ея радостямъ, получила письмо отъ сына, который начиналъ и оканчивалъ тѣмъ, что просилъ у нея денегъ. „Какъ сынъ русскаго кавалериста, писалъ онъ, я считаю унизительнымъ посвятить себя пѣхотной службѣ; а потому хочу выйти офицеромъ въ кавалерію. Прошу васъ, маменька, прислать мнѣ реверсъ, что вы обезпечиваете мнѣ содержаніе.“

— Ну да, я тебѣ дамъ, пришлю тебѣ реверсъ, сынъ русскаго кавалериста!—говорила бѣдная женщина, чуть не рвя на себѣ волосы.

Мужа своего она не могла видѣть безъ нервнаго раздраженія. Чтобъ испытать послѣднее и почти безнадежное средство, она велѣла ему баллотироваться въ депутаты въ дорожную коммиссію, и сегодня, ради этого, еще до свѣту разбудила его, и отправила. Такимъ образомъ Петръ Григорьевичъ, въ мундирѣ и ботфортахъ, съ семи часовъ утра, стоялъ уже въ собраніи! Когда онъ заявилъ о своемъ желаніи баллотироваться, губернскій предводитель даже усмѣхнулся.

— Вездѣ и на все считаете себя способнымъ,—проговорилъ онъ.

— Не оставьте! — сказалъ какъ-то односложно Басардинъ и отошелъ на свое мѣсто.

При баллотированіи его вышелъ такого рода случай, что большая часть, кладя ему шары, думали: „этому дуралею всѣ вѣроятно положатъ налѣво, положить ужь ему направо.“ Другіе подсыпали ему бѣлковъ по добротѣ душевной, имѣя привычку всѣмъ класть бѣлые шары; третьи, наконецъ, вотировали за него, чтобы какъ-нибудь не выскочилъ на это мѣсто его конкуррентъ, прощалыга Колоколовъ.

Губернскій предводитель, сосчитавъ шары, звучнымъ, но не лишеннымъ удивленія голосомъ, произнесъ:

— Г. Басардинъ выбранъ и все почти бѣлыми.

При этомъ многіе не могли удержаться и, разведя руками, проговорили другъ другу: „Вотъ вамъ и баллотировка наша!“

Самъ же Петръ Григорьевичъ, все продолжавшій стоять у окна, слегка только вспыхнулъ и, раскланявшись передъ дворянствомъ, объяснилъ:

— Постараюсь заслужить...

— Да, да, постарайся, Петруша! — замѣтилъ ему Неплюевъ, сосѣдъ его по деревнѣ и совершенно безъ церемоніи съ нимъ обращавшійся:—прежде только пять дураковъ тебѣ клали направо, а теперь набралось ихъ пятьдесятъ. Слава Богу, совершенствуемся!

Общій хохотъ распространился по залѣ; но Петръ Григорьевичъ нисколько этимъ не обидѣлся, и самъ улыбался. Онъ, кажется, хорошенько и не понялъ, въ чемъ тутъ соль-то заключалась, и затѣмъ спокойнѣйшимъ манеромъ достоявъ всю баллотировку, сошелъ съ лѣстницы степенною, неторопливою походкой, сѣлъ въ свои розвальни и прибылъ домой.

— Выбрали... въ депутаты въ коммисію,—сказалъ онъ совершенно невзволнованнымъ голосомъ.

— Боже мой! — вскрикнула Надежда Павловна и, истерически зарыдавъ, бросилась передъ образомъ на колѣни. — Благодарю тебя, Царица Небесная!.. Благодарю, Іисусе Христе, что не далъ несчастнымъ совершенно погибнуть!... — бормотала она, всплескивая руками, и потомъ обратилась къ мужу: — Да встань и ты, помолись, безчувственный ты человѣкъ!

Петръ Григорьевичъ повиновался. Ставъ на одно колѣно и дѣлая, по обыкновенію своему, маленькія крестныя знаменія, онъ началъ молиться.

Соня, слышавшая все это изъ сосѣдней комнаты, тоже прибѣжала.

— Мамаша! Папаша, вѣроятно, выбранъ!—вскричала она.

Послѣдніе дни она еще какъ-то больше развилась, и стала совершенно похожа на взрослую дѣвицу.

— Выбранъ, другъ мой, выбранъ! — отвѣчала Надежда Павловна, а у самой слезы такъ и текли по впалымъ щекамъ.

Мать и дочь бросились другъ другу въ объятія. Соня послѣ того бросилась на шею отцу. Петра Григорьевича наконецъ пробрало, и у него навернулись слезы.

— Ну, папаша, смотри же, служи хорошенько!— говорила ему Соня.

— А вотъ я напередъ говорю, — сказала Надежда Павловна: — что если онъ и въ этой должности что-нибудь набѣдокуритъ или проротозѣйничаетъ, я разойдусь съ нимъ... Пускай живетъ гдѣ хочетъ и на что хочетъ.

— Я буду служить,—отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

— Тамъ вонъ, говорятъ, — продолжала Надежда Павловна настоятельно: — берутъ съ каждаго подрядчика по десяти процентовъ, и этихъ доходовъ спускать нечего; другіе не попадаются же, и ты попадаться не долженъ.

— Я буду не упускать, — отвѣчалъ и на это пятидесятилѣтній ребенокъ, и принялся стягивать съ себя свой мундиръ.

— Постой, папа, я тебѣ помогу, — говорила Соня, очень уже довольная, что отецъ выбранъ, и что она останется въ городѣ.

— Ф-фу! хомутъ проклятый,—говорилъ Петръ Григорьевичъ, съ наслажденіемъ разстегивая свой, черезчуръ ужь узкій ему, мундиръ.

Из фонда Российской национальной библиотеки

Затѣмъ послѣдовала довольно умилительная сцена.

— Людямъ дать водки!.. водки!—говорила радостно-хлопотливо Надежда Павловна, и потомъ, когда въ комнату пришла Дарья, она сказала ей:

— Дура!... Дарья!.. барина на службу выбрали!

— Вотъ, матушка!—отвѣчала та, и почему-то поцѣловала у Петра Григорьевича руку.

Послѣ обѣда Надежда Павловна предложила мужу отдохнуть на ея постели, а сама отъ волненія не знала, гдѣ ужь себѣ и мѣсто найти; Петръ Григорьевичъ, конечно, сейчасъ же этимъ воспользовался и отхватилъ часовъ до девяти. Во все это время, Надежда Павловна и Соня, чтобы не разбудить его, разговаривали между собой шепотомъ: такого почета отъ семьи онъ во всю жизнь свою еще не видалъ.

XI.

Герой теоретикъ и героиня практикъ.

Наболѣвшее сердце недолго вѣритъ счастью. Надежда Павловна на другой же день начала клохтать и охать: „Ну, какъ Петра Григорьича губернаторъ не утвердитъ... Ну, какъ онъ ужь кого-нибудь имѣетъ на это мѣсто....“

Сонѣ, наконецъ, наскучило это.

— Я самого его, мамаша, попрошу,—сказала она.

— Что ты попросишь?... — возразила ей мать съ досадой.

Петръ Григорьевичъ тоже попробовалъ было успокоить жену; но на него она прямо прикрикнула:

— Хоть ты-то ужь не говори!... Вонъ, на дворѣ: день или ночь? Видишь ли хоть это-то!

Въ это время Соня вдругъ проговорила: „ай, мамаша!“—и убѣжала.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Надежда Павловна, взглянувъ въ окно, тоже начала проворно поправлять на себѣ чепецъ и накинула на плечи свой единственный нарядный синелевый платокъ. Къ крыльцу ихъ подъѣзжалъ, на щегольской парѣ предсѣдателя казенной палаты, флигель-адъютантъ. Онъ въ первый еще разъ дѣлалъ имъ визитъ, хотя въ собраніи и на балахъ съ одною Соней только и танцовалъ.

Войдя въ пріемную комнату и видя, что Надежда Павловна перекидываетъ съ дивана за ширмы какую-то ветошь, Корнѣевъ нѣсколько сконфузился.

— Pardon!—сказалъ онъ своимъ слегка-картавымъ голосомъ.

— У насъ такая маленькая квартирка... По случаю баллотировки не могли найти лучше... — отвѣчала Надежда Павловна, сгарая отъ стыда, и потомъ, пригласивъ гостя садиться, сама помѣстилась на диванѣ.

По тому, какую она приняла позу, какъ завернулась въ свой синелевый платокъ, можно было видѣть, что когда-то и она была, или, по крайней мѣрѣ, готовилась быть свѣтскою женщиной: въ ея сухощавомъ тѣлѣ было что-то аристократическое,—свойство, которое наслѣдовало отъ нея и Соня.

Петръ Григорьевичъ, между тѣмъ, помня военное правило, что чинъ чина почитаетъ, продолжалъ стоять навытяжку, такъ что Корнѣевъ замѣтилъ это и, пододвигая ему стулъ, проговорилъ: „Пожалуйста.“ Петръ Григорьевичъ сѣлъ, но все-таки продолжалъ держать себя прямѣе обыкновеннаго.

— M-lle Sophie?—обратился Карнѣевъ къ Надеждѣ Павловнѣ.

— Она сейчасъ выйдетъ! — отвѣчала та, и продолжала уже съ грустію: — мужа моего выбрали въ депутаты въ коммиссію, и теперь мы въ такой, право, нерѣшительности: не знаемъ, утвердитъ-ли губернаторъ, или нѣтъ!

— Отчего-же? Имъ такъ нравится M-lle Sophie! — возразилъ Карнѣевъ.

— Да; но...—произнесла Надежда Павловна.

— Если позволите, я ему скажу, — присовокупилъ Корнѣевъ.

— Ахъ, пожалуйста!—воскликнула Надежда Павловна униженно-просительскимъ тономъ.

— А вы въ первый еще разъ мѣняете шпагу на перо? — обратился Корнѣевъ къ Петру Григорьевичу.

— Нѣтъ, онъ ужь нѣсколько разъ служилъ въ штатской службѣ, — поспѣшила отвѣтить за мужа Надежда Павловна.

Она боялась, что онъ, пожалуй, не пойметъ фразы флигель-адъютанта.

— Но все какъ-то не могу привыкнуть!—объяснилъ самъ Петръ Григорьевичъ.

— О, да! — согласился Корнѣевъ.

Вошла Соня. Трудно понять, когда она успѣла поправить свой туалетъ, а главное, какъ-то удивительно эффектно завернуть свою толстую косу подъ одну гребенку.

— Bonjour!—сказала она развязно и, пройдя за столомъ мимо матери, сѣла рядомъ съ гостемъ.

Корнѣевъ сначала какъ-бы не находился.

— А что m-me Михрѣева будетъ у губернаторши на балѣ? — спросила его Соня.

— Не думаю,—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами:— по крайней мѣрѣ Марья Николаевна (имя губернаторши) очень не любитъ, когда она у нея бываетъ.

Соня нарочно намекнула на эту даму, имѣвшую привычку влюбляться во всѣхъ даже генеральскихъ адъютантовъ и теперь безбожно ухаживавшую за Корнѣевымъ.

— Вообразите, говорятъ, она каждое воскресенье ѣздитъ къ архимандриту въ гости... прилично-ли это?— повторила за дочерью Надежда Павловна,

Корнѣевъ на это молча улыбнулся: не любилъ-ли онъ сплетенъ, или вообще насмѣшливый разговоръ считалъ не совсѣмъ приличнымъ для общества, но только каждый разъ, когда губернскія дамы начинали его очень сильно пробирать по этой части, онъ обыкновенно принимался крутить усы и произносить скорѣе какіе-то звуки, чѣмъ слова.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Соня какъ-бы вдругъ встрепенулась вся и подвинулась на диванѣ. Къ нимъ подъѣзжалъ, тоже на щегольской сѣрой лошади, новый гость, Александръ. Увидѣвъ въ передней ильковую военную шинель, онъ позеленѣлъ отъ досады. Войдя, онъ небрежно поклонился хозяевамъ и сѣлъ.

Бѣдный мальчикъ не въ состояніи былъ скрыть волновавшихъ его чувствованій.

— Что вы у насъ такъ давно не были? — спросила его Соня.

— Я былъ боленъ.

— Чѣмъ?

— Такъ, ничѣмъ!.. Какъ васъ это безпокоитъ!.. — отвѣчалъ Александръ и такимъ тономъ, что всѣ, не исключая и Петра Григорьевича, посмотрѣли на него, а Соня сейчасъ-же отвернулась и начала говорить съ Корнѣевымъ.

— Покажите, пожалуйста, фокусъ, который вы показывали у Марьи Николаевны... Я никакъ не могла разсказать его мамашѣ.

— Ну, что! — возразилъ Корнѣевъ, потупляя глаза.

— Пожалуйста! — повторила Соня.

— Но надобно карты.

Надежда Павловна сейчасъ-же пошла и принесла карты.

Корнѣевъ съ улыбкою разложилъ ихъ въ формѣ четвероугольника на восемь кучекъ, по три карты въ каждой,

— Тутъ девять... тутъ, тутъ и тутъ! — пересчиталъ онъ ихъ своимъ красивымъ пальцемъ.—Беру четыре карты и перекладываю такъ: тутъ девять, тутъ, тутъ, и тутъ!

Мать и дочь съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Петръ Григорьевичъ тоже смотрѣлъ на фокусъ съ глубокомысленнымъ вниманіемъ.

— Возвращаю прежнія четыре карты, — продолжалъ Корнѣевъ:—и прибавляю къ нимъ еще четыре, перекладываю и считаю: тутъ девять, тутъ, тутъ и тутъ!..

— Но какъ-же это?—воскликнула какъ-бы вышедшая наконецъ изъ терпѣнія Надежда Павловна.

— Удивительно!—сказала Соня.

— Прибавляю къ этимъ картамъ еще восемь,—продолжалъ удивлять ихъ Корнѣевъ:—раскладываю и считаю: девять, девять и девять.

— Вы зачѣмъ боковыя-то считаете по два раза?.. Ужасно какъ замысловато!..—вмѣшался вдругъ въ разговоръ Александръ. Голосъ его былъ, въ одно и то-же время, голосомъ разъяреннаго тигра и цыпленка. Корнѣевъ ничего не отвѣчалъ ему, а Соня и Надежда Павловна потупились; но Петръ Григорьевичъ окончательно дорѣзалъ молодаго человѣка.

— Давно-ли вы получали письма отъ вашей маменьки? — спросилъ онъ его вдругъ.

— Давно-съ... я самъ къ ней завтра ѣду...—отвѣчалъ грубо Александръ.

Соня при этомъ вскинула на него свои глаза, и нѣсколько времени не спускала ихъ съ него... Вскорѣ потомъ Корнѣевъ взялся за каску и поднялся: всѣ хозяева устремились къ нему.

— Если Марья Николаевна ужо поѣдетъ кататься и заѣдетъ за вами, вы примете участіе въ нашемъ partie de plaisir? — сказалъ онъ Сонѣ.

— Да, — отвѣчала та, выпрямляясь своимъ стройнымъ станомъ и складывая ручки на груди.

— Она сочтетъ это за счастіе для себя!—подхватила Надежда Павловна. „Дочь поѣдетъ кататься съ губернаторшей; право, недурно для первыхъ разовъ!“ подумала она въ припадкѣ материнскаго честолюбія.

По отъѣздѣ Корнѣева, Александръ тоже всталъ, у него готовы были слезы брызнуть изъ глазъ, такъ что Надежда Павловна, врядъ-ли не догадавшаяся объ его чувствахъ къ дочери, сжалилась надъ нимъ.

— Куда-же вы?.. Оставайтесь обѣдать,—сказала она, когда онъ брался за фуражку.

— Оставайтесь,—повторила и Соня.

Студентъ, при этомъ магическомъ голосѣ, не могъ устоять. Рука его какъ-бы невольно опустила фуражку, и онъ сѣлъ. За обѣдомъ онъ протянулъ было ногу, чтобы, по обыкновенію, пожать ею ножку Сони, и уже коснулся конца ея башмака; но ножку сейчасъ отняли. Вообще, Соня была замѣтно церемонна и только послѣ стола, когда они остались вдвоемъ, она сказала Александру:

— Зачѣмъ вы такъ скоро уѣзжаете?

— Чтожъ мнѣ здѣсь оставаться... очень весело!

— А, такъ вамъ скучно здѣсь; я и не знала!—сказала жестокая дѣвочка.

У Александра дыханіе застывало.

— Не всѣмъ здѣсь такъ весело, какъ вамъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Соня грустно усмѣхнулась.

— Желаю вамъ,—продолжалъ онъ, снова берясь за фуражку:—выйдти замужъ, народить кучу дѣтей...

— Ну, да, выйду замужъ, нарожу кучу дѣтей, — повторила за нимъ Соня.

— Adieu! — сказалъ Александръ, и когда Соня подала ему ручку, онъ крѣпко сжалъ ее и проговорилъ нѣсколько трагическимъ тономъ: — *если я не нашелъ въ прекрасномъ, такъ найду въ дурномъ.*

— Не понимаете вы меня! — сказала ему на это со вздохомъ Соня.

Александръ шибко хлопнулъ дверьми и ушелъ.

Черезъ минуту сѣрый рысакъ пронесся мимо окна, съ сѣдокомъ.

Соня сѣла. На глазахъ ея навернулись слезы. Это были первыя розы, которыя она вырвала изъ своего сердца!

XII.

Взоръ героя устремляется въ другую сторону.

Возвратясь домой, Александръ увидѣлъ, что дорожный экипажъ его былъ ужь вывезенъ изъ сарая, а въ комнатахъ онъ засталъ Венявина.

— Помилуй, братецъ, — говорилъ тотъ, топорщась, по обыкновенію, волосами и руками: — послѣ того пріятнаго вечера... ужь именно пріятнаго, за который я тебѣ душевно благодаренъ!.. (при этомъ онъ пожалъ у пріятеля руку) я захожу къ тебѣ разъ, два... дома нѣтъ... Самъ тоже не присылаешь...

Александръ нарочно не посылалъ и не принималъ Венявина. Ему казалось, что тотъ непремѣнно замѣтилъ его униженіе въ собраніи.

— Я сейчасъ совсѣмъ уѣзжаю,—сказалъ онъ, сядясь въ мрачной позѣ.

— Какъ такъ? А разныя эти намѣренія и планы?— сказалъ Венявинъ, изобразивъ изъ всей своей особы удивленіе.

Александръ грустно усмѣхнулся.

— Какіе тутъ планы! Такія пошлости и гадости пошли!

— Что такое?—спросилъ Венявинъ.

Из фонда Российской национальной библиотеки

— Мать тутъ все кутитъ и мутитъ,—отвѣчалъ Александръ. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что причиной всему была Надежда Павловна.

— Да кого же, какого еще чорта имъ послѣ этого надобно? Ахъ, они дураки этакіе! свиньи!.. Извини меня, пожалуйста!—вспылилъ Венявинъ.

Александръ сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость.

— Родители!—началъ онъ какъ бы самъ съ собой.— Для собственнаго своего удовольствія, можетъ быть, вслѣдствіе выпитой лишней рюмки вина, они родили меня и, по чувству инстинктивной привязанности, выкормили... Да это всѣ животныя, всѣ самки имѣютъ къ своимъ птенцамъ, и за это мы должны всю жизнь имъ повиноваться, уважать ихъ!..

— Именно такъ!—подтвердилъ Венявинъ.

Изъ угожденья пріятелю, онъ не прочь былъ и повольнодумничать.

— Чтожъ, неужели она такъ-таки совершенно и подчинилась матери? — прибавилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.

— Разумѣется! показали ей впереди пряникъ съ сусальнымъ золотомъ, и побѣжала за нимъ.

— Да, вонъ онѣ, женщины-то! Всѣ вотъ онѣ тутъ, какъ на ладони!—воскликнулъ Венявинъ.—Впрочемъ,— прибавилъ онъ, пожимая плечами:—все-таки нельзя ихъ не любить!

Интересно было-бы знать, кого этотъ добрякъ не любилъ, начиная съ своего чернаго, съ отбитымъ задомъ, пуделя до старухи матери, къ которой онъ каждую вакацію, святки, святую, на послѣдніе свои грошишки, пріѣзжалъ повидаться.

— Печалиться тутъ нечего... я даже радъ, что такъ случилось,—утѣшалъ онъ Александра.

— Я и не печалюсь,—отвѣчалъ тотъ:—я въ жизни

столько перенесъ, что однимъ больше и однимъ меньше щелчкомъ отъ судьбы—разница небольшая.

Какіе Александръ получилъ отъ судьбы щелчки, это одному ему было извѣстно!

— Я знаю, что ты сила!—поддакнулъ пріятель.

Вошелъ мрачный лакей.

— Лошади готовы-съ, — проговорилъ онъ.

Александръ всталъ и сейчасъ-же сталъ одѣваться. Ему поскорѣй хотѣлось оставить этотъ городъ, Соню и даже Венявина.

— Прощай, другъ любезный! — говорилъ тотъ съ чувствомъ.

— Прощай!—отвѣчалъ Александръ скороговоркой и, сѣвъ въ повозку, торопливо и небрежно мотнулъ пріятелю головой.

— Да, этотъ человѣкъ сила! — повторилъ тотъ еще разъ самъ съ собою.

Баклановъ между тѣмъ быстро проѣзжалъ одну за другой улицы роднаго города, и чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ больше появлялось въ окнахъ огней. Когда онъ выѣхалъ за заставу, небо совершенно вызвѣздилось; кругомъ была безконечная снѣжная поляна; въ воздухѣ, наполненномъ мелькающимъ снѣгомъ, стали обрисовываться точно очерки какихъ-то фигуръ; колокольчикъ отъ быстрой ѣзды заливался не переставая.

Александру было досадно и грустно.

Онъ усиленно старался думать о Москвѣ, о томъ, какъ въ сѣренькомъ домикѣ, въ сѣренькомъ зальцѣ, онъ съ панной Казимірой, дочерью хозяйки, подъ игру ея матери на плоховатомъ фортепіано, танцуетъ вальсъ, и Казиміра держитъ на него нѣжно нѣжно устремленными свои голубые глаза, наконецъ онъ сажаетъ ее, и самъ, ставъ противъ нея, замѣтно кокетничаетъ всею своею фигурой, а Казиміра сидитъ въ робкой и грустной позѣ.

Бакланов торжествует и смѣется въ душѣ.

Соня, такимъ образомъ, отодвинулась болѣе чѣмъ на задній планъ.

У молодости никогда нельзя взять всего: богатства ея въ этомъ случаѣ неистощимы!

XIII.

На распутьи.

У губернаторши, по случаю отъѣзда флигель-адъютанта въ Петербургъ, собственно для него и для самыхъ близкихъ ему знакомыхъ, былъ назначенъ вечеръ. Въ наугольной комнатѣ, обитой голубыми бархатными обоями и убранной двумя огромными горками съ фарфоромъ, хрусталемъ и серебромъ, сидѣла Соня. Послѣднее время она рѣшительно сдѣлалась царицею всѣхъ баловъ и съѣздовъ: въ настоящій вечеръ конно-піонеръ вертѣлся передъ ней, какъ флюгеръ; нѣкто князь Шлепкохвостовъ убѣжалъ для нея за мороженымъ; наконецъ самъ хозяинъ, въ разстегнутомъ на распашку генеральскомъ сюртукѣ, помѣщался все время около нея и какъ-то кровожадно на нее смотрѣлъ. Соня пріѣхала на вечеръ безъ матери: Надежда Павловна, сшившая дочери седьмое платье, не имѣла на что купить ни башмаковъ, ни перчатокъ. Чистое, ясное чело моей героини было, на этотъ разъ, омрачено легкимъ облачкомъ грусти. Въ городѣ про нее Богъ знаетъ что ужь разсказывалось. Даже въ этомъ самомъ обществѣ двѣ дамы, одна блондинка, съ ангелоподобнымъ лицомъ, а другая шатенъ, тоже съ чрезвычайно благообразною физіономіей, ходившія вдвоемъ по большой залѣ, изливали про нее такого рода ядъ, что будто-бы она ѣздила къ флигель-адъютанту на квартиру. Но это было совершенно несправедливо: къ нему

дѣйствительно пріѣзжала—только не она, а m-me Михрѣева, которая какъ ни какъ, и хоть на короткое время, но успѣла овладѣть петербургскимъ гостемъ. Соня же дѣлала гораздо болѣе невинныя вещи. Она ему говорила:

— Вотъ вы уѣзжаете въ Петербургъ, оставляете здѣсь насъ бѣдныхъ.

— Что дѣлать!—отвѣчалъ Корнѣевъ, пожимая плечами.

Соня при этомъ отъ досады пристукивала слегка и незамѣтно ножкой. Она видѣла, что этотъ человѣкъ неравнодушенъ къ ней и отдѣлывается фразами.

— Жалко ли вамъ здѣсь кого-нибудь?.. Пожалѣете ли вы кого-нибудь?—спрашивала наконецъ она его.

— Я буду жалѣть всѣхъ моихъ знакомыхъ,—отвѣчалъ и на это Корнѣевъ.

Соня сегодня пріѣхала съ надеждой, что неужели же онъ и при прощаньѣ не скажетъ ей чего-нибудь: обѣщается, можетъ быть, опять пріѣхать; но Корнѣевъ цѣлый вечеръ игралъ въ карты и съ дамами почти не разговаривалъ.

— Яковъ Назарычъ здѣсь?—спросила наконецъ Соня конно-піонера.

— Здѣсь-съ.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Въ карты играетъ съ Корнѣевымъ.

— Променадъ, вѣроятно, желаете сдѣлать?—сказалъ ей начальникъ губерніи, тоже вставая и идя за ней.

— Да, — отвѣчала Соня, обертываясь къ нему съ улыбкой.

Яковъ Назаровичъ Леневъ былъ богатый подгородный помѣщикъ, холостякъ. У него были своя музыка, псовая охота, домъ огромный. Не выѣзжая шагу изъ своей губерніи, онъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ какъ постоянно служилъ то предводителемъ, то

попечителемъ разныхъ учебныхъ заведеній, а между прочимъ и того пансіона, въ которомъ училась Соня.

По наружности своей, Леневъ былъ коротенькій, кругленькій толстячокъ, не столько съ старческимъ, сколько съ дряблымъ лицомъ, съ маленькими красивыми руками. Всегда почти во фракѣ, съ огромнымъ солитеромъ на пальцѣ, онъ ходилъ, слегка притряхивая животомъ, и тяжело сопѣлъ, когда сидѣлъ на мѣстѣ.

Соня подошла къ нему и стала около него, такъ что очутилась прямо противъ Корнѣева.

— Дѣдушка, вы въ каретѣ пріѣхали?—спросила она Ленева.

— Въ каретѣ-съ.

— Вы возьмете меня?

— Съ величайшимъ блаженствомъ.

— А вы дорогой меня не скушаете?

— Нѣтъ, не скушаю, — отвѣчалъ Леневъ, и покраснѣлъ.

Онъ, говорятъ, когда еще Соня находилась въ пансіонѣ, былъ влюбленъ въ нее и даже дѣлалъ объ этомъ декларацію одной классной дамѣ.

Во весь этотъ разговоръ Корнѣевъ хоть бы разъ приподнялъ глаза отъ картъ, какъ-будто бы все его состояніе было поставлено на нихъ.

Соня отошла и пошла къ губернаторшѣ.

— Марья Николаевна, дайте мнѣ конфетку, хорошенькую, хорошенькую,—говорила она, какъ избалованный ребенокъ.

— Изволь, моя милочка, изволь!—отвѣчала та, подавая ей изъ стоявшихъ на столѣ конфетъ самую лучшую. (Марья Николаевна была очень добрая женщина).

— Не хотите ли потанцовать? Я сейчасъ пошлю за музыкантами,—спросилъ любезно губернаторъ.

— Ахъ, да... или нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Соня. Какъ ни старалась она скрыть, но она замѣтно была

грустна. Корнѣевъ сталъ сбираться. Онъ, почти по родственному, распрощался съ Марьей Николаевной, взялъ отъ нея нѣсколько порученій въ Петербургъ; съ губернаторомъ онъ ушелъ въ кабинетъ и долго съ нимъ разговаривалъ шепотомъ; но Сонѣ только мимоходомъ, и то какъ-то разсѣянно, сказалъ: „Adieu, mademoiselle!“

— Adieu!—отвѣчала она ему, не вставая и не подавая руки: „дуракъ!“ подумала она про себя, когда скрылся за драпировкой кончикъ его сабли.

Корнѣевъ, впрочемъ, также небрежно поклонился въ залѣ и другимъ дамамъ. Онъ, по самой натурѣ своей, былъ нѣсколько фатъ.

— Дѣдушка, что же вы? — прикрикнула Соня на Ленева, который тыкался изъ угла въ уголъ и искалъ шляпы.

— Готовъ-съ, ожидаю,—произнесъ онъ наконецъ.

Соня начала прощаться съ Марьей Николаевной.

— Смотрите же, довезите ее у меня бережно! говорила та, грозя Леневу пальцемъ.

— Пять вѣдь лѣтъ ужь няньчился съ ней въ пансіонѣ,—отвѣчалъ тотъ дребезжавшимъ голосомъ.

— Ну, ужь нечего сказать: хорошу и выняньчили,— сказала Соня, сходя съ лѣстницы и мило потряхивая головкой.

— Еще бы не хорошу! Ну можетъ ли быть что-нибудь прелестнѣе этого личика!—говорила Марья Николаевна, смотря сверху, когда Соня надѣвала капоръ.

— Да! — подтвердилъ и начальникъ губерніи.

Яковъ Назаровичъ отъ удовольствія и отъ стыда весь горѣлъ румянцемъ. Когда они сѣли въ карету, Соня помѣстилась въ одинъ уголъ, а Леневъ придвинулся въ другой.

— У васъ это свои лошади, Яковъ Назарычъ спросила Соня.

— Свои.

— А что вы за нихъ заплатили?

— За пару три тысячи.

— Ахъ, какія славныя! Какъ-бы я желала имѣть такихъ.

Яковъ Назаровичъ на это ухмыльнулся.

— Какъ здоровье вашей маменьки? — спросилъ онъ.

— Такъ себѣ... все она въ хлопотахъ: папенька... вы знаете что онъ можетъ... Вотъ онъ служить теперь будетъ, а какъ, еще Богъ знаетъ!

— Да! — произнесъ Яковъ Назаровичъ съ грустью.

Онъ рѣшительно не догадывался, къ чему плутовочка вела разговоръ.

— Право, — продолжала Соня, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — сейчасъ бы вышла замужъ, только бы у жениха состояніе было.

— Даже бы и за старика?

— Чтожъ такое старикъ!.. Стариковъ я люблю еще болѣе, чѣмъ молодыхъ.

Карета въ это время подъѣхала къ квартирѣ Басардиныхъ.

— Что вы, дѣдушка, никогда къ намъ не заѣдете? Какой вы, право!—говорила Соня, отворяя двери.

— Обезпокоить боюсь.

— Чего безпокоить!.. Пріѣзжайте хоть завтра... послѣ-завтра, когда хотите,—говорила она, уходя.

— Непремѣнно-съ, — отвѣчалъ Леневъ съ какимъ-то восторгомъ, и, откинувшись на задокъ кареты, поѣхалъ домой.

Надежда Павловна, какъ обыкновенно, не спала и дожидалась дочери. По выраженію ея лица, она сейчасъ же замѣтила, что та была не въ духѣ.

— Ты устала? спросила она ее съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала Соня, садясь и закидывая голову на спинку креселъ. — Корнѣевъ совсѣмъ распро-

щался... завтра уѣзжаетъ... — прибавила она послѣ короткаго молчанія.

— Ну и что же? — спросила, съ полуулыбкой Надежда Павловна.

— Разумѣется, ничего! — отвѣчала Соня тоже съ улыбкой.

Разговоръ на нѣсколько времени прекратился.

— Меня сюда Леневъ подвезъ! — сказала Соня, какъ бы къ слову.

— А, — произнесла Надежда Павловна не безъ удовольствія: — славный онъ человѣкъ! — прибавила она.

— Отличный! — подтвердила Соня, и пошла раздѣваться.

Личико ея снова повеселѣло и точно говорило: „ничего поправимся!“

XIV.

Милый мальчикъ.

Ужь разсвѣтало. На почтовой станціи, послѣдней передъ губернскимъ городомъ, въ сырой, холодной комнаткѣ, по искривленному полу ходилъ молодой офицеръ, въ прапорщичьихъ эполетахъ, въ лѣтнихъ калошахъ и въ весьма легко подбитой ватою, съ холоднымъ воротникомъ, шинели. На столѣ стоялъ кипящій самоваръ, чашки и раскрытый чайникъ, но ни чаю, ни сахару не было... Въ углу виднѣлась мрачная физіономія станціоннаго старосты, въ бараньемъ тулупѣ и съ тѣмъ злымъ лицомъ, которое обыкновенно бываетъ у непроспавшихся, съ похмѣлья, мужиковъ. Онъ съ пренебреженіемъ клалъ на столъ подорожную.

— Какъ ты смѣешь не давать мнѣ лошадей! — говорилъ офицеръ горячась,

— Кто не даетъ? Вамъ даютъ... Давайте деньги-то! — отвѣчалъ ему настойчиво мужикъ.

— Деньги, говорятъ тебѣ, мерзавецъ, что тамъ отдадутъ...

Мужикъ злобно усмѣхнулся.

— Велѣно платить впередъ, не отъ насъ эти распоряженія-то идутъ.

— А если меня губернаторъ ждетъ... Я адъютантъ губернатора!

Мужикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— У меня вотъ тутъ, — началъ онъ, протягивая обѣ руки къ окну: — черезъ пять минутъ почта пойдетъ... Пишите туда. Хоть шестерикомъ откачу, коли предпишутъ-то.

— Гдѣ здѣсь становой живетъ? Гдѣ?... — говорилъ офицеръ, окончательно выходя изъ себя.

— Становаго здѣсь нѣту, — отвѣчалъ спокойно мужикъ.

— Да вѣдь есть-же какое-нибудь начальство, скотина ты этакая! — говорилъ офицеръ, уже наступая на мужика.

— Да какого вамъ еще начальства надо?... Вонъ, есть бурмистъ, съ краю живетъ, — отвѣчалъ тотъ, нисколько не струся.

Офицеръ въ бѣшенствѣ схватилъ свой сакъ, въ которомъ состоялъ весь его багажъ, и убѣжалъ изъ комнаты.

— Чаю тоже спрашивалъ! — проговорилъ ему мужикъ вслѣдъ насмѣшливо и сталъ убирать чашки.

Офицеръ, между тѣмъ, шелъ по деревнѣ. На горизонтѣ показалось солнышко, и точно яхонтомъ подернуло поля, деревья и крыши избъ. По дорогѣ ѣхалъ мужикъ въ дровняхъ. Офицеръ вдругъ остановился и, какъ-бы сообразивъ что-то, обратился къ нему.

— Ты, мужичокъ, въ городъ ѣдешь? спросилъ онъ.

— Въ городъ, батюшка, въ городъ,

Изображение Российской национальной библиотеки

— Довези меня, пожалуйста, за цѣлковый или за два. Почтовыхъ лошадей нѣтъ, а мнѣ крайне тамъ надо быть.

— Садиса! — отвѣчалъ мужикъ добродушно и подвинулся. Офицеръ, незадумавшись, бросилъ къ нему въ сани свой сакъ и самъ сѣлъ. Мужикъ прихлестнулъ лошадку, она весело побѣжала.

— Что это у тебя, мужичокъ, хлѣбъ, вѣрно?—сказалъ офицеръ, показывая на нѣсколько открывшуюся котомку мужика.

— Хлѣбушко, батюшка, хлѣбъ!

— Чтожъ, ты ѣсть себѣ это везешь?

— Да, батюшка!.. Въ харчевнѣ-то тоже дорого.

— Ты въ харчевню, значитъ, не пойдешь?

— Ну какъ не пойдти, схожу: чайку тоже попьешь и щей похлебаешь.

— Зачѣмъ-же хлѣбъ-то тебѣ?

— Да такъ, на закусочку: ну, да и лошадкѣ коли даю.

— Дай мнѣ, пожалуйста, немного: я очень люблю черный хлѣбъ.

— Покушай, батюшка, покушай! — отвѣчалъ мужикъ, торопливо развязывая свою котомку и подавая изъ нея цѣлую краюшку, которую сѣдокъ его въ нѣсколько минутъ и уничтожилъ.

Совершающій такимъ образомъ свой путь былъ никто иной, какъ юный Басардинъ. Онъ два дня передъ тѣмъ ничего не ѣлъ. Выпущенный около мѣсяца въ офицеры, онъ, подписавшись подъ руку матери, собралъ со всѣхъ ея мужиковъ, проживающихъ въ Петербургѣ, за годъ оброкъ, — рублей триста; отъ тетки получилъ сначала сто рублей; потомъ, по новому кляузному письму, еще сто рублей, — сумма, казалось-бы, образовалась порядочная, — но, желая воспользоваться удовольствіями своего званія, онъ первоначально съ товарищами покутилъ въ Екатерингофѣ, гдѣ они перебили всѣ

стекла и избили до полусмерти какого-то нѣмца, и за все это, конечно, порядочно заплатили; потомъ пожуировали въ Гороховой, и наконецъ, чтобы не отстать отъ прапорщиковъ гвардейской школы, пообѣдали у Дюме. Такимъ образомъ, когда Басардинъ выѣхалъ въ отпускъ, у него оставалось только на прогоны. Содержалъ и питалъ себя въ дорогѣ онъ не столько деньгами, сколько искуствомъ и расторопностью. Въ каждомъ побольше городѣ, онъ обыкновенно съ почтовой станціи уходилъ въ лучшій трактиръ, спрашивалъ тамъ лучшій обѣдъ, и потомъ, съѣвъ два, три блюда, вдругъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, вставалъ: „Я, говорилъ, сейчасъ приду,“ и преспокойно уходилъ, а потомъ и совсѣмъ уѣзжалъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему это невполнѣ удавалось: въ Переяславлѣ, напримѣръ, половые за нимъ гнались, и онъ отъ нихъ отбился уже вооруженною рукой, обнаживъ саблю. Теперь передъ нимъ, посреди превосходнѣйшаго зимняго ландшафта, въ какомъ-то молочномъ отъ мороза свѣтѣ, открывались колокольни и дома города, въ которомъ онъ, послѣ такой продолжительной разлуки, увидитъ мать, отца, сестру. Но изъ всего этого ничто не шевелило души его. Суровое корпусное воспитаніе и несовсѣмъ хорошія природныя качества такъ и лѣзли въ немъ во всѣ стороны! Въѣхавъ въ городъ, молодой человѣкъ сейчасъ всталъ съ дровень.

— Ты поѣзжай около меня, будто такъ этакъ ѣдешь, а я пойду пѣшкомъ, сказалъ онъ мужику.

Видимо, онъ имѣлъ стыдъ, но только не въ ту сторону, въ которую слѣдовало-бы.

Передъ попавшеюся наконецъ будкой, Басардинъ остановился.

— Гдѣ тутъ Басардины живутъ? — спросилъ онъ, толкая ногой будочника, который нагнулся было, чтобы набрать охапочку дровецъ.

Тотъ поднялся.

— Гдѣ тутъ Басардины живутъ? — повторилъ строго офицеръ.

— Я не знаю, — отвѣчалъ было солдатъ.

— Какъ ты не знаешь и какъ ты смѣешь стоять передо мной въ фуражкѣ, а? — произнесъ вспыхнувъ Басардинъ, и трахъ будочника по зубамъ.

Тотъ, видя, что шутить нельзя, повытянулся немного и приложилъ руки ко швамъ.

— Ихъ много тутъ, ваше благородіе: гдѣ мнѣ ихъ всѣхъ тутъ знать.

— Гдѣ тебѣ знать? А вотъ гдѣ! — объяснилъ Басардинъ и съѣздилъ солдата по второй ужъ скулѣ.

— Басардины у меня стоятъ, — отнесся къ нему проходившій мимо священникъ и видѣвшій съ самаго начала всю эту сцену. — Вы кто такіе?

— Я сынъ ихній.

— Черезъ два дома извольте идти на дворъ, — указалъ священникъ.

— И ты тоже, братецъ! подъ носомъ у тебя живутъ, а ты не знаешь! — укорилъ священникъ будочника.

— Поученый я, что-ли? — отвѣчалъ тотъ сердито.

Такому безпричинному мгновенному гнѣву молодаго офицера, конечно, много способствовало, вопервыхъ, его званіе, а во-вторыхъ, и перенесенный имъ холодъ и голодъ.

XV.

Милый мальчикъ у матери, и онъ же у тетки.

— Кто тамъ? Ахъ, Витя! — воскликнула Надежда Павловна, увидя входившаго офицера.

— Здравствуйте, маменька! — сказалъ тотъ.

— Петръ Григорьичъ! Соня! Викторъ пріѣхалъ! —

Из фондов Российской национальной библиотеки

продолжала Надежда Павловна, цѣлуя и обнимая сына. Чувство матери невольно въ ней проснулось.

— Витя! — произнесла, входя, и тоже непритворно радостнымъ голосомъ, Соня.

— Вотъ кто! Ну, поздравляю! — говорилъ Петръ Григорьевичъ, идя за нею. Несмотря на радушный пріемъ, Викторъ смотрѣлъ на родныхъ мрачно.

— Тамъ, маменька, — началъ онъ небрежно, садясь на диванъ:—съ мужикомъ надо разчесться... Самъ я пріѣхалъ на почтовыхъ, а онъ вещи мои привезъ, рубль или два дать ему, — у меня мелкихъ нѣтъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!— отвѣчала Надежда Павловна и, подозвавъ дочь, что-то шепнула ей.

Та пошла.

Стыдно сказать, но у Басардиныхъ въ домѣ рубля не было. Надежда Павловна послала Соню, чтобъ она, Бога ради, выпросила у попадьи хоть сколько-нибудь; а сама между тѣмъ своими руками притащила для сына тяжелый самоваръ, залила ему самаго крѣпкаго чаю, поставила сливокъ, булокъ.

Соня, вся пылая отъ стыда, исполнила порученіе матери и достала денегъ, которыхъ рубль серебромъ попадья отсчитала ей мѣдными пятаками. Она со смѣхомъ высыпала ихъ передъ братомъ. Тотъ отсчиталъ полтину.

— Прикажите,— началъ онъ: — это отдать мужику, а если станетъ говорить, что мало, велите по шеѣ прогнать.

Распорядясь такимъ образомъ, Басардинъ остальныя деньги положилъ себѣ въ карманъ, и затѣмъ, уткнувъ носъ въ горячій стаканъ чая и почти мгновенно поглощая его съ огромными кусками булки, ни на что ужь болѣе не обращалъ никакого вниманія.

Соня сѣла напротивъ его и старалась ласково смотрѣть на него.

— Какіе у него кудри славныя!—говорила Надежда Павловна, перебирая волосы сына. Викторъ даже не оглянулся на эту ласку, и до самаго обѣда почти не отвѣчалъ на безпрерывные вопросы, которые дѣлали ему мать, сестра и отецъ.

За столомъ онъ попрежнему мрачно и жадно ѣлъ и, вставъ, сейчасъ-же отыскалъ себѣ мѣстечко и отправился спать.

Выспавшись, онъ какъ-будто-бы сдѣлался нѣсколько подобрѣе и, придя къ матери, сталъ показывать ей свой гардеробъ и хвастаться имъ.

— Хорошо, прекрасно все это, — отвѣчала та ему въ тонъ.

— Однако у тебя все это пѣхотное платье-то!—угораздило вдругъ сказать Петра Григорьевича.

Викторъ сейчасъ-же вспыхнулъ.

— Что дѣлать! Я писалъ, писалъ маменькѣ объ реверсѣ,—отвѣчалъ онъ съ гримасой.

— Не успѣла еще, помилуй, — отвѣчала было ему ласково Надежда Павловна.

— Вы для меня никогда не успѣваете,—пробунчалъ Викторъ, а потомъ громко прибавилъ:—а что тетенька Биби далеко отсюда живетъ?

— Верстъ пятьдесятъ,—отвѣчала Надежда Павловна сухо.

Викторъ заложилъ руки въ карманы и началъ съ важностью ходить по комнатѣ.

— Надобно къ ней ѣхать! — сказалъ онъ, какъ-бы соображая что-то такое.

Надежда Павловна при этомъ невольно вспомнила обиду, которую нанесла ей Биби, и письмо, которое писалъ къ ней Викторъ.

— Прежде, я полагаю, тебѣ слѣдовало-бы побыть у отца съ матерью,—замѣтила она.

— А почему это слѣдовало-бы?—спросилъ тотъ.

Надежда Павловна горько улыбнулась и пожала плечами.

— Если ты этого не понимаешь, такъ я толковать тебѣ не намѣрена.

— Да и толковать-то вамъ нечего!—произнесъ Викторъ.

Надежда Павловна начинала краснѣть отъ гнѣва.

— Ты, кажется, за тѣмъ только и пріѣхалъ, чтобы съ первыхъ-же словъ дѣлать мнѣ непріятности.

Викторъ насмѣшливо посмотрѣлъ на мать.

— А вы отъ меня пріятнаго ожидали?... Вотъ это странно, право.

— Никогда я отъ тебя по твоему уму, ничего пріятнаго не ожидала; но, какъ мать, я имѣю право требовать отъ тебя уваженія!—произнесла Надежда Павловна съ удареніемъ.

— Требовать могутъ родители, которые что-нибудь сдѣлали для дѣтей... Вотъ съ нея требуйте, а съ меня —нѣтъ!

И Викторъ указалъ на сестру.

Надежда Павловна, чтобы смягчить колкость этого отвѣта, усмѣхнулась.

— Думала я, что ты глупъ; но все не до такой степени!— сказала она болѣе насмѣшливымъ, чѣмъ сердитымъ, голосомъ. Петръ Григорьевичъ, бывшій нѣмымъ зрителемъ всей этой сцены, вдругъ всталъ.

— Не смѣй такъ грубить матери! Не смѣй! — закричалъ онъ сверхъ всякаго ожиданія и погрозилъ сыну пальцемъ.

— Полноте, папенька!—прикрикнулъ тотъ на него: — ничего вы, видно, не знаете: потому я и глупъ, и дуракъ, что на васъ похожъ и вашъ сынъ...

— Молчи, говорятъ тебѣ.

Петръ Григорьевичъ уже топалъ на него ногой.

— Погоди, постой! — сказала Надежда Павловна,

растирая себѣ горло, въ которомъ начиналось удушье:— онъ говоритъ, что онъ твой сынъ; кто-же у меня дѣти не отъ моего мужа?

— А вотъ она! — хватилъ Викторъ, показывая на сестру.

Надежда Павловна разсмѣялась.

— Ахъ ты, мерзкій пащенокъ! Клеветникъ! — воскликнула она.

— Братецъ, что ты!— воскликнула и Соня, вскидывая на него свои большіе глаза и вся покраснѣвъ.

— Что ты, братецъ! Да, любимица!— передразнилъ онъ ее.— Не хочешь-ли вотъ этого?— прибавилъ онъ и показалъ сестрѣ кулакъ.

Когда они еще росли, такъ ихъ невозможно было пустить вмѣстѣ: одинъ, пользуясь своей силой, а другая покровительствомъ матери, сейчасъ и кинутся другъ на друга. Великая исторія Каина и Авеля врядъ-ли не повторяется въ каждой семьѣ.

Послѣднихъ угрозъ сына было достаточно, чтобы Надежда Павловна вышла изъ себя.

— Вонъ изъ моего дома! вонъ!—закричала она истерически.

Виктора, кажется, нисколько это не поразило.

— Али, вы думаете, не уйду? И уйду! — говорилъ онъ совершенно кадетскимъ тономъ.

— Ступай! ступай! — повторилъ за женой и Петръ Григорьевичъ.

— Иду-съ! Слушаю-съ!—отвѣчалъ Викторъ, собирая пожитки и ядовито раскланиваясь передъ отцомъ и матерью.

По двору онъ прошелъ бойко и съ гордо-приподнятыми плечами.

Надежда Павловна взглянула въ окно.

— Боже мой, онъ въ холодной шинелишкѣ и безъ калошъ!—воскликнула она, да безъ чувствъ и упала на диванъ.

Викторъ, впрочемъ, преспокойно отправился на постоялый дворъ и нанялъ тамъ извощика, съ тѣмъ, чтобы тотъ прокормилъ и свезъ его въ долгъ до Ковригина.

Къ теткѣ онъ явился ниже травы и тише воды, и подъѣхавъ къ дому, велѣлъ сначала доложить о себѣ. Биби даже взвизгнула, услыхавъ его имя. Выбѣжавъ къ нему навстрѣчу, она обняла его и нѣсколько минутъ держала у груди.

— Что папенька, маменька? — спросила она, нѣсколько поуспокоившись, заставивъ племянника прежде всего помолиться и сводивъ его къ дѣдушкѣ, который, увидавъ внука, заревѣлъ дикимъ голосомъ.

— Маменька,—отвѣчалъ Басардинъ скромнымъ голосомъ:—меня прогнала.

Биби даже попятилась назадъ.

— Я пріѣхалъ, разумѣется, безъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя вы, по добротѣ вашей, прислали мнѣ... (При этомъ онъ поцѣловалъ у тетки руку). Я сталъ просить у нихъ заплатить за извощика: онѣ раскричались.

Биби развела руками и печально склонила голову.

— Я говорю... „маменька, говорю, я вамъ восемь лѣтъ ничего не стоилъ, можно же вамъ помочь мнѣ чѣмъ-нибудь.“ Она еще больше разсердилась: „вонъ изъ моего дома!“ закричала...

— Да проститъ ей Богъ!—сказала со вздохомъ Биби.

— Вотъ и теперь, тетушка, я буду просить васъ заплатить извощику.

Викторъ, при этомъ, опять поцѣловалъ у тетки ручку.

— Ахъ, Боже мой, сдѣлай милость! — воскликнула она и сейчасъ-же велѣла извощика разчесть, а племянника напоила, накормила, положила его спать въ лучшей комнатѣ, велѣла, безъ всякой осторожности, прислуживать его любимицѣ своей Иродіадѣ, сама потомъ пришла посмотрѣть, хорошо-ли ему. Сердце старой

дѣвы стремилось еще любить, но только она не знала кого.

Викторъ, всѣмъ этимъ очень довольный, какъ-будтобы съ нимъ ничего непріятнаго не случилось, сейчасъже беззаботно заснулъ. Онъ грубилъ матери, а къ теткѣ поддѣлывался по весьма простому разсчету: зная, что мать бѣдна, и какъ ни какъ, но, по своей обязанности, будетъ ему помогать; а къ теткѣ, чтобы вытормошить у нея что-нибудь, надобно было подлизениваться. Лишенный всякихъ нравственныхъ правилъ, восторгающійся только паркетомъ, по которому ходилъ въ корпусѣ, тонкимъ сукномъ, которое видѣлъ на мундирахъ у офицеровъ, и въ то же время съ головой, набитою какой-то безсмысленной протестаціей противъ всего, что имѣло надъ нимъ какую-нибудь власть, онъ и въ помыслахъ не имѣлъ, до какой степени были безобразны его настоящіе поступки.

XVI.

Причины, побудившія жениха и невѣсту къ браку.

Послѣ свиданія съ сыномъ, у Надежды Павловны сдѣлалось кровохарканье; къ вечеру она чуть не умерла, а потомъ обнаружилось воспаленіе въ груди. Первое пришло ей въ голову: что будетъ съ Соней, если она умретъ? Оставить ее на рукахъ подобнаго папеньки и злодѣя братца,—отъ одной этой мысли бѣдная мать едва не сходила съ ума, а тутъ, какъ нарочно, пріѣхалъ Яковъ Назаровичъ.

— Попроси его ко мнѣ, попроси! — скороговоркой сказала дочери Надежда Павловна, подъ вліяніемъ какого-то тайнаго предчувствія.

Соня пригласила гостя, а сама осталась въ другой комнатѣ, сѣла изад умалась. Молоденькій умъ ея начи-

налъ понимать и оглядывать свое положеніе; съ отъѣздомъ флигель-адъютанта роль ея въ обществѣ сразу понизилась; даже добрѣйшая Марья Николаевна, показывавшая къ ней такую пылкую дружбу, какъ будто-бы охладѣла. Семь платьевъ ея очень хорошо были извѣстны всѣмъ знакомымъ, а сшить въ нынѣшнемъ году еще новое, она знала, нѣтъ ни малѣйшей возможности; а между тѣмъ, блистать въ обществѣ нарядами и общимъ вниманіемъ къ себѣ—какъ это пріятно! Соня даже не слыхала, чтобы что-нибудь могло быть лучше этого. Тысячи плановъ проходили въ головѣ ея, чтобы какъ-нибудь все это поправить и устроить.

— Что это вы? А? Какъ вамъ не стыдно?—говорилъ Яковъ Назаровичъ, входя къ Надеждѣ Павловнѣ.

Та, закутавшись въ свой синелевый платокъ, сѣла на постели.

— Умираю! — произнесла она, хватая себя за грудь.

— Полноте, что-й-то! хотѣлъ ее утѣшить Яковъ Назаровичъ, садясь невдалекѣ отъ нея.

— Да, батюшка, я не о себѣ!—воскликнула капризно Надежда Павловна:—давно мнѣ, окаянной, пора на тотъ свѣтъ. А вотъ о Сонѣ,—что съ нею будетъ, когда я умру?

— Замужъ выдавать надо!—сказалъ полусерьезно и полушутя Яковъ Назаровичъ.

— Рада-бы я была, Господи, какъ!—проговорила, разведя руками, Надежда Павловна.—Да гдѣ нынче жениховъ-то возьмешь! Гдѣ они, прахъ ихъ знаетъ!

— Да хоть-бы я!... Какъ это вы, сударыня, при женихѣ, молодомъ человѣкѣ, такіе рѣчи говорите! шутилъ Яковъ Назаровичъ.

— Женишься-ли ужь ты?—сказала ему тоже въ шутку Надежда Павловна. Она была очень дружна съ Яковомъ Назаровичемъ и постоянно говорила ему „ты“.

— Попробуйте только, отдайте!—повторилъ старый

холостякъ. Лицо его начинало краснѣть, потъ градомъ выступалъ на лбу.

Надежда Павловна усмѣхнулась.

— Не знаю, правду-ли ты говоришь, или шутишь?— произнесла она.

— Какое шучу!.. Давно ужь влюбленъ!

— Слышала это я...

И Надежда Павловна сомнительно покачала головой.

Якова Назаровича точно кто кольнулъ въ спину. Онъ привскочилъ съ мѣста.

— Такъ что-же?—заговорилъ онъ какимъ-то необыкновенно одушевленнымъ голосомъ: — состояніе, слава Богу, у меня есть... Всѣхъ бы васъ я устроилъ. Что мнѣ оставаться холостякомъ-то... Надоѣли ужь эти миликриссы-то!...

— Чтобы ни одной ихъ не было; всѣхъ вонъ!—проговорила въ раздумьѣ Надежда Павловна.

— Всѣхъ прогоню!..

— Ой, какой ты смѣшной! — сказала она, слегка простонавъ.

Не смотря на шутливый тонъ, мысль выдать дочь за Якова Назаровича исполнила Надежду Павловну неимовѣрнаго восторга: измученная бѣдностію, она богатство считала единственнымъ счастіемъ въ жизни и, сдѣлавшись отъ болѣзни своей неугомонно-нетерпѣливою, сказала гостю:

— Ну, такъ поѣзжай домой: я переговорю съ ней.

— Не можетъ быть!.. Будто! восклицалъ толстякъ, цѣлуя въ восхищеніи ея костлявую руку, потомъ расшаркался съ ней и вышелъ въ другую комнату.

— Куда же это вы, дѣдушка? — спросила его Соня.

— Нужно-съ,—отвѣчалъ онъ ей съ лукавою улыбкой и уѣхалъ.

— Милочка, душечка! — говорилъ онъ, сидя въ каретѣ и дѣлая странныя тѣлодвиженія: — Всю тебя рас-

цѣлую! Тутъ ямочка, тутъ возвышеніе!... О, ангельчикъ!.. — говорилъ онъ, нѣжно цѣлуя пустое мѣсто и тыкая пальцемъ въ воздухѣ.

Соня, между тѣмъ, продолжала сидѣть на прежнемъ мѣстѣ. Мать, наконецъ, ее окликнула. Соня перешла къ ней и, взявъ свою работу, помѣстилась на обычномъ своемъ мѣстѣ. Разговоръ между ними начался издалека и какъ-бы случайно склонился на Якова Назаровича.

— Что онъ у васъ мало посидѣлъ!—спросила Соня.

— Пріѣдетъ еще!.. Такой онъ странный, такъ удивилъ меня,—отвѣчала довольно нерѣшительно Надежда Павловна. Она никакъ не предполагала, что дочь сама нѣкоторымъ образомъ подготовила объясненіе Якова Назаровича.

— А что же?

— Да сватается къ тебѣ! — Послѣ этой фразы Надежда Павловна едва перевела дыханіе.

Соня тоже вспыхнула.

— Что же вы!—спросила она съ улыбкой.

— Что же я могла ему сказать! Ты знаешь, что я въ этомъ случаѣ не только принуждать тебя, но даже совѣтовать считаю не вправѣ.

По суевѣрной любви своей, Надежда Павловна дѣйствительно дала себѣ слово даже не совѣтовать дочери въ этомъ случаѣ.

Выраженіе лица у Сони было очень серьезное.

— Конечно, чѣмъ терпѣть эту вѣчную нужду и бѣдность, лучше выходить замужъ,—проговорила она.

— Но будешь-ли ты его любить!.. Не молодъ онъ!

— Я ничего къ нему особеннаго не чувствую, ни любви, ни не любви, отвѣчала Соня.

Въ это время Надеждѣ Павловнѣ подали ея бульонъ. Когда она, покушавъ его и чувствуя себя гораздо лучше, спокойно улеглась, Соня спросила ее:

— Что-же онъ за отвѣтомъ, стало, пріѣдетъ?

— Да!

Сонѣ, повидимому, хотѣлось продолжать этотъ разговоръ, но только она немного конфузилась.

— Не знаю, что и отвѣчать ему!—проговорила мать въ раздумьѣ.

— Да скажите, что да! — отвѣчала Соня.

— Хорошо, — произнесла Надежда Павловна протяжно.

Такъ необдуманно и такъ вѣтренно упала для Сони завѣса, навсегда отдѣлившая непроницаемой стѣной одну половину ея жизни отъ другой. Соня, кажется, первое слово въ жизни услыхала: *„О, Господи! денегъ нѣтъ!“* Кругомъ ея всюду и вездѣ говорили: *„Вотъ женились, ни у того, ни у другаго ни села, ни перегороды. Вотъ дура, нашла за кого выйдти, ни чина ни должности“*. Въ самомъ простомъ быту, какая-нибудь крестьянская дѣвка, которая позвонче другихъ поетъ, покрасивѣй, породнѣй другихъ, поумнѣй и складнѣй на словахъ, и та пользуется почетомъ и уваженіемъ; а Соня дома, въ пансіонѣ, въ свѣтѣ, насколько она успѣла въ него заглянуть, только и видѣла, что почитается знатность и богатство: за дурами, ея подругами, отвратительными собой, молодежь ухаживала, начальство дарило имъ книги за успѣхи въ наукахъ. Даже красотѣ своей Соня, послѣ поступка съ ней флигель-адъютанта, перестала давать цѣну. Объ Александрѣ она иногда подумывала; но онъ былъ такой еще мальчикъ: любви его невозможно было придать никакого практическаго значенія!

Вечеромъ пріѣхалъ Яковъ Назаровичъ, расфранченый, раздушеный до-нельзя и, въ то-же время, робѣющій. Стараясь быть любезнымъ, онъ былъ порядочно смѣшонъ. Петру Григорьевичу, небывшему поутру дома, не сочли за нужное и сказать, что произошло въ семействѣ. Впрочемъ онъ, видя дружеское и безцеремонное обращеніе Надежды Павловны съ Яковомъ Назаровичемъ,

нисколько тому не удивился, такъ какъ и прежде еще въ разговорахъ своихъ съ деревенскими знакомыми, священниками и управляющими онъ обыкновенно объяснялъ: „У меня вѣдь жена министръ по уму; съ этими, тамъ, директорами и попечителями, такъ запанибрата и рѣжетъ!“ Самъ-же онъ Якова Назаровича всегда называлъ „ваше превосходительство.“ Въ настоящій вечеръ онъ только обратилъ вниманіе на то, когда Соня отнеслась къ Леневу и сказала:

— А что, вы подарите мнѣ лошадей, на которыхъ мы съ вами ѣхали?

— Подарю, подарю, цѣлую четверку!

— А сани à jour у васъ будутъ, какъ у губернатора?

— У меня ужь есть такія, вдвое лучше только!

Соня, разумѣется, говорила шутя, хотя, въ то-же время, нельзя умолчать, что и эта причина была одною изъ побудительнѣйшихъ... Бѣдная птичка! Она замужество представляла несовсѣмъ такъ, какъ оно есть, не во всѣхъ еще подробностяхъ.

XVII.

Губернская тетеха.

Вѣсть о замужествѣ Сони за Ленева дала Надеждѣ Павловнѣ возможность взять по лавкамъ въ долгъ всевозможныхъ матерій, и только было онѣ со всѣмъ этимъ расклались, какъ на дворъ въѣхала карета. Соня и мать вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

Здоровый лакей едва вытащилъ изъ кареты толстѣйшую, въ траурѣ, барыню, которая, войдя запыхавшись въ маленькую переднюю, сейчасъ-же закричала:

— Не могла, тетушка... родная моя!,. Не могла утерпѣть!..

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Ахъ, Аполлинарія Матвѣевна!—сказала Надежда Павловна, встрѣчая гостью и цѣлуя ее въ румяную и пухлую щеку.

— Какъ только услыхала, что вы здѣсь, — вѣзите, говорю...—продолжала та, не переставая тяжело дышать и усаживаясь на диванѣ.

Это была мать Александра, нѣкогда стройная и хорошенькая собой дѣвушка, а теперь какое-то чудовище. Покойный Баклановъ, женясь на ней, отчасти обманутый ея наружностью, а еще болѣе того, прельщенный ея состояніемъ, впослѣдствіи иначе и не называлъ ее, какъ *тетехой*. Сына своего Аполлинарія Матвѣевна боготворила, хотя и возмущалась многими его поступками и словами.

Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, она нашла болѣе приличнымъ сначала заговорить о мужѣ.

— Горе-то, ну-те-ка, тетенька, какое у меня надѣлалось!—начала она, помахивая длинными оборками своего траурнаго чепца.

— Слышала, слышала,—отвѣчала ей Надежда Павловна.

— Все вотъ, бывало, говорилъ: „ишь, говоритъ, какъ тебя дуетъ горой, скоро лопнешь;“ а вотъ самъ напередъ и убрался.

Находясь у мужа въ страшно-ежовыхъ рукавицахъ, Аполлинарія Матвѣевна рѣшительно была рада, что онъ умеръ.

— А это Соня моя! Вы, вѣрно, не узнали ее,—отнеслась было къ ней Надежда Павловна.

— Ай, нѣтъ!.. Какъ это возможно! здравствуй, душечка! — проговорила, проворно цѣлуясь съ Соней, Бакланова, и снова принялась за свое! — въ гробу-то, родная моя, говорятъ, лежалъ такой черный да нехорошій.

— Замужъ выходитъ! — попробовала было еще разъ пояснить ей Надежда Павловна.

— Ну, вотъ, поздравляю! — сказала и на это полувнимательно Аполлинарія Матвѣевна.

— Не прикажете-ли кофею? — отнеслась къ ней Соня.

— Ой, пожалуй! — отвѣчала Аполлинарія Матвѣевна какимъ-то сантиментальнымъ голосомъ.

Сколько эта дама пила и ѣла, представить себѣ даже невозможно.

Соня принесла ей огромную чашку кофе и цѣлый ворохъ сухарей.

— А Саша-то мой, ну-те-ка, тетенька,—продолжала Аполлинарія Матвѣевна: — послала я его къ тетушкѣ: ну, тоже думаю, можетъ и наслѣдство отъ нея быть...— объяснила она откровенно.

Надежда Павловна незамѣтно, но злобно улыбнулась.

— Только слышу, что онъ вмѣсто того здѣсь, а тамъ и въ Москвѣ... Я такъ и обмерла: въ глазахъ у меня потемнѣло... (при этомъ Аполлинарія Матвѣевна въ самомъ дѣлѣ закатила нѣсколько свои глаза). Писала ужь и жаловалась на него братцу, Евсевью Осипычу... Онъ, спасибо, нарочно своего московскаго управляющаго посылалъ разузнавать, тотъ все и описываетъ, всѣ ихъ каверзы... — На послѣднихъ словахъ Аполлинарія Матвѣевна, въ полнѣйшемъ отчаяніи, развела руками.

Соня все внимательнѣй и внимательнѣй къ ней прислушивалась.

— Что-же такое? — спросила Надежда Павловна.

— Пьютъ, родная! Въ пору большимъ такъ пить. (Сашу своего Аполлинарія Матвѣевна считала до сихъ поръ еще чуть-ли не десятилѣткомъ.) Управляющій-то прямо за ними въ трактиръ и прошелъ: дымъ коромысломъ стоитъ... двоимъ ужь тамъ въ сѣняхъ голову холодною водой обливали... „рѣчи говорятъ...“ самъ уже братецъ въ письмѣ своею ручкой прибавляетъ: „такія говорятъ, что нынѣ времена строгія, пожалуй, того и гляди, улетятъ куда-нибудь.“

— Но, можетъ быть, это другіе, и не вашъ Александръ, попробовала было утѣшить ее Надежда Павловна.

— О, полноте-ка, тетенька! — воскликнула Аполлинарія Матвѣевна, махнувъ рукой: — первый, говорятъ, коноводъ на все. Онъ, вѣдь, у меня умный: не въ меня, а въ покойника. Какъ орелъ, говорятъ, такъ и ходитъ. Больно боюсь, тетенька, чтобъ онъ распутничать не началъ!

— Что-й-то, какія глупости! — произнесла Надежда Павловна, показывая Аполлинаріи Матвѣевнѣ глазами на дочь, но та ничего не поняла.

— Говорятъ, ужь и есть это... очень боюсь. Научите меня, тетенька, вы у насъ умная этакая, что мнѣ дѣлать-то?

— Напишите ему письмо построже.

— Писала, родная... Священника и сочинить-то просила, чтобы поскладнѣй вышло. Таково чувствительно написалъ... Такъ вѣдь что они, балбесы? Только-то и отвѣчалъ: „Вольно вамъ, маменька, говоритъ, всякимъ глупостямъ вѣрить.“

Надежда Павловна, чтобы какъ-нибудь поскорѣй прекратить этотъ визитъ, ничего ей не отвѣчала.

— Сама, тетенька, думала ѣхать въ Москву-то, да тоже думаю: они тамъ меня совсѣмъ засмѣютъ! — заключила Аполлинарія Матвѣевна и затѣмъ, видно выболтавъ все, что ей нужно было, поднялась.

— Прощайте, тетенька! Неужели въ этихъ канурахъ вы свадьбу-то станете дѣлать!.. Наняли-бы домъ у меня... И то ужь съ полгода стоитъ безъ постояльцевъ, разоренье такое! — прибавила она, уходя и попрежнему небрежно прощаясь съ Соней.

Мать и дочь, оставшись вдвоемъ молчали.

Соня стояла у окна. Въ свѣтлыхъ глазахъ ея блестѣли

слезы. Печальный образъ прощавшагося съ ней Александра невольно возсталъ передъ ней.

Слова, сказанныя имъ при прощаньѣ: *„Если я не нашелъ въ прекрасномъ, то найду въ дурномъ,“* значитъ, были не фраза.

— Мамаша, я поѣду прокатиться! проговорила она.

— Поѣзжай! отвѣчала та.

Яковъ Назаровичъ, зная наклонности невѣсты, подарилъ ей чудесныя чухонскія саночки, съ красивымъ кучеромъ и съ превосходнымъ воронымъ рысакомъ.

Соня почти каждый день ѣздила кататься въ своемъ экипажѣ, и теперь, сѣвъ въ него и уставивъ свое хорошенькое личико противъ морозу, велѣла себя вести скорѣй, скорѣй. Ей хотѣлось какъ-нибудь поразмыкать свое горе. Она пролетѣла такимъ образомъ площадь, Ивановскую улицу, Калязинскую, но потомъ вдругъ, какъ бы встрепенувшись, закричала кучеру.

— Постой! стой!

Тотъ остановился.

— Monsieur Венявинъ! крикнула Соня, студенту въ плоховатой шинели, смиренно проходившему по снѣжному тротуару.

Тотъ обернулся, и узнавъ кто его кличетъ, подошелъ—улыбаясь, краснѣя, застегивая свой вицъ-мундиръ и приглаживая волосы.

— Pardon, monsieur Венявинъ, что и васъ безпокою! сказала Соня (Александръ неоднократно говорилъ ей о своемъ пріятелѣ и даже показывалъ ей его). Parles-vous français? прибавила она.

— Ахъ, oui, madame! отвѣчалъ Венявинъ, страшно конфузясь и варварски произнося.

— Aves-vous l'adresse de monsieur Баклановъ?

— Oui, madame! отвѣчалъ Венявинъ, сдѣлавъ все умственное усиліе, чтобы понять то, что ему сказали.

— Je vous prie de lui envoyer un petit billet de

ma part... Нѣтъ ли съ вами карандаша? — Послѣднія слова Соня нарочно сказала по-русски.

— Oui, madame! отвѣчалъ торопливо Венявинъ и выхватилъ изъ боковаго кармана карандашъ.

Соня отъ обертки, въ которую завернута была матерія, взятая ею, чтобы перемѣнить въ лавкахъ, оторвала клочекъ бумаги и написала на немъ: „Вы безумный человѣкъ! Васъ любятъ, но что же дѣлать!.. Того не велитъ Богъ и люди, и если теперь выходятъ замужъ, такъ, можетъ быть, затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ святымъ таинствомъ. Прощайте, не дѣлайте глупостей и забудьте душой всю вашу Софи.“

— Votre parole d'honneur que vous ne lires pas mon billet et m'en garderes le secret! говорила Соня, подавая ему бумажку.

Само небо, кажется, осѣнило голову Венявина, что онъ понялъ эту фразу и даже отвѣтилъ на нее, такимъ образомъ:

— Oui, madame, je prendrai moi cette... j'ai retardé ici; mais aujourd'hui je partirai à Moscou!

— Mersi! сказала Соня, и пожавъ красную и неуклюжую руку студента своею хорошенькою ручкой, затянутою въ французскую перчатку, сказала кучеру: „въ гостиный дворъ!“ и какъ стрѣла скрылась изъ глазъ. Венявинъ тутъ только сообразилъ свою ошибку: „Ахъ, я болванъ, болванъ! Ей вѣдь еще слѣдуетъ говорить mademoiselle, а я бухнулъ madame!“ думалъ онъ, и съ досады готовъ былъ прибить себя.

Придя домой, онъ тотчасъ запряталъ драгоцѣнное посланіе, сначала въ карманъ своихъ лучшихъ брюкъ, а потомъ брюки эти засунулъ въ треугольную шляпу, и ту положилъ на самый низъ чемодана.

XVIII.

Сынъ, возвращающійся съ раскаяніемъ.

Юный Басардинъ началъ препріятно жить у тетки. Она ему нашила бѣлья, велѣла навязать карпетокъ, и наконецъ, отъ имени дѣдушки, подарила старинные золотые часы. Викторъ, въ свою очередь, сталъ входить и помогать ей нѣсколько по хозяйству. У Биби былъ одинъ задѣльный мужикъ, ужасный грубіянъ: какъ только напивался онъ пьянъ, сейчасъ же съ пѣной у рта являлся передъ барышниными окнами.

„Барыня!.. барыня!.. угорѣла барыня въ нетопленой горницѣ“... напѣвалъ онъ, присѣдая и дѣлая другія глупости.

Иногда даже онъ ловилъ ее въ церкви, когда она выходила оттуда.

— Сторонитесь, сторонитесь — улита ѣдетъ, наша барыня... госпожа...—говорилъ онъ, расталкивая передъ ней народъ.

Биби его за это наказывала, возила въ рекруты отдавать; но не проходило полугода, какъ онъ снова повторялъ свои штуки, которыя вздумалъ выкинуть и при Викторѣ. Тотъ его, на мѣстѣ же преступленія, схватилъ за шиворотокъ, пригнулъ къ землѣ и, изъ собственныхъ рукъ, такъ отзвонилъ плетью, что даже другіе мужики, стоявшіе невлалекѣ, при этомъ, почесавъ въ затылкѣ, проговорили: „это ужь, братъ, видно, по настоящему, по военному!“ а самъ наказанный ничего не объяснялъ, а только слезливо моргалъ носомъ.

Очень довольная всѣмъ этимъ, Биби начала говорить про племянника:

— Преумный и превнимательный... На что я, кажется, глазомъ посмотрю, и то онъ видитъ!

Когда она постыдила Виктора, что какъ это онъ, такой большой, не умѣетъ читать по-славянски, онъ сейчасъ же подучилъ и, уже довольно бойко разбирая титлы, сталъ по вечерамъ читать теткѣ, по ея указаніямъ, нѣкоторыя мѣста изъ четьи-минеи. Происходившія при этомъ сцены были довольно оригинальнаго свойства: зеленая гостиная обыкновенно освѣщалась двумя сальными свѣчками; молодой офицеръ, съ самымъ смиреннымъ выраженіемъ, глядѣлъ, не поднимая глазъ, въ книгу и произносилъ: „И бѣ Аѳанасію страхъ велій!“

Биби при этомъ какъ-то порывисто нюхала табакъ и принималась торопливо распускать свое вязанье. Это означало, что она сильно была тронута.

Дѣдушка-маіоръ, тоже вывезенный на своихъ креслахъ слушать, начиналъ понемногу высовывать языкъ; а потомъ все больше и больше, и наконецъ вытягивалъ его почти что до половины.

— Папенька, опять языкъ! — вскрикивала на него Биби.

Старикъ сейчасъ-же убиралъ органъ слова въ надлежащее мѣсто; но потомъ, черезъ минуту, начиналъ его снова выпускать понемногу: зачѣмъ онъ это дѣлалъ, никто у него допроситься не могъ!

„И пріидоша къ нему бѣси“, продолжалъ, между тѣмъ, Басардинъ, невольно улыбаясь. У него самого въ это время были порядочные бѣсенята въ головѣ: „Коли такъ все пойдетъ, такъ съ тетки-то рублей пятьсотъ сорвать можно будетъ!“ думалъ онъ и продолжалъ читать: „отъидите отъ меня, окаянные, рекъ Аѳанасій“.

„А Иродіада все отвертывается!“ вертѣлось въ это время въ головѣ молодаго человѣка, и голосъ его дѣлался совершенно невнимателенъ.

— Ну, будетъ, другъ мой!—говорила Биби, думая, что онъ усталъ.

Викторъ закрывалъ книгу, осторожно подавалъ ее теткѣ, и самъ, усѣвшись смиренно въ кресло, задумывался. Въ эти минуты его волновали самосильнѣйшія страсти: съ нѣкотораго времени, онъ рѣшительно не въ состояніи былъ равнодушно видѣть стройнаго стана Иродіады и ея толстой косы, красиво расположенной на затылкѣ.

— Иродіада, куда ты! Постой! — говорилъ онъ ей, когда она, вечеромъ послѣ ужина, приходила и ставила ему графинъ на столъ.

Первоначально Иродіада отвѣчала на это однимъ холоднымъ взглядомъ; но Викторъ простеръ свои искательства и дальше.

— Погоди, постой! — говорилъ онъ, встрѣтивъ ее разъ въ темномъ корридорѣ.

— Баринъ, что вы? Перестаньте... Право, тетенькѣ скажу!—проговорила Иродіада, стараясь поскорѣе пройдти мимо его.

— Ну, да! какъ-же! скажешь!— говорилъ Викторъ. и сдѣлалъ черезчуръ смѣлое движеніе.

Иродіада сердито оттолкнула его и прошла.

Биби она въ самомъ дѣлѣ, должно быть, разсказала, потому что та была день или два очень суха съ Викторомъ. Злоба въ душѣ его забушевала. Поймавъ снова Иродіаду въ корридорѣ, именно послѣ описаннаго нами чтенія, онъ остановилъ ее.

— А, такъ ты ябедничать!—произнесъ онъ, и такъ распорядился, что Иродіада, для спасенія себя, сначала толкалась, а потомъ укусила ему плечо.

— Ты еще кусаться!—проговорилъ Викторъ и схватилъ ее за косу.

Иродіада закричала на весь домъ: „батюшки, бьютъ“. На этотъ крикъ со всѣхъ сторонъ высыпали дѣвки со свѣчами и сама Биби.

— Она мнѣ грубить! — сказалъ Викторъ, указывая на Иродіаду.

— Матушка, вся ваша воля,—отвѣчала та, поправляя свою косу и куда-то мгновенно скрываясь отъ стыда.

— Викторъ Петровичъ, что это такое?— произнесла Биби.

— Викторъ Петровичъ!...—передразнилъ ее Викторъ: кадетская натура его не выдержала при видѣ сморщеннаго и сердитаго лица тетки. Кромѣ того, онъ былъ очень ужь взбѣшенъ.

— А, такъ вы такъ!—произнесла Биби, и сейчасъ-же удалилась.

Изъ всей этой сцены она очень хорошо поняла, что это за господинъ, и просто струсила его. Онъ, пожалуй, до того дойдетъ, что и ее приколотитъ; а потому на другой-же день, не входя съ нимъ ни въ какія объясненія, когда Викторъ еще спалъ, она, запрятавъ стараго отца и Иродіаду въ возокъ, сама сѣла съ ними и уѣхала на богомолье, верстъ за триста, захвативъ съ собою всѣ ключи отъ чая, сахару и погреба. Молодой человѣкъ остался такимъ образомъ снова безъ всякаго содержанія. Первоначально онъ сталъ было всего требовать отъ ключника; но тотъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ничего. Викторъ хотѣлъ-было его прибить; ключникъ убѣжалъ отъ него. Басардинъ, дѣлать нечего, рѣшился ѣхать обратно въ городъ, хватить тамъ по боку дѣдушкины часы и съ этою суммой прямо отправиться въ Петербургъ. Но на постояломъ дворѣ, у Никиты Семенова, онъ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, возвращавшимся изъ города.

— Ваша фамилія?—спросилъ тотъ.

— Басардинъ.

— Это не ваша-ли сестрица выходитъ замужъ?

— Должно быть, моя! Я не знаю, я только еще ѣду къ нимъ. За кого-же она идетъ?

— За очень хорошаго человѣка.

— И богатаго?

— Да, съ большимъ состояніемъ. И она-то вѣдь прелестная. Съ вами вотъ имѣетъ немалое сходство!

— Да, она премилая!—отвѣчалъ Викторъ, и въ головѣ его сейчасъ-же измѣнился планъ. Пріѣхавъ въ городъ и, остановясь въ номерѣ, онъ тотчасъ-же сѣлъ и написалъ къ матери письмо.

„Дражайшая маменька! Я сознаю теперь вполнѣ, что я блудный сынъ, но когда тотъ сказалъ отцу своему: „отче! я согрѣшилъ на небо и предъ тобою“, отецъ сказалъ: „иди въ домъ мой! заколите тельца и празднуйте: сынъ, котораго я считалъ мертвымъ,—живъ“. Сдѣлайте, маменька, и вы то-же!“

Начитавшись у Биби книгъ духовнаго содержанія, Викторъ хотѣлъ посильнѣе поразить мать примѣромъ изъ священнаго писанія, и затѣмъ, по своей всегдашней методѣ въ письмахъ къ одному побранить другаго, прибавилъ:

„Тетенька, хоть Богу и молится, но дѣла ея далеко тому не соотвѣтствуютъ, и великую поговорку: что нѣтъ такого дружка, какъ родная матушка, я узналъ теперь вполнѣ.“

Отправивъ это письмо, Викторъ заранѣе былъ увѣренъ въ его успѣхѣ.

Чему другому, а нѣкоторымъ практическимъ соображеніямъ и тому, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать, его понаучили въ корпусѣ.

XIX.

Сынъ, еще не чувствующій никакого раскаянія.

Надежда Павловна въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, была совершенно счастлива. Мало того, что Петра Гри-

Из фондов Российской национальной библиотеки

горьевича утвердили въ должности, — но сама губернаторша обѣщалась къ нимъ пріѣхать посидѣть вечеромъ. Хлопотъ, и самыхъ, разумѣется, пріятныхъ, было, по этому случаю, немало. Дарья еще съ ранняго утра все мыла: полы, окна, двери; а потомъ, часамъ къ семи, и сама нарядилась въ накрахмаленную юпку и въ подаренное ей барыней старое шерстяное платье, и какъ пава ходила въ немъ изъ кухни въ горницу и обратно. На вощеномъ столикѣ, покрытомъ камчатною скатертью, зажжены были двѣ стеариновыя свѣчи, а на столикѣ подъ зеркаломъ еще двѣ, такъ что свѣту было, пожалуй, пущено болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Накурено Сонинымъ одеколономъ на горячемъ утюгѣ тоже достаточно. Для дессерта куплены были яблоки и виноградъ, такъ какъ Марья Николаевна обѣщалась пріѣхать не одна, а съ маленькимъ сыномъ своимъ Колей, который, какъ смѣялись сама мать и всѣ близкіе знакомые, былъ не на шутку влюбленъ въ Соню, называлъ ее своею невѣстой и все хотѣлъ застрѣлить изъ ружья Ленева, который, говорили, отнимаетъ ее у него.

Когда губернаторша, дама въ такомъ рангѣ, въ своемъ шумящемъ, шелковомъ платьѣ, въ своемъ дорогомъ блондовомъ чепцѣ и наконецъ съ своимъ ангелоподобнымъ сыночкомъ Колей, пріѣхала и усѣлась въ маленькой квартиркѣ Басардиныхъ,—такъ эту сцену нѣсколько даже трудно вообразить себѣ. Надеждѣ Павловнѣ было необыкновенно совѣстно и пріятно. Петръ Григорьевичъ, начавшій умываться и обряжаться чуть ли не раньше всѣхъ и при этомъ обнаружившій такое фырканье и отхаркиванье, что даже дочь ему замѣтила: „что это, папенька, вы точно бегемотъ!“ — Петръ Григорьевичъ сильно трусилъ. Въ продолженіе всего вечера, какихъ жена ни дѣлала ему знаковъ руками и глазами, онъ ни за что не хотѣлъ сѣсть.

Надежда Павловна какъ-то подобострастно занима[illegible]

губернаторшу. Соня играла съ Колей. Милый ребенокъ изобрѣлъ такого рода забаву: онъ цѣловалъ у Сони руку взасосъ, то-есть хваталъ ее ртомъ своимъ и втягивалъ въ себя воздухъ, такъ что на рукѣ появились пятна.

— Перестань, — говорила ему Соня.

Но влюбленный крошка не унимался и хотѣлъ было насосать ей и лицо:

— А, когда такъ, такъ ступайте же!—сказала Соня сердито и спуская его съ колѣнъ. Она не на шутку испугалась, что онъ испортитъ ей и лицо. Игру эту Коля изобрѣлъ съ одною изъ горничныхъ.

— Пусти! пусти! — говорилъ онъ, хватая Соню за платье.

— Ну, такъ я и совсѣмъ уйду! — сказала она, въ самомъ дѣлѣ уходя въ сосѣднюю комнату, и, притворивъ дверь, заперла ее задвижкой. Коля сталъ плечикомъ и ножками стучать что есть силы въ дверь:

— Коля! Коля! перестань!—полуунимала его мать.

Марья Николаевна принадлежала къ тѣмъ нѣжнымъ матерямъ, которыя воспрещать что-либо птенцамъ своимъ считаютъ за какое-то святотатство.

„Чего этому ангелу, въ которомъ всѣ чувства такъ еще чисты, можно не позволить!“ говорила она.

Коля до сихъ поръ жилъ такъ, какъ будто весь міръ былъ созданъ для услуги ему: у него были игрушки, маленькія лошадки, конфекты. Даже самъ кровожадный родитель ни въ чемъ не препятствовалъ: ненавидя почти весь родъ человѣческій, онъ свой собственный кусокъ мяса, отторгнутый отъ него и получившій отдѣльное существованіе, боготворилъ.

Коля у дверей наконецъ заревѣлъ.

Надежда Павловна начинала сильно конфузиться и хотѣла было послать Петра Григорьевича, чтобъ онъ велѣлъ Сонѣ выйдти занимать маленькаго гостя; но Дарья въ это время внесла на подносѣ яблоки и вино-

градъ. Коля сейчасъ же устремился къ этимъ любезнымъ ему предметамъ. Мать и хозяйка сейчасъ же поспѣшили усадить его и надавали ему всего, чтобы только онъ не плакалъ. Соня, такимъ образомъ, получила возможность выйдти и сѣла уже подальше отъ шалуна, который однако не переставалъ на нее плутовски посматривать: протянетъ и будто даетъ ей яблоко, а потомъ самъ и возьметъ его назадъ. Соня дѣлала видъ, что ничего этого не замѣчаетъ.

Надеждѣ Павловнѣ подали письмо. Сначала она, взглянувъ на адресъ, нѣсколько сконфузилась, но, прочитавъ, улыбнулась и, подавая его дочери, проговорила: „посмотри!“

— Да!—отвѣчала и та съ улыбкой.

Надежда Павловна встала и, извинившись передъ губернаторшей, сама вышла къ посланному.

— Скажи Виктору Петровичу, что мнѣ писать къ нему нѣкогда и нечего: у меня гости... губернаторша... пускай бы самъ пріѣзжалъ.

Викторъ черезъ пять же минутъ явился, прифранченый, въ шпагѣ и каскѣ. У матери онъ поцѣловалъ руку съ нѣжностью, съ сестрой поцѣловался съ улыбкой, и поцѣловалъ также руку у Петра Григорьевича, который отъ удивленія не зналъ куда и глядѣть: какъ сынъ тутъ попалъ, откуда, и почему его пустили, ничего онъ этого не понималъ.

Губернаторшѣ Викторъ раскланялся модно.

Надежда Павловна поспѣшила его отрекомендовать.

— Старшій сынъ мой!

— Вотъ уже какой!—произнесла Марья Николаевна, осматривая молодаго человѣка: — какъ пріятно для матери дождаться дѣтей въ такомъ возрастѣ! Вотъ вы теперь офицеръ: сколько, я думаю, удовольствія и радости доставляете вашимъ родителямъ.

— Да, разумѣется!—отвѣчалъ совершенно безстыдно Викторъ.

„Много отъ него удовольствія и радости,“ подумала Надежда Павловна.

— Вотъ у меня такъ еще малъ... мнѣ долго не дождаться. А, можетъ быть, и совсѣмъ не дождусь, — произнесла, почти со слезами на глазахъ, Марья Николаевна.

„Немного, кажется, и ты-то отъ своего пострѣленка радости получишь!“ подумала Надежда Павловна, а потомъ, обратясь къ сыну, она спросила:

— Хорошо погостилъ у тетеньки?

— Да-съ, она теперь на богомолье уѣхала.

— Что такъ? Прежде она въ такую распутицу никогда не ѣздила.

— Не знаю-съ!.. А мнѣ на станціи разсказывали, что Соня помолвлена, — прибавилъ Викторъ скромно.

— Да, за богача и за генерала... за прекраснаго человѣка, — отвѣтила Надежда Павловна.

— Безподобный человѣкъ! безподобный! — подтвердила Марья Николаевна.

— Ну такъ вотъ, значитъ, поздравляю! — проговорилъ Викторъ, нѣжно смотря на сестру.

Коля, между тѣмъ, замѣтивъ у новаго гостя салбю, перебрался къ нему.

— Что это у тебя, сабля? — спросилъ онъ его дерзко.

— Сабля, душенька! — отвѣчалъ Викторъ.

— Дай мнѣ!

Викторъ вынулъ.

— Не безпокойтесь: она не отпущена, — успокоилъ онъ Марью Николаевну.

— Это каска? — спрашивалъ Коля.

— Каска!

— Дай мнѣ ее.

Викторъ сейчасъ-же ловко подвернулъ въ каску платокъ и надѣлъ ее на голову Колѣ. Мальчикъ съ обнаженною саблей, сталъ ходить и маршировать по комнатѣ.

— Ахъ, да онъ отлично маршируетъ!.. Прекрасно! прекрасно!.. разъ, два!... разъ, два!.. — командовалъ Викторъ. — Чудесно! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Николаевнѣ, которая была въ упоеніи.

Петръ Григорьевичъ, думая, что сынъ въ самомъ дѣлѣ искренно хвалилъ Колю, тоже повторялъ: „отлично! безподобно!“

— Удивительный ребенокъ! восклицалъ Викторъ.

Марья Николаевна, наконецъ, начала собираться домой; но Коля никакъ не хотѣлъ оставить ни каски, ни сабли.

— Полно, душечка, какъ-это возможно! — заикнулась было мать.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша!... — закричалъ онъ, задрыгавъ руками и ногами.

— Боже мой! оставьте у него, — говорилъ Викторъ.

— Но мнѣ, право, совѣстно! — произнесла жеманно Марья Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша, — повторялъ Коля, и разревѣлся такъ, что его едва сунули въ карету, не взявъ у него ничего.

Когда проводили губернаторшу до сѣней и всѣ возвращались въ комнаты, Викторъ подошелъ къ матери.

— Маменька, я могу у васъ остаться? — проговорилъ онъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Останься, тебѣ комната приготовлена, — сказала Надежда Павловна, показывая на виднѣвшуюся черезъ сѣни комнату, и затѣмъ, ничего больше не сказавъ, ушла къ себѣ.

Викторъ на нѣсколько мгновеній попризадумался, а потомъ повернулся и пошелъ въ показанное ему мѣсто.

Из фондов Российской национальной библиотеки

XX.

Капелька поэзіи и море прозы.

Послѣднее время у Сони гостила дочь ихъ хозяина, священника, Маша, — молоденькая, прехорошенькая собою дѣвушка, преумненькая, но въ то-же время пресмѣшная: повеселиться, похохотать, а, пожалуй, и поплакать была охотница. Сначала она робко ходила къ Сонѣ; а потомъ все чаще и чаще, и теперь выпросилась у Надежды Павловны шить Сонѣ свадебное бѣлье. Дѣла этого она была великая мастерица: точно по линейкѣ, по размѣру, ея маленькая ручка выводила мельчайшія строчки на бѣльѣ. Сама Соня не умѣла иголки взять въ руки.

Онѣ уже съ часъ сидѣли вдвоемъ. Соня, чѣмъ ближе подходила ея свадьба, тѣмъ станавилась грустнѣй и грустнѣй. Маша, между тѣмъ, все что-то егозила на стулѣ.

— Софья Петровна, можно свадебную пѣсенку спѣть? — проговорила, наконецъ, она робко.

— Спой, — отвѣчала та.

Маша звонкимъ, но въ то-же время мягкимъ голосомъ запѣла:

„Не на дѣвичье гулянье
„Собирается, снаряжается
„Наша Сонюшка.

— Охъ, полно — перестань, не надсажай ты меня, воскликнула вдругъ Соня и залилась горькими слезами.

— Что-й-то, барышня, вы все плачете? Хорошо-ли это! — утѣшала ее Маша, сама готовая расплакаться.

— Тошно мнѣ, Маша, тошно! — говорила Соня пересаживаясь къ подругѣ и обнимая ее.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Маша была совсѣмъ счастлива.

— Что-же вамъ тошно-то? — спросила она.

— Замужъ не хочется идти... — Соня не кончила.

— Али вамъ не любъ женихъ-то?

— Да... Я люблю другаго! — прибавила Соня уже шепотомъ и скрывая свое лицо на груди Маши.

— Дѣло-то какое! — произнесла та, качая головой: — для-че-жь вы, барышня, за того-то нейдете?

— Молодъ онъ очень, да и мать у него скверная! — произнесла Соня.

— Поди-ты! — удивлялась Маша.

— А тебѣ, Маша, нравится кто-нибудь? — спросила Соня, уставляя на подругу свое пылающее лицо.

— Нѣту еще, — отвѣчала та наивно: — вонъ къ папенькѣ семинаристы ходятъ, да нехороши только: нескладные такіе!

— А что, Маша, какъ выйдешь замужъ, другаго любить грѣхъ?

— О, что за важность, ничего! Вотъ въ нашемъ званьи, такъ нельзя!

— Отчего-же у васъ нельзя?

— Ну, батюшку-то разстригутъ, какъ попадейка-то полюбитъ другаго.

— Стало быть, и намъ нельзя! проговорила Соня печально.

Такъ журчали ихъ тихіе голоски, какъ-бы чистый, маленькій ручеекъ среди неприступныхъ скалъ и горъ окружавшей ихъ дѣйствительности.

Но дверь распахнулась, и вошелъ Викторъ, тоже одинъ изъ порядочныхъ обломковъ, задерживающихъ въ человѣкѣ всякое искреннее чувство. Соня сейчасъ-же поспѣшила обтереть слезы и сдѣлала видъ, будто-бы смотритъ на работу Маши. Та, въ свою очередь, не смѣла глазъ поднять: Викторъ и ее, какъ Иродіаду, ловилъ въ сѣняхъ. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ былъ

очень серьезенъ и важенъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхала Надежда Павловна. Викторъ отнесся къ ней какъ-то свысока.

— Что Яковъ-то Назарычъ такъ долго дѣлаетъ въ Москвѣ? — спросилъ онъ ее вдругъ.

Надежда Павловна посмотрѣла на него.

— Извѣстно что!

— Онъ, говорятъ, тамъ лѣчится?

Надежда Павловна еще съ большимъ удивленіемъ взглянула на сына.

— Кто-жъ это тебѣ сказывалъ?

— Водой, говорятъ, лѣчится; хорошъ женихъ! — отвѣчалъ Викторъ насмѣшливо.

При всемъ стараніи, онъ никакъ не могъ скрыть ненависть къ сестрѣ, и, кажется, величайшимъ-бы счастіемъ его было ея несчастіе.

Надежда Павловна сейчасъ-же поняла, къ чему онъ это говорилъ. „Этакое эхидное животное!“ сказала она мысленно себѣ и спросила его вслухъ суровымъ голосомъ:

— Что, долго ты здѣсь пробудешь? Долго еще продолжится твой отпускъ?

Викторъ, заложивъ руки въ карманы, отвѣчалъ съ важностью:

— Я здѣсь совсѣмъ остаюсь... поступлю къ губернатору въ адъютанты.

Надежда Павловна почти затрепетала отъ страха.

— Развѣ тебя берутъ? — спросила она.

— Вѣроятно! — отвѣчалъ Викторъ.

Онъ, дѣйствительно, послѣ перваго-же знакомства съ Марьей Николаевной, началъ безпрестанно ѣздить къ нимъ въ домъ, ужасно какъ умѣлъ поддѣлаться, взялся учить Колю гимнастикѣ, и для этого были нарочно, по его рисунку, сдѣланы гимнастическія орудія: лѣстница и козелъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Викторъ былъ такой мастеръ производить всѣ эти штуки и такъ увлекательно это дѣлалъ, что, не говоря уже о Колѣ, который за нимъ лазилъ какъ сумасшедшій, даже сама Марья Николаевна, не смотря на свою полноту, увлеклась и полѣзла было на лѣстницу. Викторъ при этомъ слегка поддерживалъ ее, и умѣлъ такъ это сдѣлать, что Марья Николаевна нѣсколько даже сконфузилась, и когда слѣзла съ лѣстницы, то проговорила:

— Какой вы шалунъ!

Начальнику губерніи тоже нравилось это удовольствіе. Часто, сидя у себя въ кабинетѣ и занимаясь подписываніемъ бумагъ, онъ вдругъ вставалъ, приходилъ въ залу и начиналъ тамъ прыгать на козла взадъ и впередъ; а потомъ, какъ-бы ничего этого не дѣлавъ, возвращался къ себѣ въ комнату и снова начиналъ подписывать.

— А что, въ губернаторскихъ адъютантахъ есть доходы или нѣтъ? — спросилъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія Викторъ, обращаясь къ матери.

— Не знаю! — отвѣчала Надежда Павловна. „На что другое, а на это, видно, есть толкъ, этакой мерзавецъ!“ невольно подумала она.

Въ комнату вбѣжала Дарья.

— Яковъ Назарычъ пріѣхали-съ! объявила она, а вслѣдъ за ней входилъ и самъ Яковъ Назаровичъ.

— Сейчасъ только въѣхалъ въ городъ, и сейчасъ, не выходя изъ повозки, къ вамъ! — проговорилъ онъ. Въ рукахъ онъ держалъ огромнѣйшій подносъ, на которомъ грудами были навалены брилліантовыя и золотыя вещи, разныя фантастическія корзинки и дорогія конфекты.

Двое лакеевъ несли за нимъ свертки дорогихъ матерій, кружевъ и куньи мѣха.

Всѣ, не выключая и наивной Маши, какъ бы пре-

клонились передъ нимъ съ благоговѣніемъ, а Виктора отъ зависти даже подергивало.

XXI.

Невольный протестъ.

Церковь Николы Явленнаго, самая аристократическая въ городѣ, виднѣлась своею черною массой на огромной площади. По всѣмъ ея карнизамъ горѣли, колеблясь пламенемъ во всѣ стороны и воняя скипидаромъ, плошки. Въ самой церкви, сырой и холодной, стояла толпа пѣвчихъ, въ своихъ голубыхъ, обшитыхъ галунами, кафтанахъ. Между ними происходилъ легкій говоръ, какъ бы въ родѣ перебранки.

— Гдѣ у тебя Бортнянскій-то? — говорилъ совсѣмъ низкой октавой басъ, и при этомъ у него изо рта вылеталъ паръ.

— Тамъ, въ нотахъ!—отвѣчалъ ему тоненькою фистулой дискантъ, тоже испуская паръ изъ ротика.

— Тамъ только альтовая партія, дьяволъ! — заключалъ басъ и давалъ бѣдному ребенку такой подзатыльникъ, что тотъ взмахивалъ на него свои голубые глазенки и удивленнымъ личикомъ какъ-бы говорилъ: „Ну, братъ, этакого еще никогда не бывало.“

Три мужика, съ помощію высочайшихъ лѣстницъ, зажигали три главныя паникадила, свѣчъ по сту въ каждомъ. Женихъ, съ приподнятою на накрахмаленномъ галстухѣ головой, завитой, раздушеный, въ бѣлыхъ генеральскихъ штанахъ и въ синемъ ученомъ мундирѣ, былъ уже въ церкви и, какъ пѣтушокъ, вертѣлся около Марьи Николаевны. (Она была почетною дамой съ его стороны.)

— Будуаръ у меня обитъ бѣлымъ атласомъ, а ме-

бель розово-свѣтлою матеріей, и изъ бѣлой слоновой кости трюмо, — разсказывалъ онъ.

— Да, да, — говорила съ чувствомъ Марья Николаевна.

— Въ гостиной рытые подъ бархатъ голубые обои, а зала подъ мраморъ, — объяснялъ Яковъ Назаровичъ.

— Да, да, — подтверждала добрая губернаторша. Между тѣмъ сынокъ ея, Коля, непремѣнно хотѣвшій быть въ церкви и въ качествѣ шафера привезшій образъ, теперь въ одномъ изъ дальнихъ угловъ возился съ своею гувернанткой-англичанкой, которая напрягала всѣ свои почти неженскія силы, чтобъ удержать его: онъ все рвался у нея, чтобы раскачать одну изъ передъ-иконныхъ лампадъ и посмотрѣть, какъ она треснется объ стекло, что онъ передъ тѣмъ и сдѣлалъ разъ.

„Невѣста!“ раздалось, наконецъ, въ церкви. Женихъ повытянулся и еще какъ-то больше засѣменилъ ножками. Двери распахнулись, и Соня, въ сопровожденіи Аполлинаріи Матвѣевны, разодѣвшейся во всевозможные цвѣта— синій, красный, желтый, вошла въ церковь. Ее велъ подъ руку, съ перетянутою, какъ у осы, таліей и гремя по церковному полу саблей, Викторъ. Соня, повидимому употребляла всѣ усилія надъ собой, чтобы не рыдать. Лицо ея было блѣдно и судорожно: она окончательно уже понимала, что продаетъ себя, и хотѣла по крайней мѣрѣ сдѣлать это такъ, чтобы было за что: одно подвѣнечное платье ея стоило тысячи три, на лбу ея горѣла брилліантовая діадема въ пять тысячъ.

„Гряди!“ — запѣли верховые басы. „Гряди!“—выводили за ними дисканты. „Гряди!“ — поддавали октавы, и одна изъ нихъ, дольше другихъ протянувшаяся, какъ бы падучею звѣздой прокатилась по церковному своду. Соня невольно затрепетала всѣмъ тѣломъ, и затѣмъ, устремивъ взоръ на символическое изображеніе Святаго Духа, дѣлаемое обыкновенно надъ церковными вратами,

не спускала съ него глазъ. Сдѣлать это умоляла ее ѣхавшая съ ней въ каретѣ Аполлинарія Матвѣевна, говоря, что будто бы это необходимо для будущаго семейнаго счастія. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ къ губернаторшѣ адъютантъ ея мужа и привезъ ей теплую мантилью; за нимъ пріѣхалъ самъ начальникъ губерніи, за которымъ явился, разумѣется, полиціймейстеръ. По дружбѣ къ Якову Назаровичу, пріѣхали губернскій и уѣздный предводители. Вице-губернаторъ, жившій противъ самой церкви, тоже пришелъ полюбопытствовать на вѣнчанье. Вышли священникъ и дьяконъ, въ самыхъ дорогихъ ризахъ,—одинъ съ евангеліемъ, другой съ кадиломъ; по церкви распространился запахъ самаго чистаго, ливанскаго ладона. Начался обрядъ. На вопросъ священника: „не обѣщалась ли?...“ Соня отвѣчала: „нѣтъ.“ Голосъ ея при этомъ слегка задрожалъ. Когда надѣли на нихъ вѣнцы, Яковъ Назаровичъ былъ рѣшительно смѣшонъ, а Соня, напротивъ, была царственно-хороша: какъ бѣлая лебедь, ходила она въ своемъ вѣнчальномъ вуалѣ, съ потупленною головкой и съ обнаженными руками, вокругъ налоя.

Послѣ вѣнчанія, двери церкви снова распахнулись, молодая вышла и сѣла уже съ мужемъ въ его дормезъ, преисполненный шелку и пружинъ. Широкіе, лаковые козлы кучера имѣли рѣшительно характеръ королевскихъ экипажей; шестеро сѣрыхъ жеребцовъ, въ серебряной сбруѣ, могли быть уподоблены баснословнымъ конямъ. Яковъ Назаровичъ везъ молодую супругу въ свою подгородную деревню, расположенную сейчасъ же за рѣкой, на красивѣйшемъ противоположномъ берегу. Проѣхавъ площадь, надобно было спускаться подъ гору. Экипажъ окружила со всѣхъ сторонъ темнота. Съ рѣки, какъ изъ пропасти, потянуло сырымъ, порывистымъ, апрѣльскимъ вѣтромъ. На самомъ льду, чтобы какъ-нибудь экипажи не сбились съ дороги и не попали въ полыньи, ихъ

встрѣтили, по приказанію Якова Назаровича, человѣкъ двѣнадцать верховыхъ людей, съ зажженными факелами. Свадебный поѣздъ какъ бы превратился въ погребальную процессію.

— Что это, меня точно хоронятъ! — проговорила Соня испуганнымъ голосомъ.

— Нѣту, моя душечка, нѣту, моя кралечка!—говорилъ супругъ, нѣжно цѣлуя ея ручки.

Но Соня дрожала.

Лошади потомъ дружно внесли экипажъ въ гору и остановились передъ освѣщеннымъ крыльцомъ, гдѣ молодыхъ встрѣтила цѣлая толпа лакеевъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и жилетахъ; а въ залѣ подъ мраморъ стояли — Надежда Павловна и Петръ Григорьевичъ съ образами, и стриженная, помѣшанная сестра Якова Назаровича, Валентина, лѣтъ шестидесяти дѣвица, проживавшая съ нимъ и воображавшая, ни много ни мало, что она плѣняетъ всѣхъ мужчинъ. Ее тоже вывели, благословить брата.

— Покажи-ка, покажи свою молодую: — говорила она, прищуривая глаза.

Яковъ Назаровичъ подвелъ къ ней Соню.

— О, не дурна! Черна только! произнесла помѣшанная.

Соня была бѣла какъ мраморъ, но Валентина совершенною красавицей считала только самое себя, и потомъ, когда начали пріѣзжать губернаторъ, вице-губернаторъ, предводитель — мужчины все видные, она то на того, то на другаго стала кидать нѣжные взоры, раскланивалась, расшаркивалась передъ ними, такъ что ходившая за ней горничная дѣвушка сочла за нужное увести ее.

— Полноте, барышня, ступайте! Пора къ себѣ въ комнату,—сказала она, беря ее подъ руку.

— Но должна же я занять этихъ господъ! отвѣчала

помѣшанная, кидая на служанку гордый и гнѣвный взглядъ.

— Чего тутъ занять! Вѣдь Кузьма Иванычъ дожидается.

— Ахъ, да! — воскликнула Валентина, сейчасъ же перемѣнивъ тонъ, — и уходя къ себѣ, все повторяла: „ахъ, несчастный! несчастный!“

Кузьма Ивановичъ былъ совершенно вымышленное лицо; но она воображала, что отъ любви къ ней онъ потонулъ; его спасли, и онъ идетъ къ ней. Что-бъ она ни дѣлала, какъ бы ни дурачилась, достаточно было сказать: „Кузьма Иванычъ идетъ къ вамъ!“ она сейчасъ же отправлялась въ свою комнату и дожидалась его. „Какъ странно, однако, такъ долго нейдетъ!“ повторяла она до тѣхъ поръ, пока не засыпала отъ усталости.

Гости между тѣмъ перешли въ гостиную. Стали подавать шампанское, и музыка заиграла тушъ. Соня въ какомъ-то утомленіи сѣла на диванъ и невольно склонила на его спинку свою чудную головку. Марья Николаевна тоже была разстроена и почти съ слезами на глазахъ, такъ что Надежда Павловна спросила ее:

— Что съ вами?

Достойная эта женщина сначала ничего не отвѣчала; но потомъ, взявъ Басардину за руку и крѣпко сжавъ ее, проговорила:

— Я любила ваше семейство и теперь люблю; но и была ужасно оскорблена!

Изъ церкви Марья Николаева взяла къ себѣ въ карету Виктора, и что уже у нихъ произошло тамъ— неизвѣстно; но только и тотъ какъ-то совался изъ стороны въ сторону, былъ замѣтно чѣмъ-то встревоженъ и наконецъ, улучивъ минутку, онъ остановилъ мать.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Мнѣ, маменька, надобно завтра ѣхать въ Петербургъ.

— Это что такое?

— Отпускъ выходитъ!...

И Викторъ въ самомъ дѣлѣ показалъ ей отпускъ, которому всего оставалось дня три.

— Чтожъ здѣсь-то не остаешься на службѣ?—спросила насмѣшливо Надежда Павловна.

— Очень нужно, со скотами этакими! — возразилъ Викторъ обыкновеннымъ своимъ тономъ. — Мнѣ, маменька, дайте денегъ-то!

— Дамъ, — отвѣчала Надежда Павловна. Она была рада, какъ бы ни-будь — только отвязаться отъ него.

Свадебный ужинъ начался баснословной величины рыбой, сопровождаемою соусами изъ сои и омаровъ. Поваръ Якова Назаровича, по искусству, былъ первый въ городѣ. Надежда Павловна, сидѣвшая на самомъ почетномъ мѣстѣ и глядя на стоявшіе въ хрустальныхъ вазахъ дорогіе фрукты, на двухпудовыя серебряныя блюда подъ кушаньями, на шивированныя и съ превосходною живописью тарелки, на богемскій тонкій какъ бумага хрусталь, блаженствовала. Подобной роскоши, оставивъ домъ князя, она уже не видывала. И все это теперь принадлежитъ ея Сонѣ.

А Петръ Григорьевичъ, напротивъ, былъ грустенъ. Неизвѣстно, по какому инстинкту, онъ лучше и яснѣе, чѣмъ его супруга, понималъ, что они дѣлали нехорошо, выдавая такимъ образомъ дочь: Богъ умудряетъ иногда и младенцевъ!

Но вотъ, шафера возгласили послѣдній тостъ, — здоровье какого-то осьмилѣтняго внука Якова Назаровича; стулья задвигались, и гости стали вставать, прощаться и разъѣзжаться. Аполлинарія Матвѣевна и двѣ другія дамы отвели Соню въ спальню.

Яковъ Назаровичъ прошелъ туда съ другой сто-

роны. Огни въ домѣ погасали и все стало мало-помалу затихать. Не спалъ только Викторъ, мрачно ходившій по совершенно темной билліардной; вдругъ промелькнула чья-то тѣнь.

Викторъ повглядѣлся. Оказалось, что это былъ молодой, въ халатѣ и съ подушкой въ рукахъ.

— Что вы?—спросилъ его Викторъ.

Яковъ Назаровичъ грустно усмѣхался.

— Прогнала... Плачетъ... Не велитъ оставаться мнѣ тамъ!—проговорилъ онъ, и прошелъ въ свою прежнюю, холостую спальню.

— То-то дуракъ-то! сказалъ ему вслѣдъ Викторъ.

На другой день Надежда Павловна была очень встревожена, во-первыхъ, тѣмъ, что у Сони замѣтно дрожала ручка и голова, и она ужь безъ ужасу, кажется, видѣть не могла мужа, а кромѣ того къ ней вдругъ прибѣжала горничная помѣшанной Валентины.

— У насъ несчастье-съ, — табакерка барышнина пропала,—объявила она.

— Какимъ это образомъ?—спросила Надежда Павловна сначала совершенно покойно. Она передъ тѣмъ только проводила Виктора, который уѣхалъ на почтовыхъ въ Петербургъ.

— Не знаю-съ, — отвѣчала горничная какимъ-то нерѣшительнымъ голосомъ.—Дорогая табакерка очень... Мы имъ только когда по праздникамъ и даемъ изъ нея нюхать.

Надежда Павловна пошла къ Валентинѣ.

— Только и всего... Ко мнѣ пришелъ этотъ молодой офицеръ — прекрасный, прекрасный молодой человѣкъ!.. Поцѣловалъ у меня руку!.. Только и всего!..— разсказывала сумасшедшая.

Надежда Павловна ее больше не разспрашивала и, возвратившись въ свою комнату, опустилась на кресла.

Официальный сайт Российской Национальной библиотеки

— Господи! Только этого не доставало! — воскликнула она.

„А кто въ этомъ виноватъ?“ шевельнулось въ ея мысляхъ. „И онъ, и я, и люди, и Богъ!“ произнесла мысленно бѣдная мать.

Из фондов Российской национальной библиотеки

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Британія.

Огромные часы на угловомъ зданіи стараго университета показывали два часа. Изъ новаго университета, по его наклоненному двору, выходили уже студенты. Внизу юридическихъ аудиторій молодцоватый студентъ надѣвалъ на себя калоши и шинель; а со спиральной лѣстницы, съ самой верхней ея площадки, другой студентъ, свѣсивъ голову за перила, нѣсколько знакомымъ намъ голосомъ кричалъ ему:

— Баклановъ, вы въ Британію?

— Въ Британію, — отвѣчалъ старый нашъ пріятель.

— И я приду!

— Ну да! — подтвердилъ Александръ, и когда онъ торопливо проходилъ черезъ средній подъѣздъ, шейцаръ Михайло дружелюбно замѣтилъ ему:

— Что̀, не сидится, видно, на лекціи-то!

— Дѣло есть поважнѣй лекцій! — отвѣчалъ ему Баклановъ серьезно.

Михайло усмѣхнулся ему въ слѣдъ.

Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ нашимъ героемъ, онъ значительно возмужалъ: бакенбарды его подросли, лицо сдѣлалось выразительнѣй. Во всей его походкѣ, во всѣхъ движеніяхъ было что-то мужественное,

Из фондов Российской национальной библиотеки

смѣлое... Видно, что онъ рѣшился смѣло и бойко итти на встрѣчу жизни.

Перейдя улицу, онъ, прямо противъ манежа, повернулъ въ трактиръ съ грязноватою вывѣской и началъ взбираться по деревянной, усыпанной пескомъ лѣстницѣ. Это-то и была Британія! Стоявшій за прилавкомъ прикащикъ нѣсколько модно и съ улыбкой поклонился ему. Баклановъ мотнулъ ему головой, пройдя залу, повернулъ въ комнату направо. Въ чистой, бѣлой рубахѣ половой, съ блѣднымъ и умнымъ лицомъ, съ подстриженною небольшою бородой и съ намасленною головой, почти дружески снялъ съ Бакланова шинель и положилъ ее на давно, какъ видно, пріуроченное для нея мѣсто.

— Бирхманъ и Ковальскій были?—спросилъ Баклановъ, садясь на диванъ.

— Нѣтъ еще-съ, не приходили,—отвѣчалъ половой.

Баклановъ приподнялъ ногу на стулъ, причемъ обнаружилъ тончайшіе, франтовскіе шальвары. Его сюртукъ, съ маленькимъ голубымъ воротникомъ, тоже сидѣлъ на немъ щеголевато.

Половой подалъ ему трубку и растрепанный нумеръ *Репертуара*.

— А кто въ билліардной есть?—спросилъ Баклановъ.

— Проскриптскій, кажется-съ...

— О, чортъ съ нимъ!—произнесъ съ досадой Баклановъ.

Половой усмѣхнулся.

— Вчера у нихъ съ Варегинымъ и была-же пановщина.

— Въ чемъ?

— Да все о душѣ-съ.

— И кто-же кого?

Половой пожалъ плечами.

— Богъ ихъ знаетъ: Варегинъ-то, словно-бы, правильнѣе на словахъ говорилъ.

— Варегинъ, умница!

— Да-съ,—согласился и половой:—господинъ большаго разсудка. Говорятъ, онъ изъ нашего, изъ простаго званія-съ.

— Онъ мѣщанинъ. Тогда Наслѣдникъ съ Жуковскимъ путешествовалъ. Ему его и представили: задачи онъ, въ головѣ, самоучкой рѣшалъ. Тотъ велѣлъ его взять въ гимназію, въ два мѣсяца какіе-нибудь, читать не умѣвши, въ третій классъ приготовился.

Половой, съ удовольствіемъ, улыбался.

— Что оно, значитъ, природное-то!—произнесъ онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ; а потомъ, торопливо подавъ порцію чаю вновь пришедшимъ посѣтителямъ, опять подошелъ къ Бакланову.

— Проскриптскій этта-съ... можетъ, изволите знать: изъ Думы сюда ходитъ чиновникъ... чинъ тоже получилъ и ходилъ къ Иверской молебенъ служить... онъ на него и напалъ: „у червяка, говоритъ, голова, и у васъ: червяку отрѣжь голову и вамъ, и оба вы умрете!“ Такъ того, бѣднаго, пробралъ...

— Піявка! ко всѣмъ льнетъ!..—отвѣчалъ Баклановъ.

Вошли Бирхманъ и Ковальскій. Первый изъ нихъ былъ длиннѣйшій нѣмецъ. Голубые глаза его имѣли нѣсколько телячье выраженіе; но очертанія лица были довольно тонки и сквозь бѣлую, нѣжную кожу просвѣчивали на лбу тоненькія жилки. Одѣтъ онъ былъ въ нескладный вицъ-мундиръ и въ уродливѣйшую, казенную, сѣро-синюю шинель, подбитую зеленою байкой съ бѣленькими лапками. Ковальскій, напротивъ, былъ маленькій, приземистый мужчина, сутуловатый, съ широкими, приподнятыми вверхъ, какъ на статуѣ Геркулеса, плечами. Онъ, какъ пришелъ, такъ сейчасъ-же взялъ съ комода щетку и началъ ею чистить свой сюртукъ, полы котораго, въ самомъ дѣлѣ, были страшно перепачканы въ грязи.

— Гдѣ это ты такъ вывалялся?—крикнулъ ему Баклановъ.

— Это онъ меня везъ! — отвѣчалъ за него и совершенно спокойно Бирхманъ, садясь на стулъ къ столику противъ Бакланова.

— Чтожъ, заказывай по условію-то!... — произнесъ угрюмо Ковальскій, подходя и тоже садясь около столика.

— Сосисокъ дай! — сказалъ Бирхманъ, попрежнему равнодушнымъ образомъ и не повертывая даже головы къ половому.

— Если самъ будешь ѣсть, такъ заказывай двѣ порціи,—прибавилъ Ковальскій.

— Ну, двѣ!—сказалъ и на это тѣмъ-же тономъ нѣмецъ.

Оба эти молодые люди были изъ Александровскаго сиротскаго института и жили вмѣстѣ въ казенномъ домѣ. Бирхманъ, имѣвшій кое-когда деньжонки, нерѣдко, особенно въ темные осенніе вечера пріѣзжалъ въ Британію верхомъ на пріятелѣ и угощалъ его за это водкой, пивомъ, кушаньями.

— Какъ у тебя силы хватаетъ нести этакую дубину?—спросилъ его Баклановъ.

— Да ничего-бы,—отвѣчалъ Ковальскій, передернувъ слегка плечами: — болтается только, не сидитъ никакъ крѣпко.

— Это меня вѣтромъ сдуваетъ,—отвѣчалъ Бирхманъ, хотя-бы съ малѣйшимъ слѣдомъ улыбки на лицѣ; но прочіе всѣ, не выключая и половаго, засмѣялись.

— Чортъ знаетъ, что такое!—говорилъ Баклановъ.— А что, господа, — прибавилъ онъ: — въ пятницу мы въ театрѣ?

— Въ театрѣ, — отвѣчалъ равнодушно Бирхманъ.

— О, разумѣется, — подхватилъ Ковальскій. Онъ надѣялся и назадъ протащить пріятеля на своихъ плечахъ и получить за это съ него билетъ въ раекъ.

— Надобно, господа, надобно, — говорилъ Баклановъ:—а то этотъ господинъ теперь пріѣхалъ, привезъ свою мерзавку; эту несчастную гонятъ. Они дойдутъ, наконецъ, до того, что вытурятъ и Щепкина, и Садовскаго, и Мочалова, и пришлютъ вамъ братьевъ Каратыгиныхъ.

Бирхманъ сдѣлалъ движеніе головой, которымъ какъ-бы говорилъ: „нѣтъ, они у меня этого не сдѣлаютъ!“

— Во-первыхъ, — продолжалъ Баклановъ: — эту госпожу надо освистать,—она дрянь, а та—божество, талантъ!

— Освистать!—произнесъ Бирхманъ.

— Можно сдѣлать такую машину... какъ ее поставишь сейчасъ промежь колѣнъ, подавишь—шикнетъ какъ сто человѣкъ! — подхватилъ Ковальскій. Кромѣ необыкновенной силы, онъ былъ еще и искустникъ на всѣ механическія работы.

— Финкель, портной, приходилъ, — вмѣшался въ разговоръ половой: — онъ говоритъ, если господамъ, говоритъ, угодно, я пришлю въ театръ своихъ подмастерьевъ. Одинъ, говоритъ, такъ у меня свиститъ, что лошади на колѣни падаютъ, и теперь, если ему—стараго, говоритъ, платья у меня много, — дать ему фракъ и взять только, значитъ, ему надо билетъ въ кресла.

— Это можно будетъ, но главное вотъ что... — продолжалъ Баклановъ одушевляясь: — этой нашей госпожѣ надобно у нихъ, канальевъ, подъ носомъ подарить вѣнокъ или колье какое-нибудь брилліантовое... У меня моихъ собственныхъ сто цѣлковыхъ готовы—нарочно выпустилъ мужика на волю... Вы, Бирхманъ, сколько дадите?

— Я дамъ тоже столько, сколько у меня въ то время въ карманѣ будетъ, — отвѣчалъ положительно Бирхманъ.

— Я дамъ то же, сколько у него будетъ! — подхватилъ и Ковальскій.

— Мы дадимъ оба, сколько у насъ тогда будетъ,— сказалъ еще опредѣлительнѣе Бирхманъ.

— Превосходно! — воскликнулъ Баклановъ. — Венявина я послалъ съ подписнымъ листомъ... Тамъ, на первомъ курсѣ, пропасть аристократишковъ поступило... посмотримъ, сколько отвалятъ и поддержатъ ли университетъ!

На эти слова его, въ комнату, какъ бы походкой гіены, вошелъ сутуловатый студентъ, съ нѣсколько старческимъ лицомъ и въ очкахъ. Кивнувъ слегка нашимъ пріятелямъ головой, онъ прошелъ и сѣлъ у другаго столика.

— Дай мнѣ *Отечественныя записки*!—проговорилъ онъ пискливымъ голосомъ.

Половой молча подалъ ему.

Между тѣмъ у Бакланова, съ приходомъ этого лица, какъ бы языкъ прилипъ къ гортани.

— Вы видѣли ее въ *Гризельдѣ*? — продолжалъ онъ гораздо тише и какъ-то не такъ бойко.

— Видѣлъ! — отвѣчалъ по-прежнему громко Бирхманъ.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Летучая мышь!— говорилъ Баклановъ, не возвышая голоса.

Въ это время явился Венявинъ—усталый, запыхавшійся, волосы его торчали въ разныя стороны...

— Какъ нельзя лучше все устроилось, — говорилъ онъ, подходя прямо къ Бакланову: — юристы подписались на семьдесятъ пять рублей, математики тоже изъявили согласіе и медиковъ человѣкъ двадцать будетъ въ театрѣ.

— Ну, умница! паинька! — сказалъ Баклановъ:— дай ему за это чаю!—обратился онъ къ половому.

— Нѣтъ, лучше водочки дайте! — говорилъ Веня-

Изображение Российской национальной библиотеки

винъ, какъ бы начиная ужь кокетничать, а потомъ, такъ какъ около Бакланова не было мѣста, онъ сѣлъ рядомъ съ Проскриптскимъ. Тотъ ядовито на него посмотрѣлъ.

— Что это вы такъ хлопочете? — проговорилъ онъ своимъ обычнымъ дискантомъ.

Венявинъ, по своему добродушію, сейчасъ-же сконфузился.

— Что дѣлать, нельзя! — отвѣчалъ онъ.

— Хлопочетъ, какъ и всѣ порядочные люди! — обратился, наконецъ, Баклановъ къ Проскриптскому, гордо поднимая голову.

— Вы-бы ужь лучше въ гусары шли, — обратился тотъ опять къ Венявину.

— А вы думаете, что насъ и гусаровъ одно чувство заставляетъ? — перебилъ его Баклановъ.

— У тѣхъ оно естественнѣе, потому что оно чувственность, — возразилъ Проскриптскій.

— Искусствомъ актера, значитъ, наслаждаться нельзя? — сказалъ Баклановъ.

— Хи, хи, хи! — засмѣялся Проскриптскій. — Что-же такое искусство актера?... Искуснѣе сдѣлать то, что другіе дѣлаютъ... искусство не быть самимъ собой — хи, хи, хи!

— Въ балетѣ даже и этого нѣтъ! — возразилъ Баклановъ.

— Балетъ я еще люблю; въ немъ, по крайней мѣрѣ, насчетъ клубнички кое-что есть, — продолжалъ насмѣхаться Проскриптскій.

— Въ балетѣ есть грація, которая живетъ въ рафаэлевскихъ Мадоннахъ, въ Венерѣ Милосской, — говорилъ Баклановъ, и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва.

— Хи, хи, хи! — продолжалъ Проскриптскій: — въ риторикахъ тоже сказано, что прекрасное раздѣляется на возвышенное, граціозное, милое и наивное.

— Ну пошелъ! — проговорилъ Баклановъ, стараясь придать себѣ тонъ пренебреженія. — А, Варегинъ! — прибавилъ онъ, дружелюбно обращаясь къ вошедшему, лѣтъ двадцати пяти, студенту, съ солиднымъ лицомъ, съ солидной походкой и вообще, всею своею фигурой, внушающему какое-то почтеніе къ себѣ.

— Виватъ, виватъ Петру Александровичу! — пропѣлъ Ковальскій, достаточно упитавшійся полученными имъ за труды сосисками.

— Gut Morgen! — проговорилъ пришедшему привѣтливо и Бирхманъ, который, во все время спора Баклановa съ Проскриптскимъ, отчаянно и молча курилъ, хотя въ то-же время его нѣжное лицо то краснѣло, то блѣднѣло. Не надѣясь на свое вмѣшательство словомъ, онъ, кажется, съ большимъ-бы удовольствіемъ отдубасилъ Проскриптскаго кулаками.

— Здавствуйте! здравствуйте! — говорилъ, между тѣмъ, Варегинъ, подавая всѣмъ руку. — Здравствуйте ужь и вы! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Проскриптскому.

— Здравствуйте-съ! — отвѣчалъ тотъ, и опять постарался засмѣяться.

— Въ грацію ужь не вѣритъ! — сказалъ Баклановъ, показывая Варегину головой на Проскриптскаго.

— Во вздоръ вѣритъ, а въ то, что передъ глазами— нѣтъ! — отвѣчалъ Варегинъ, спокойно усаживаясь на стулъ.

— Что такое вѣрить? Я не знаю, что такое значитъ вѣрить; или, въ самомъ дѣлѣ, вѣра есть уповаемыхъ вещей извѣщеніе, невидимыхъ вещей обличеніе! хи, хи, хи!

— Мы говоримъ про вѣру въ мысль, въ истину! — подхватилъ Баклановъ.

— А что такое мысль, истина? Что сегодня истина, завтра можетъ быть пустая фраза. Вѣдь считали-же люди землю плоскостью!

— Стало-быть, и Коперникъ вретъ? — спросилъ ужь Варегинъ.

— Вѣроятно!

— Но какъ-же пророчествуютъ по астрономическимъ вычисленіямъ?

— Случайность!

— Случайность, вы полагаете?—произнесъ протяжно Варегинъ.

Студентовъ, такъ какъ ужь было около четырехъ часовъ, набиралось все больше и больше. Дымъ густыми облаками ходилъ по комнатѣ. Меньше всѣхъ обнаруживали участіе къ спору двое студентовъ-медиковъ. Они благоразумно велѣли подать себѣ, на одномъ дальнемъ столикѣ, водки и борщу, и только молча показывали другъ другу головой, когда, по ихъ разсчету, слѣдовало пропустить по маленькой. Около Проскриптскаго помѣстились двое его поклонниковъ, одинъ — молоденькій студентъ съ впалыми глазами, а другой—какой-то чрезвычайно длинноволосый, нечесанный и безпрестанно заглядывающій въ глаза своему патрону; Бирхманъ съ досады пилъ съ Ковальскимъ седьмую бутылку пива. Баклановъ тоже ѣлъ ростбифъ и пилъ портеръ.

— Вотъ вѣдь что досадно: зачѣмъ-же вы вѣрите въ соціализмъ-то, кисельные-то берега и медовыя рѣки?— говорилъ онъ Проскриптскому.

— Э, вѣритъ! разговоры только это!—упражненіе въ діалектикѣ!—подхватилъ Варегинъ.

— Что-жъ такое діалектика? Человѣчество до сихъ поръ только и занималось, что діалектикой, — подтвердилъ Проскриптскій.

— А желѣзныя дороги тоже діалектика?— спросилъ Варегинъ.

— Полезная слесарямъ и инженерамъ! Хи, хи, хи!— смѣялся Проскриптскій.

— Но вѣдь, чортъ возьми, онѣ связываютъ людей, соединяютъ ихъ!—воскликнулъ Баклановъ.

— А зачѣмъ человѣчеству нужно это? Дикіе, живущіе въ степяхъ американскихъ, конечно, счастливѣе меня! — возразилъ, какъ-бы съ наивностью, Проскриптскій.

— Именно! — подхватилъ, почему-то вдругъ одушевившись, студентъ съ впалыми глазами.

— Ну да, разумѣется! — подтвердилъ за нимъ и длинноволосый.

Венявинъ, выпившій двѣ рюмки и совсѣмъ отъ этого захмѣлѣвшій, толковалъ Ковальскому:

— Я люблю науку... люблю...

— Отчего-же вы изъ римскаго права единицы получаете?—окрысился на него Проскриптскій.

— Ну да, что-жъ такое! И получаю, а все-таки люблю науку!—говорилъ Венявинъ.

Въ другомъ мѣстѣ между кучками студентовъ слышалось:

— Рѣдкинъ, чудо какъ, сегодня говорилъ о колонизаціяхъ.

— Чтожъ, въ чемъ это чудо заключалось? — обратился вдругъ къ нимъ Варегинъ.

— Да онъ говоритъ въ томъ-же духѣ, какъ и Грановскій! — отвѣчали ему.

Варегинъ усмѣхнулся.

— Тѣхъ-же щей, да пожиже влей! — произнесъ онъ.

— Грановскій душа-человѣкъ, душа! — подтвердилъ Венявинъ.

— Старая чувствительная дѣвка! — сказалъ Проскриптскій.

Варегинъ при этомъ только посмотрѣлъ на него.

Баклановъ, которому надоѣли эти споры, всталъ и, надѣвъ шинель, проговорилъ:

— Кто-жъ, господа, будетъ въ театрѣ?

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Мы! и мы!—отозвались почти со всѣхъ сторонъ; но потомъ вдругъ мгновенно все смолкло.

— Тертіевъ поетъ!—воскликнулъ Венявинъ и, перескочивъ почти черезъ голову Ковальскаго, убѣжалъ.

Баклановъ пошелъ за нимъ-же.

Въ билліардной они увидѣли молодаго, бѣлокураго студента, который, опершись на кій и подобравъ высоко грудь, пѣлъ чистымъ теноромъ:

„Ужь какъ кто-бы, кто моему горю помогъ.“

Слушали его нѣсколько студентовъ. Венявинъ шмыгнулъ съ ногами на диванъ и превратился въ олицетворенное блаженство.

Въ сосѣдней комнатѣ, Кузьма (знакомый намъ половой), прислонившись къ притолокѣ, погрузился въ глубокую задумчивость. Прочіе половые также слушали. Многіе изъ гостей-купцовъ, не безъ удовольствія, повернули свои уши къ дверямъ. Не слушали только — Проскриптскій, сидѣвшій уткнувъ глаза въ книгу, и двое его почитателей, которые, вѣроятно изъ подражанія ему, вели между собою довольно громкій разговоръ.

Начали, наконецъ, засвѣчать огни.

Баклановъ пошелъ домой и на лѣстницѣ встрѣтился съ Проскриптскимъ.

— И вы уходите? — проговорилъ было онъ ему довольно вѣжливо.

— Да, ухожу-съ! — отвѣчалъ тотъ обыкновеннымъ своимъ смѣшкомъ.

Сойдя съ лѣстницы, они разошлись: Баклановъ пошелъ къ Кремлевскому саду, а Проскриптскій на Арбатъ.

— Кутейникъ! — проговорилъ себѣ подъ носъ Баклановъ.

— Барченокъ! — прошепталъ Проскриптскій.

А изъ трактира, между тѣмъ, слышалось пѣнье Тертіева:

„Руки, ноги скованы, его красная рубаха вся-то изорвана!“

II.

Милое, но нелюбимое существо.

Луна, точно гигантовъ какихъ, освѣщала кремлевскія башни. Дорожки сада она покрывала бѣловатымъ свѣтомъ. Еще не совсѣмъ облетѣвшіе кусты деревьевъ представлялись черными кучами. Баклановъ шелъ быстро и распустивъ свою шинель. Его благородная кровь (предокъ Александра, при Іоаннѣ Грозномъ, былъ повѣшенъ; другой предокъ, при Петрѣ, отличился подъ Полтавой, а при Екатеринѣ Баклановы служили землемѣрами)— его юношеская кровь легко и свободно текла въ здоровомъ тѣлѣ. Пройдя садъ, онъ повернулъ въ одинъ изъ переулковъ и вошелъ въ калитку небольшаго деревяннаго домика. Это была его квартира, которую онъ нанималъ, съ самаго своего поступленія въ университетъ, у пожилой польки-вдовы, пани Фальковской. Если ужъ непремѣнно необходимо что-нибудь сказать о свойствахъ этой дамы, то, во-первыхъ, она очень любила покушать.

— Цо то значе, яко мало ѣдзо млоды людзи! — говорила она, относя эти слова къ постояльцу и къ дочери, и если въ супѣ оставался хоть маленькій кусочекъ мяса, она его сейчасъ-же вытаскивала и доѣдала.

Послѣ обѣда она любила заснуть и при этомъ такъ засыпала свои маленькіе глазки, что, встрѣчаясь въ такомъ видѣ съ Баклановымъ, даже совѣстилась.

— Ой! не глядите, не глядите, стыдно! — говорила она, закрывая лицо руками и отвертываясь.

На каждомъ окнѣ у нея были цвѣты и канарейки, а по всему дому, не выключая и сѣней, постланы ковры.

Баклановъ, собственно, занималъ двѣ комнаты. Одна изъ нихъ была убрана стульями и маленькимъ фортепіано; а въ другой стояли въ порядкѣ: прибранный письменный столъ, передъ нимъ вольтеровское кресло, по стѣнѣ мягкій, покойный диванъ, на которомъ лежала прелестно вышитая шерстями подушка, подарокъ хозяйкиной дочери, панны Казиміры, о которой я упоминалъ уже въ первой части моего романа. Въ углу комнаты, на нарочно постланной подстилкѣ, лежала лягавая собака, которая, при появленіи хозяина, сейчасъ-же вскочила и начала прыгать.

— Здравствуй, Пегасушко, здравствуй! — говорилъ Баклановъ, раскланиваясь передъ ней.

Собака тоже передъ нимъ раскланивалась, опускаясь на переднія лапы и слегка полаивая.

Благообразный лакей, котораго Александръ нарочно выбралъ для себя изъ дворовыхъ мальчиковъ, снялъ съ него сюртукъ, подалъ ему надѣть вмѣсто него черный, стеганный архалукъ и зажегъ на столѣ двѣ калетовскія, въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, свѣчки.

Вообще во всемъ этомъ обиходѣ домашней жизни молодаго человѣка была замѣтна порядочность и нѣкоторое стремленіе къ роскоши и щегольству.

— Александръ Николаичъ, вы пришли?—послышался изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ.

— Пришелъ-съ.

— Можно къ вамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла дѣвушка, лѣтъ девятнадцати, скромная на видъ, не красавица собой, но и не дурная, довольно со вкусомъ одѣтая въ холстинковое платье: это была панна Казиміра. Она сейчасъ-же сѣла на вольтеровское кресло. Лягавая собака не замедлила подойти къ ней. Казиміра приласкала ее.

— Что́ вы не приходили обѣдать?.. мамаша ждала, ждала васъ, — говорила она.

— А теперь она спитъ?

— Спитъ...

— Вверхъ брюшкомъ?

— Да,—отвѣчала Казиміра съ улыбкой:—но гдѣ-же вы были цѣлый день? — прибавила она.

— Возился все съ театромъ, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну что это! Что вамъ за охота! — проговорила дѣвушка, и покачала головой.

— Какъ, что за охота? Надобно-же показать, что мы дорожимъ нашими талантами; а то это проклятое чиновничество чортъ знаетъ что надѣлаетъ! — отвѣчалъ Баклановъ, беря лежавшую на диванѣ красную феску и надѣвая ее себѣ на голову.

Казиміра невольно потупилась. Молодой человѣкъ, въ этой, надѣтой нѣсколько на-бекрень, красной шапочкѣ, которая еще болѣе оттѣняла его черные, вьющіеся волосы, былъ очень красивъ.

Онъ усѣлся на диванѣ въ небрежной позѣ.

— Вы вѣрно влюблены въ эту Санковскую?—начала опять Казиміра.

— Хмъ... — усмѣхнулся Баклановъ. — Вы, кажется, должны хорошо знать, что я ни въ кого не могу быть влюбленъ, — прибавилъ онъ, бросая на дѣвушку выразительный взглядъ.

Существующія въ настоящее время между молодыми людьми отношенія были довольно странны: Казиміра влюбилась въ Бакланова съ первыхъ-же дней, какъ онъ поселился у нихъ. Со своею богатою обстановкой, со своимъ крѣпостнымъ лакеемъ, онъ, умный, добрый и красивый, казался ей какимъ-то милліонеромъ и въ то-же время полубогомъ, болѣе даже чѣмъ Венявину. Баклановъ, съ своей стороны, особенно послѣ его неудачной любви къ Сонѣ, тоже шутилъ съ ней... любезничалъ... смѣялся... Все это, какъ-бы напитанныя ядомъ стрѣлы, входило въ сердце пылкой панны. Разъ — это было въ

полутемноватомъ московскомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ они, въ сопровожденіи старухи Фальковской, ходили кое-что закупать, Казиміра шла подъ руку съ Баклановымъ и все старалась оставить мать позади, а потомъ вдругъ крѣпко, крѣпко оперлась на его руку.

— Скажите мнѣ, — говорила она: — что это такое со мной?.. Съ тѣхъ поръ, какъ вы у насъ живете, я такъ счастлива, такъ всѣхъ люблю!..

Баклановъ на это только усмѣхнулся.

— Неужели я въ васъ влюблена? — прибавила Казиміра.

Александръ покраснѣлъ.

— Послушайте, — началъ онъ, голосъ его слегка дрожалъ: — вы чудная, прекрасная дѣвушка, и я хочу быть въ отношеніи васъ благороденъ: не любите меня... я люблю другую... — проговорилъ онъ, и вздохнулъ.

— Кого-же — спросила Казиміра, совсѣмъ уничтоженная.

— Послѣ... послѣ вы все узнаете, — отвѣчалъ Александръ и остановился, чтобы подождать старуху Фальковскую.

Послѣ это настало невдолгѣ. Въ однѣ сумерки, они остались вдвоемъ. Казиміра, подъ вліяніемъ своихъ тяжелыхъ думъ, сидѣла тихо за работой, а Баклановъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы видали у меня эту вещь? — заговорилъ онъ, останавливаясь передъ ней и вынимая изъ-подъ жилета висѣвшій на груди его маленькій медальонъ.

— Что такое тутъ? — спросила Казиміра, устремляя на него невольно нѣжный взоръ.

— Посмотрите! — и Баклановъ раскрылъ медальонъ.

Тамъ хранилась знакомая намъ записочка Сони. Онъ бережно вынулъ ее и подалъ Казимірѣ.

— Это отъ той, которую вы любите? — проговорила она, болѣе машинально прочитавъ написанное.

— Да,—отвѣчалъ Баклановъ.

— Зачѣмъ-же она такъ пишетъ? — спросила, послѣ короткаго молчанія, Казиміра, и точно при этомъ спряталась вся въ свои кресла.

— Что дѣлать! обстоятельства!.. жизнь!..

— О, какія могутъ быть для этого обстоятельства!— воскликнула Казиміра.

Въ голосѣ ея слышались грусть и насмѣшка.

— А такія...—отвѣчалъ Баклановъ, и не докончилъ.

— Вы и теперь еще переписываетесь? — спросила Казиміра. Лицо ея при этомъ поблѣднѣло.

— Нѣтъ.

— Но чѣмъ-же все это должно кончиться?

— Не знаю! охъ, хо, хо, хо!—произнесъ Баклановъ со вздохомъ.

Разговоръ, въ этомъ родѣ, опять въ непродолжительномъ времени возобновился между молодыми людьми, и сталъ повторяться довольно часто. Александръ чувствовалъ какое-то особенное наслажденіе говорить съ Казимірой объ ея соперницѣ.

Въ настоящій вечеръ, бывъ особенно въ припадкѣ чувствительности, онъ не преминулъ заговорить о томъ-же.

— Кто разъ любилъ хорошо, тому долго не собраться съ силами на это чувство!—произнесъ онъ.

— Вы какихъ лѣтъ ее полюбили?— спросила Казиміра. Она въ свою очередь, тоже находила какое-то болѣзненное удовольствіе слушать Александра, когда онъ разсказывалъ о любви своей къ другой, хотя, повременамъ, это становилось ей очень и очень тяжело.

— Почти что съ дѣтскихъ лѣтъ,— отвѣчалъ Баклановъ, развалившись на диванѣ.—Мы росли съ ней вмѣстѣ и, разумѣется, какъ дѣти, играли въ разныя игры, между прочимъ и въ свадьбы: я будто мужъ, а она жена... заберемся въ темный уголъ и сидимъ тамъ...

Казиміра склонила голову на руку и, кажется, вся кровь прилила ей къ лицу.

— Потомъ, — продолжалъ Баклановъ: — я жилъ съ матерью, въ деревнѣ: только, разъ гулялъ въ полѣ, прихожу домой, говорятъ: Басардины пріѣхали; вхожу и вижу, вмѣсто маленькой дѣвочки — совсѣмъ сформировавшуюся, и не съ двумя, а съ одною ужь косой, съ длинными, бѣлыми, чудными ручками!.. (При этомъ онъ невольно взглянулъ на исколотые иголкою и слегка красноватые пальцы Казиміры). Мнѣ такъ какъ будто-бы что-то въ сердце ударило... чувство настоящее заговорило.

— Да, понимаю, — отвѣчала Казиміра со вздохомъ, припоминая собственное чувство къ Александру.

— Ну, потомъ, я учился въ гимназіи, а она въ пансіонѣ, и ѣздила къ намъ... Въ домѣ у насъ огромная зала... ходимъ мы съ ней, бывало, и она все меня спрашиваетъ: „Кто мой идеалъ!“—Баклановъ такъ при этомъ одушевился, что даже попривсталъ. — Я говорю: „Вы его знаете, видали.“—„Гдѣ?.. Когда?..“—„Въ зеркалѣ,“ говорю.

Казиміра въ это время держала свою голову обѣими руками: О! для чего это счастіе выпало не на ея долю.

— Она сконфузилась, — говорилъ Баклановъ:—а въ то время было стихотвореніе: *Не говори ни да, ни нѣтъ!* Я ужь къ ней сталъ приставать: „*да* или *нѣтъ?*“ спрашиваю. „*Да,*“ говоритъ.

Казиміра вздохнула.

— Ну, и что-же?

— А то же, что были минуты полнаго, безумнаго счастья!

— Какъ, неужели дошло до конца? — проговорила, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, Казиміра.

— Да!

Баклановъ такъ привыкъ по этому случаю прилыгать, что даже и самъ не замѣчалъ, когда дѣлалъ это.

— Какъ же она въ такомъ видѣ вышла за другаго?— проговорила Казиміра, уже вставая. Сердце ея не въ состояніи было долѣе переносить эту муку.

— Вы читали, какъ она вышла, — отвѣчалъ Баклановъ.—Но погодите, постойте! куда же вы?—прибавилъ онъ, беря Казиміру за руку.

Та отвернулась отъ него, какъ бы затѣмъ, чтобъ онъ не видѣлъ ея лица.

— Посидите! — сказалъ онъ, и посадилъ ее почти силой на диванъ.

— Нѣтъ! пустите, пустите! — проговорила вдругъ Казиміра и пошла: на глазахъ ея видны были слезы.

Баклановъ посмотрѣлъ ей задумчиво въ слѣдъ.

— Будь покойна, мое кроткое существо... я не погублю тебя! — произнесъ онъ тономъ самоотверженія.

Но въ самомъ дѣлѣ, Казиміра просто не нравилась ему своею наружностью.

III.

Андреянова на московской сценѣ.

Къ подъѣзду Большаго театра, почти безпрерывною цѣпью, подъѣзжали кареты. По корридорамъ бѣгали чиновники, почему-то почище и посвѣжѣе одѣтые. Зала театра, кромѣ люстры, была освѣщена еще двумя рядами свѣчъ. Изъ директорской ложи виднѣлись полныя и гладко выбритыя физіономіи. Декораціи, изображавшія какой-то трудно даже вообразимый, но все-таки прелестный и полный фантастическихъ тѣней видъ, блистали явною новизной. Кордебалетъ, тоже весь одѣтый до послѣдней ниточки въ свѣжій газъ и трико, къ величайшему наслажденію сидѣвшаго въ первомъ ряду, съ отвислою губой, старикашки, давно ужь поднималъ передъ

публикой ноги и, остановившись въ этой позѣ, замиралъ на нѣсколько минутъ, а потомъ, вдругъ повернувшись, поднималъ ножки передъ стоявшимъ въ мрачной позѣ героемъ балета, чтобъ и его не обидѣть; затѣмъ, ставъ на колѣна и раскинувъ надъ собой разноцвѣтныя покрывала, изображалъ какъ-бы роскошнѣйшій цвѣтникъ.

Баклановъ и Венявинъ, оба въ мундирахъ, бѣлыхъ перчаткахъ и при шпагахъ, сидѣли во второмъ ряду. Подмастерье отъ Финкеля, хотя и во фракѣ, но сидѣлъ на купонѣ. Въ райкѣ, съ правой стороны, виднѣлись физіономіи Бирхмана и Ковальскаго, а съ лѣвой — сидѣла почти цѣлая шеренга студентовъ-медиковъ. Математики наняли себѣ три ложи. Изъ молоденькихъ юристовъ человѣкъ десять сидѣли въ креслахъ. Наконецъ примадонна, высокая, стройная, не совсѣмъ только граціозная, вылетѣла. Костюмъ ея былъ прелестенъ. Какъ-то порывисто вытянувъ свою правую ногу назадъ, она наклонилась къ публикѣ, причемъ обнаружила довольно пріятной формы грудь, и стала на другой ногѣ повертываться. Въ директорской ложѣ ей слегка похлопывали. Въ публикѣ сначала ей застучали саблями два офицера, имѣвшіе привычку встрѣчать аплодисментами всѣхъ примадоннъ. Хлопали также дежурный квартальный и человѣка три театральныхъ чиновника, за которыми, наконецъ, грохнуло и купечество, когда примадонна очень ужъ высоко привскочила! Заговорщики еще себя сдерживали: между ними положено было дать ей протанцовать цѣлый актъ и потомъ, какъ бы убѣдившись въ ея неискусствѣ, проявить свое мнѣніе.

— Бумъ! бумъ! бумъ! ревѣли барабаны. Примадонна дѣлала частенькія, мелкія па; потомъ, повернувшись, остановилась лицомъ передъ публикой, развела руками и ангельски улыбнулась; наконецъ, все больше и больше склоняясь, скрылась въ глубь сцены. Ей опять захлопали. Заговорщики все еще продолжали не заявлять себя,

но когда кордебалетъ снова высыпалъ со всѣхъ сторонъ на авансцену, дѣлавшуюся все темнѣе и темнѣе, потолокся тутъ, раскинулся потомъ на разнообразнѣйшія группы, и когда посреди ихъ, примадонна, выбѣжавъ съ жень-премьеромъ, поднялась на его рукахъ въ позѣ улетающей феи, и изъ передней декораціи, для произведенія большаго эффекта, освѣтили ее электрическимъ свѣтомъ,—Ковальскій въ райкѣ шикнулъ въ свою машинку на весь театръ. Его поддержали шиканьемъ человѣкъ двадцать медиковъ, а изъ купона раздался свистъ подмастерья. Частный приставъ бросился туда.

— Кто это, господа, тутъ свиститъ?—сказалъ онъ.

— Это, должно быть, вы сами свистнули; здѣсь никто не свистѣлъ, отвѣчалъ ему господинъ совершенно почтенной наружности.

Частный приставъ, очень этимъ обидѣвшись, вышелъ въ корридоръ.

— Пошлите пожарныхъ на лампу, чтобы хлопали тамъ!—крикнулъ онъ квартальному.

— Примадоннѣ дурно! опустите занавѣсъ!—слышалось на сценѣ за декораціями.

— Нѣтъ, ничего, дотанцуетъ! — возражалъ другой голосъ, и примадонна, въ самомъ дѣлѣ, хоть и очень разстроенная, но дотанцовала, пока не унесена была слетѣвшими духами на небо. Занавѣсъ упалъ. Пожарные еще похлопывали надъ люстрой. Публика хлынула въ кофейную; послышались разнообразнѣйшіе толки.

— Помилуйте, за что это? У ней есть и грація, и умѣнье! — толковалъ театральный чиновникъ.

— Ничего у нея нѣтъ, ничего! — возражалъ ему запальчиво Баклановъ.

— Все есть, все!— повторилъ чиновникъ.

— Можетъ быть все, только не то, что надо, — отвѣчалъ ядовито Баклановъ.

Въ корридорѣ полиціймейстеръ распекалъ частнаго.

— Студенты, помилуйте, студенты! — оправдывался тотъ.

— Начальство ихъ надо сюда! — говорилъ полковникъ, и ко второму акту, въ заднихъ рядахъ, показался синій вицъ-мундиръ субъ-инспектора.

Бакановъ и Венявинъ торжествовали.

Примадонна, оскорбленная, огорченная и взволнованная, дѣлала все, что могла. Танецъ ея былъ страстный: въ какомъ-то точно опьяненіи, она то выгибалась всѣмъ тѣломъ и закатывала глаза, то вдругъ, съ какимъ-то дѣтскимъ ужасомъ отбѣгала отъ преслѣдующаго ее жень-премьера,—но агитаторы были неумолимы: въ тотъ самый моментъ, когда она, внявъ мольбамъ прелестнаго юноши, подлетѣла къ нему легкою птичкой — откуда-то сверху, изъ ложи, къ ея ногамъ упала, громко звякнувъ, черная масса. Примадонна, съ ужасомъ, отскочила на нѣсколько шаговъ. Жень-премьеръ, тоже съ испугомъ, поднялъ передъ публикой брошенное.

— Мертвая кошка! — произнесъ чей-то голосъ на креслахъ.

Общій хохотъ раздался на всю залу.

— Браво! мертвая кошка! браво! — кричалъ неистово въ креслахъ Бакановъ, такъ что всѣ на него обернулись.

— Мертвая кошка! — повторялъ за нимъ Венявинъ.

Съ примадонной въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось дурно. Въ директорской ложѣ совершенно опустѣло: оттуда всѣ бросились на верхъ, откуда была брошена мертвая кошка.

— Мертвая кошка! — продолжалъ кричать Бакановъ.

— Пожалуйте къ субъ-инспектору, — сказалъ подошедшій къ нему капельдинеръ.

— Убирайся къ чорту! — отвѣчалъ ему Александръ.

На сценѣ между тѣмъ, безтолково прыгалъ кордебалетъ. Субъ-инспекторъ, пробовавшій было вызвать по

крайней мѣрѣ хоть кого-нибудь изъ математиковъ, сидѣвшихъ въ ложахъ въ бель-этажѣ и передъ глазами всей публики хохотавшихъ, но не успѣвъ и въ томъ, поскакалъ на извощикѣ въ университетъ, доложить начальству. Соло за примадонну исполнила одна изъ пансіонерокъ.

Когда занавѣсъ упалъ, Баклановъ сдѣлалъ знакъ Казимірѣ и пани Фальковской, сидѣвшимъ въ третьемъ ярусѣ и для которыхъ онъ нарочно нанималъ ложу, а потомъ, мотнувъ головой Венявину, гордо вышелъ изъ залы.

Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ сошлись въ сѣняхъ его дамы, и всѣ они поѣхали въ каретѣ, домой. Пани Фальковская, расфранченная и очень довольная, что побывала въ театрѣ, всплескивая своими коротенькими ручками, говорила:

— Какъ это возможно! за что ее, бѣдную, такъ?

— А за то, что тутъ правда, истина, которыя однѣ только имѣютъ законное право существовать, онѣ тутъ страдаютъ! — толковалъ ей запальчиво Александръ.

Казиміра съ чувствомъ и съ грустью глядѣла на него. Она искренно видѣла въ немъ поборника истины и бойца за правду. О, еслибъ онъ любилъ ее хоть сколько-нибудь!

IV.

Платонъ Степановичъ.

— Это что еще? А? Что вы еще придумали? — говорилъ инспекторъ студентовъ, въ своемъ флотскомъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, горячась передъ стоявшими предъ нимъ въ довольно комическихъ позахъ Бирхманомъ, Венявинымъ, Козальскимъ, двумя-тремя

медиками и нѣсколькими математиками. Впереди всѣхъ ихъ, впрочемъ, стоялъ Баклановъ.

— Позвольте, Платонъ Степановичъ!—говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу и все больше и больше выступая впередъ.

— А вотъ и нѣтъ!.. Не позволю! — говорилъ ему тотъ, въ свою очередь, тоже съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Какъ же это?

— А такъ же!.. Ты скажешь два слова, а мнѣ послѣ тебя и говорить нечего будетъ.

— Странно! — проговорилъ Баклановъ, пожимая плечами, и потомъ прибавилъ довольно громко вслухъ: — Я не солдатъ, а вы еще не полковникъ, чтобы говорить мнѣ *ты*.

— Не полковникъ! — произнесъ Платонъ Степановичъ, кидая на него свирѣпый взглядъ. Стрѣла была пущена прямо въ цѣль: полковничій чинъ былъ для него до самой смерти какою-то неосуществляемою мечтой.

— Вы-то это что? Вы-то? — накинулся онъ на Бирхмана. — Правительствомъ взяты, воспитаны, взлелѣяны, и вотъ благодарность!.. Вѣдь солдатъ на всю жизнь!... на всю жизнь! — прибавилъ онъ грозно потрясая рукой. Онъ имѣлъ привычку — мрачную картину всегда еще больше поразукрасить; но Бирхмана это нисколько, кажется, не пробрало.

— Не знаю, что я противъ правительства сдѣлалъ, — проговорилъ онъ.

— А, не знаете! — прикрикнулъ Платонъ Степановичъ, — а вейнхандлунгъ, такъ знаете!

— Вы сами-то пуще ее знаете! — бухнулъ прямо Бирхманъ.

— Я знаю... разумѣется... — произнесъ Платонъ Степановичъ, какимъ-то страннымъ голосомъ: улыбка, какъ онъ ни старался скрыть, проскользнула по его лицу.

Баклановъ въ это время опять ужь на него наступалъ.

— Если теперь, Платонъ Степанычъ...

— Ну-съ!—отвѣчалъ ему тотъ, совершенно позабывъ, что сейчасъ только запрещалъ ему говорить.

— Если теперь писатель, — говорилъ Баклановъ: — изъ которыхъ, напримѣръ, Иванъ Андреичъ Крыловъ— дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Иванычъ Дмитріевъ—тайный совѣтникъ.

На слова „дѣйствительный и тайный совѣтникъ“ онъ нарочно попріударилъ.

— Ну, ну-съ! — торопилъ его Платонъ Степановичъ.

— И тѣхъ можно хвалить и порицать, — продолжалъ Баклановъ, — а какую-нибудь танцовщицу, которая умѣетъ только вертѣть ногами, нельзя.

— Тутъ не въ танцовщицѣ, сударь, дѣло! Тутъ императорскій театръ! — крикнулъ Платонъ Степановичъ.

— Да, вѣдь, императора тутъ нѣтъ! — возразилъ Баклановъ.

— Онъ невидимо тутъ присутствуетъ! — порѣшилъ Платонъ Степановичъ, и опять слегка улыбнулся.—Вотъ соколикъ-то!—продолжалъ онъ, указывая на Ковальскаго и, по возможности, стараясь сохранить строгій тонъ:— по театрамъ ходитъ, а изъ греческаго единицы получаетъ.

— Да я знаю-съ, помилуйте, Платонъ Степанычъ: спросите-съ меня,—отозвался тотъ.

— Есть мнѣ когда васъ спрашивать! — сказалъ серьезнѣйшимъ образомъ, Платонъ Степановичъ, и потомъ вдругъ крикнулъ: — Ермоловъ!

Въ дверяхъ появился солдатъ.

— Вотъ, возьми этого господина, продолжалъ онъ, указывая на одного изъ медиковъ, сведи въ цырульню и остриги его на мой счетъ. Вотъ тебѣ и четвертакъ!— прибавилъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ подалъ солдату четвертакъ.

— Да какъ-же это-съ? — возразилъ было студентъ.

— Не прощу! Не прощу! — закричалъ Платонъ Степановичъ, хватая себя за голову и махая руками.

Студентъ, дѣлать нечего, пошелъ.

Волосы студенческіе были однимъ изъ мучительнѣйшихъ предметовъ для благороднаго Платона Степановича: насколько онъ, по требованію начальства, желалъ, чтобы они были острижены, настолько студенты не желали ихъ стричь.

— Ну, что мнѣ съ вами дѣлать?... что? — говорилъ онъ оставшимся предъ нимъ студентамъ, и какъ-бы въ самомъ дѣлѣ недоумѣвая, что ему дѣлать.

— Вы кто такой? — обратился онъ, тотчасъ-же вслѣдъ за тѣмъ, къ одному черноватому математику.

— Я руссинъ, ваше высокородіе, — отвѣчалъ тотъ пѣвучимъ голосомъ.

Платону Степановичу отвѣтъ такой понравился.

— На чужой сторонѣ, сударь, надобно скромно себя вести! — сказалъ онъ ему и снова возвратился къ прежней своей мысли.

— Что́ мнѣ съ вами дѣлать! Вы ступайте въ карцеръ на день, на два, на три! — объявилъ онъ Баклановy.

— Я пойдти пойду хоть на мѣсяцъ, — отвѣчалъ тотъ, размахивая руками, — а ужь свои убѣжденія имѣю и всегда буду имѣть.

— Свои убѣжденія! — повторялъ ему вслѣдъ Платонъ Степановичъ: — а вы ступайте по домамъ! — объявилъ онъ прочимъ студентамъ. — Вамъ еще хуже будетъ! Еще!... Еще!... — повторялъ онъ неоднократно.

Что́ подъ этимъ: „еще хуже будетъ!“ онъ всегда разумѣлъ, для всѣхъ обыкновенно оставалось тайной.

— Графу, я полагаю, доложить надо-съ, — подошелъ къ нему и сказалъ сладкимъ голосомъ субъинспекторъ.

— Знаю-съ! — отвѣчалъ Платонъ Степановичъ съ досадой, и войдя на крыльцо, сейчасъ сѣлъ на своего неказистаго коня и поѣхалъ.

„Свои убѣжденія,“ разсуждалъ онъ дорогой почти вслухъ: „и я-бы ихъ имѣлъ, да вонъ тутъ господинъ живетъ!.“ — и онъ указалъ на генералъ-губернаторскій домъ, — „тутъ другой“ — прибавилъ онъ, и ткнулъ по воздуху пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была квартира генерала Перфильева.

— Свои убѣжденія! — повторилъ онъ.

Здѣсь мы не можемъ пройти молчаніемъ: миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Ты любилъ и понималъ юность! Ты былъ только ея добродушнымъ распекателемъ, а не губителемъ!

V.

Знай нашихъ!

Черезъ два-три дня назначенъ былъ бенефисъ Санковской. Само небо, какъ-бы покровительствуя заговорщикамъ, облеклось густыми и непроницаемыми тучами. Фонари тускло свѣтились. На Театральной площади то тутъ, то тамъ виднѣлись небольшія кучки студентовъ.

— Къ третьему акту, что-ли, велѣно сходиться?

— Да, да! А то, пожалуй, прогонятъ, — слышалось въ одной изъ нихъ.

— Платонъ проѣхалъ! — объявилъ подходя высокій студентъ.

— У кого подарокъ-то? У кого?...

— У Бакланова, разумѣется!

— Финкель ужь тамъ: у него человѣкъ двадцать въ райкѣ разсажено.

Въ театрѣ, между тѣмъ, было немного свѣтлѣй, чѣмъ и на улицѣ. Музыканты играли какъ-то лѣниво. Старыя

декораціи *Дѣвы Дуная* чернѣли закоптѣлыми массами на плохо освѣщенной сценѣ. Одно дерево, долженствовавшее провалиться, вдругъ заупрямилось, и когда его стали принуждать къ тому, оно совсѣмъ распалось на составныя части, причемъ обнаружило свой картонный задъ и стоявшаго за нимъ мужика въ рубахѣ, который, къ общему удовольствію публики, поспѣшилъ убѣжать за кулисы.

Платонъ Степановичъ, дѣйствительно бывшій въ театрѣ и сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ, пока еще блаженствовалъ, потому что, сверхъ даже ожиданія его, все было совершенно тихо и благочинно. Помѣщавшійся въ третьемъ ряду субъ-инспекторъ былъ тоже спокоенъ, и только повременамъ, съ удовольствіемъ взглядывалъ на начальника.

Въ послѣднемъ актѣ, наконецъ, бенефиціантка должна была дѣлать финальное соло, и вдругъ изъ всѣхъ дверей, въ креслахъ, стали появляться студенческіе сюртуки. Платонъ Степановичъ завертѣлся на мѣстѣ и едва успѣвалъ повертываться туда и сюда.

По среднему проходу, между креслами, прошелъ Баклановъ. Платонъ Степановичъ не утерпѣлъ и погрозилъ ему пальцемъ; но тотъ сдѣлалъ видъ, какъ-бы этого не замѣтилъ.

— Браво! браво! — рявкнула въ райкѣ компанія Финкеля.

— Браво! браво! — повторили за ними въ ложахъ.

Платонъ Степановичъ вскочилъ на ноги и, повернувшись лицомъ къ публикѣ, съ раскраснѣвшеюся и потерявшеюся физіономіей и безпрестанно повертывая голову точно за разлетавшимися птицами, сталъ глядѣть на раекъ, на ложи, на кресла, а потомъ, какъ-будто-бы кто его кольнулъ въ задъ, опять обернулся къ сценѣ. Тамъ Баклановъ, перескочивъ черезъ барьеръ, отдѣляющій музыкантовъ, лѣзъ на возвышеніе къ капельмей-

стеру и что-то такое протягивалъ въ рукѣ къ сценѣ. Бенефиціантка въ это время раскланивалась передъ публикой!

— Это даръ нашъ! примите его въ уваженіе вашего высокаго дарованія! — проговорилъ студентъ.

Бенефиціантка приняла, поблагодарила, съ граціозною улыбкой, его и публику, и подаренную ей вещь надѣла на голову. Это былъ золотой вѣнокъ, блеснувшій небольшими, но настоящими брилліантиками.

Браво!... браво!... *Bis*... — ревѣли въ публикѣ.

Платонъ Степановичъ махнулъ рукой и пошелъ изъ театра. Къ нему подошелъ субъ-инспекторъ.

— Что прикажете дѣлать-съ?

— А что хотите! вы умнѣй меня, — отвѣчалъ старикъ съ досадой и ушелъ.

Субъ-инспекторъ нашелъ возможность остаться только съ распущенными руками и съ потупленною головой. Въ публикѣ, между тѣмъ, неистовство росло: когда занавѣсъ упалъ, къ студентамъ пристала прочая молодежь, и они по крайней мѣрѣ съ полчаса кричали: „Санковскую! Санковскую!... браво!.. чудо!..“

Къ этимъ фразамъ иногда прибавлялась и такая:

— Долой Андреянову, давай намъ Санковскую!

По окончаніи спектакля, въ Британіи все больше и больше набиралось студентовъ.

— Каковы канальи! какъ занавѣсъ-то долго не поднимали, когда вызывать ее начали! — говорили одни.

— Разъ семь вызвали? спрашивали, съ величайшимъ любопытствомъ, небывшіе въ театрѣ.

— Восемъ! — отвѣчали имъ.

— Финкеля въ часть взяли!.. съ квартальнымъ схватился... стучалъ ужь очень палкой, — сообщилъ спокойно Бирхманъ.

— Спасать его! пойдемте спасать! — раздалось нѣсколько голосовъ.

Изъ фондов Российской национальной библиотеки

— Ну его къ чорту!... откупится! возразили болѣе благоразумные.

Вошелъ Бакановъ.

— А, Бакановъ!.. молодецъ!.. молодецъ!.. — закричали ему со всѣхъ сторонъ.

— Знай нашихъ! — произнесъ онъ самодовольно и какъ человѣкъ совершившій немаловажное дѣло, сѣлъ на диванъ и поспѣшилъ вздохнуть посвободнѣе.

VI.

Тайная причина горя.

Неустанно летитъ богъ времени, пожралъ онъ водолея, рыбъ, овна, тельца; съ крыльевъ его слетѣли уже зефиры, флора стала убирать деревья и поля зеленью и цвѣтами.

Въ круглой, съ колоннами и темноватой залѣ стараго университета совершалось таинство экзаменованія. Къ четыремъ, довольно далеко разставленнымъ одинъ отъ другаго, столикамъ, студенты, подходили, что-то такое говорили, размахивали руками, на что профессора или утвердительно качали головой, или отрицательно помотывали ею вправо и влѣво. Студенты, при этомъ, краснѣли въ лицѣ и дѣлали какіе-то глупые глаза.

Бакланова вызвали почти изъ первыхъ. Отвѣтивъ довольно хорошо, онъ даже не поинтересовался посмотрѣть, много-ли ему поставили, а молча, съ серьезнымъ видомъ, отошелъ отъ стола. Онъ зналъ, что одинъ и два лишнихъ балла ничего для него не сдѣлаютъ.

— Подождешь меня? — спросилъ Венявинъ, почти тотчасъ-же послѣ него слѣдовавшій по списку.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ угрюмо Бакановъ. — Найми лошадей, мы сегодня вечеромъ выѣдемъ.

Из собрания Российской национальной библиотеки

— Хорошо, — проговорилъ тотъ, привыкшій безусловно во всемъ повиноваться пріятелю.

Когда Баклановъ возвратился домой, у пани Фальковской былъ уже накрытъ столъ. Александръ молча сѣлъ за свой приборъ и ничего почти не ѣлъ.

— Что, вы кончили? — спросила Казиміра, не спускавшая съ него глазъ.

— Все, совсѣмъ... Сегодня послѣдній экзаменъ былъ, — отвѣчалъ Баклановъ и вздохнулъ.

Послѣ обѣда онъ не уходилъ къ себѣ въ комнату и, какъ показалось Казимірѣ, хотѣлъ поговорить съ ней откровенно. Сердце ея невольно замерло.

— Вотъ, вы теперь вступаете въ жизнь, — начала она впрочемъ сама.

— Да, пора ужь! А то такъ безумно провести, какъ я провелъ эти десять лѣтъ... — началъ Баклановъ.

Казиміра посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Въ гимназіи рѣшительно ничего не дѣлалъ и не зналъ. Что и дома-то французскому языку выучили, и то забылъ. Въ университетѣ тоже... все это больше какимъ-то туманомъ осталось въ головѣ.

— Но отчего-же вы такъ умны? — перебила его Казиміра.

— Уменъ! — повторилъ Баклановъ, нѣсколько сконфузясь, но и не безъ удовольствія: — я не знаю, уменъ-ли я или нѣтъ; но я вамъ говорю факты. На первомъ курсѣ я занятъ былъ этою любовью къ кокеткѣ-дѣвчонкѣ!...

Казимірѣ это пріятно было слышать.

— Потомъ, съ горя отъ неудачи въ этой любви, на второмъ и третьемъ курсахъ пьянствовалъ, и наконецъ этотъ годъ, — заключилъ онъ: — глупѣй ничего ужь и вообразить себѣ нельзя, что дѣлалъ: клакеромъ былъ!

— Да, — подтвердила на это Казиміра: — впрочемъ, что-же, вѣдь? Не вы одни: всѣ такъ! — прибавила она.

— Нѣтъ, не всѣ! — воскликнулъ Баклановъ:—вотъ, Проскриптскаго видѣли вы у меня?

Казиміра, съ гримасой, покачала головой.

— Нечего гримаски-то дѣлать. Онъ идетъ, куда слѣдуетъ; знаетъ до пяти языковъ; пропасть научныхъ свѣдѣній имѣетъ, а отчего? Оттого, что семинаристъ: его и дома, можетъ быть, и въ ихней тамъ семинаріи въ дугу гнули, характеръ по крайней мѣрѣ въ человѣкѣ выработали и трудиться пріучили.

На все это Казиміра отрицательно усмѣхнулась: по ея мнѣнію, Александръ и характеру больше имѣлъ, и ученѣй всѣхъ былъ.

— Или Варегинъ вонъ у насъ,—совсѣмъ настоящій человѣкъ: уменъ, трудолюбивъ, добръ, куда хочешь поверни, а тоже отчего? уличнымъ мальчишкой выросъ, семьи не имѣлъ.

— Ну, что хорошаго безъ семьи, что вы? — возразила Казиміра.

— Нѣтъ, именно отъ семьи все и происходитъ! — воскликнулъ Баклановъ. — У меня, бывало, матушка только и говоритъ: „Сашенька, батюшка, не учись, боленъ будешь!.. Сашенька, батюшка, покушай; Сашенька, поколоти двороваго мальчишку, какъ это онъ тебѣ грубіянитъ,“ вотъ и выняньчили себѣ на шею такого оболтуса.

— Что это, оболтусъ? — повторила Казиміра, уже смѣясь.

— Ну къ чему я теперь годенъ, на что? — спрашивалъ Баклановъ, повидимому, совершенно искреннимъ тономъ.

— Служить будете, что-й-то, Господи!—отвѣчала она.

— Да я не умѣю: я ничего не смыслю. Въ корпусахъ, по крайней мѣрѣ, ну, выучатъ человѣка маршировать — и пошлютъ маршировать, выучатъ мосты дѣлать — и пошлютъ его ихъ дѣлать; а тутъ, чортъ знаетъ,

Из фондов Российской национальной библиотеки

чѣмъ набили голову: всѣмъ и ничѣмъ, ступай по всѣмъ дорогамъ и ни по какой.

— Не знаю! — сказала Казиміра. Она окончательно перестала понимать, къ чему все это говоритъ Баклановъ.

— Только и осталось одно, — продолжалъ онъ, какъ бы думая и соображая: — сдѣлаться помѣщикомъ... Около земли все-таки трудъ честный, и я знаю, что буду полезенъ моимъ полуторастамъ, или тамъ двумъ стамъ душамъ, которыя мнѣ принадлежатъ!

— Ну и прекрасно! — воскликнула Казиміра оживленнымъ голосомъ: — а меня возьмите въ экономки... Я бы за маленькую плату пошла...

— Непремѣнно, очень радъ: — отвѣчалъ Александръ, и затѣмъ вздохнувъ, пошелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ велѣлъ человѣку укладывать вещи.

Не-вдолгѣ Казиміра, съ блѣднымъ и испуганнымъ лицомъ, заглянула къ нему.

— Вы ужь уѣзжаете? — спросила она.

— Да-съ! — отвѣчалъ ей Баклановъ почти грубо.

Часовъ въ десять вечера, на извощичьей тройкѣ подъѣхалъ Венявинъ. Александръ зашелъ къ Фальковскимъ только на минуту — отдать деньги и распроститься. У самой старухи онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ поцѣловалъ руку.

— Благодарю васъ за все, за все! — проговорилъ онъ.

— Ничего, ничего, что это, помилуйте! — отвѣчала та со слезами на глазахъ.

Казимірѣ онъ ничего не сказалъ; но она ему сама сказала, крѣпко, крѣпко сжимая его руку:

— Смотрите же, возьмите меня въ экономки.

Бѣдная дѣвушка думала хоть на этой мысли успокоиться.

— Непремѣнно, — отвѣчалъ ей Александръ разсѣяннымъ голосомъ.

Когда они выѣхали за заставу, утренняя заря, которая въ началѣ іюня обыкновенно сходится съ вечернею, показалась на горизонтѣ.

— Прощай, Москва! — проговорилъ Баклановъ, и потомъ потеръ себѣ лобъ:—Глупо, братъ, мы съ тобой сдѣлали, что вышли не кандидатами! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Венявину.

— Чтожъ, ничего! — возразилъ тотъ.

— Нѣтъ, не ничего! — повторилъ Александръ и вздохнулъ.

Онъ договорился, наконецъ, до истинной своей болячки: его мучило честолюбіе. Проскриптскаго, вышедшаго кандидатомъ, и Варегина, оставленнаго при университетѣ, онъ не въ состояніи былъ видѣть, и переносилъ только Венявина за его безконечную доброту и за то, что тотъ вышелъ подъ звѣздочкой.

Заря на востокѣ, точно пророчествуя молодымъ людямъ объ ихъ жизни впереди, все больше и больше разгоралась и открывала передъ ними окрестности.

VII.

Усадьба Лапухи.

Александръ подъѣзжалъ къ дому часовъ въ пять яснаго, лѣтняго вечера. Отъ цвѣтущей черемухи въ небольшомъ перелѣскѣ и отъ сосѣднихъ, подъ горою, луговъ воздухъ былъ напоенъ почти опьяняющимъ благоуханіемъ. Жаворонокъ, летя вверхъ прямою стрѣлой, отчаянно пѣлъ; яровыя поля по сторонамъ ярко, ярко зеленѣли. Вишневый и яблочный садъ представлялся издали какой-то темною зеленью. Изъ-за него показывалась красноватая, черепичная крыша дома. Когда подъѣхали къ воротамъ, огромный дворовый песъ, откуда-то

выскочивъ, несся, какъ бы затѣмъ, чтобы разразиться лаемъ; но, увидѣвъ сидѣвшаго на облучкѣ лакея Баклановa, тотчасъ же завилялъ хвостомъ и началъ весело около него прыгать. Сидѣвшій въ тарантасѣ лягашъ Александра тоже соскочилъ къ собрату и, обнюхавшись, они сейчасъ же побѣжали нѣсколько въ сторону, какъ бы желая, послѣ столь долгой разлуки, поскорѣе и по секрету что-то такое сообщить другъ другу. Изъ прочихъ живыхъ существъ никого было не видать. Баклановъ вылѣзъ изъ экипажа и вошелъ въ домъ черезъ огромное среднее крыльцо, двери котораго были настежь отворены. Въ залѣ, черезъ открытыя окна, всюду ходилъ свѣжій вѣтеръ, и по всѣмъ столамъ были разсыпаны для высушки, цѣлые кусты розоваго листу. „Какъ здѣсь славно!“ невольно проговорилъ Баклановъ, и пошелъ въ гостиную. Тамъ ключница Еремѣевна, очень благообразная старушка, въ очкахъ, старательно чистила землянику.

— Ай, батюшки! — воскликнула она, точно ее кто испугалъ. — Маменькѣ сказать надо! — прибавила она, вставая и отряхивая подолъ; а потомъ сейчасъ же побѣжала частенькою походкой и начала сходить съ лѣсенки балкона. Александръ пошелъ за ней. Аполлинарія Матвѣевна, предувѣдомленная другой дѣвчонкой, бѣжала, запыхавшись и поднявъ платье, по длинной аллеѣ, идущей немного въ гору.

Баклановъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Здравствуй, ангелъ мой! — говорила она, цѣлуя сына, по обыкновенію со слезами; а потомъ, совсѣмъ раскиснувъ, оперлась на его руку и пошла съ нимъ на балконъ.

— Ухъ! ухъ! — говорила она, тяжело опускаясь на кресло.

Александръ довольно почтительно сѣлъ около нея.

— Чаю, Еремѣевна, чаю! — говорила Аполлинарія Матвѣевна.

— Сію минуточку, сію! — говорила старуха, и дѣйствительно, вслѣдъ же за симъ, подъ ея надзоромъ, молодая и краснощекая, какъ маковъ цвѣтъ, горничная, взглядывая изподлобья на молодаго барина, притащила на балконъ самоваръ и поставила на нарочно приготовленный для него столикъ. Самоваръ шипѣлъ, горячился, какъ-будто-бы своею искусственною жизнію хотѣлъ перещеголять окружавшую его со всѣхъ сторонъ настоящую, живую, жизнь, въ которой и пчелы жужжали въ растущемъ около балкона чертополохѣ, и воробьи чирикали, разсѣвшись огромною кучей по палочкамъ въ горохѣ, наконецъ, изъ куртинъ съ цвѣтами и изъ травы на лугу слышались тѣ миріады звуковъ, которыми дышетъ весенняя природа. Александръ всѣмъ этимъ безконечно наслаждался.

Еремѣевна, притащивъ сдобныхъ булокъ и густѣйшихъ сливокъ, разлила чай и подала сначала барчику, а потомъ Аполлинаріи Матвѣевнѣ.

— Ай, нѣтъ! Мнѣ квасу бы напередъ,—сказала та, и въ самомъ дѣлѣ отдернула сначала два стакана квасу, а потомъ сейчасъ-же принялась пить чай со сливками.

— Всѣ ужь ты свои ученья кончилъ, милый другъ?— спросила она какъ-то робко сына.

— Всѣ-съ.

— Вонъ нынче какія по этому почтмейстерству мѣста славныя!

— Чѣмъ-же это?

— Да вонъ Клементія Гаврилыча Хляева, знаешь, чай?.. Самый пустой былъ дворянинишко... Черезъ какого-то тоже благодѣтеля въ Петербургѣ получилъ это мѣсто, и такъ теперь грабитъ, что и Господи! Прежде брали по двѣ копѣйки съ рубля, а онъ наложилъ по четыре... Что слезъ въ народѣ, а ему хорошо.

— Канальямъ вездѣ хорошо! — сказалъ Александръ, невольно улыбаясь наивному объясненію матери.

— Вотъ-бы тебѣ такое мѣсто, право!.. Хоть-бы черезъ братца, что-ли!.. Написалъ-бы ему и попросилъ,— прибавила она, и не подозрѣвая, что такое говоритъ.

Александръ посмотрѣлъ на нее строго.

— А вы считаете меня на это способнымъ? — сказалъ онъ.

— Не знаю я...—отвѣчала тетёха.

Александръ вздохнулъ и сошелъ съ балкона. Тутъ онъ какъ-то особенно свиснулъ, и къ нему, перескочивъ огромнѣйшій тынъ, явился его Пегасъ.

— Пойдемъ... пойдемъ! — говорилъ Александръ.

Собака визжала отъ удовольствія. Войдя въ аллею, онъ остановился съ ней передъ однимъ деревомъ.

— Что́ это, птичка? — говорилъ онъ ей, указывая на сидѣвшую на самой вершинѣ птицу.

Собака вытянула голову.

— Пиль! — крикнулъ Александръ.

Собака привскочила и пролаяла.

Александръ схватилъ ее за морду и началъ цѣловать.

Заглушивъ въ себѣ мечты честолюбія, онъ хотѣлъ невинными радостями быть счастливъ. Черезъ небольшую калиточку онъ вышелъ изъ сада въ поле. Грудь его свободно вдыхала свѣжій воздухъ; подъ горой, какъ озеро, разливался омутъ рѣки, на концѣ котораго стояла живописно окрашенная вечернимъ освѣщеніемъ мельница.

Баклановъ глядѣлъ на все это и не могъ наглядѣться; а потомъ, въ пріятномъ раздумьѣ, повернувшись и весело взмахнувъ головой, пошелъ домой. Аполлинарію Матвѣевну онъ засталъ еще на балконѣ. Ей, стоя внизу на травѣ, о чемъ-то, должно быть, докладывалъ дворовый человѣкъ. Александръ, прищурившись, сталъ въ него всматриваться и узналъ въ немъ нашего стараго знакомаго, мрачнаго лакея. Семенъ ему вѣжливо, хоть и издали, поклонился.

— Здравствуй! — отвѣчалъ Баклановъ и сѣлъ на балконъ.

Семенъ продолжалъ докладывать.

— Навозъ теперь вы́возили-съ.

— Вы́возили! — повторила за нимъ Аполлинарія Матвѣевна.

— Копань поднимать, — повторила опять Аполлинарія Матвѣевна.

Александру показалось очень ужь скучно это слушать. Онъ вышелъ въ залу. Тамъ трехъ-аршинный гайдукъ покойнаго Бакланова накрывалъ на столъ, сильно нагибаясь своимъ длиннымъ тѣломъ, когда ставилъ тарелки и разставлялъ солонки.

— Здравствуй, Петруша! — сказалъ ему привѣтливо Баклановъ.

Саженный Петруша подошелъ и поцѣловалъ у него руку.

— Я ружье тебѣ въ подарокъ привезъ, — отличное! проговорилъ Александръ.

— Благодаримъ, батюшка, покорно! — сказалъ Петруша, и лицо его сильно просвѣтлѣло.

— Дичи, какъ-то нынче, совсѣмъ оченно мало стало, — прибавилъ онъ, пожимая плечами.

— Найдемъ! — подхватилъ баринъ.

Петруша, летая какъ метеоръ, сталъ накрывать на столъ, а черезъ минуту все было готово. Александръ и Аполлинарія Матвѣевна сѣли. Довольно занимательно было видѣть вмѣстѣ мать и сына. Одинъ — столичный франтъ, въ легонькомъ пальто, съ вьющимися, какъ у художника, волосами, съ благородною, какъ-бы нѣсколько шиллеровскою физіономіей; другая — расплывшаяся квашня, съ красно-багровымъ и ничего не выражающимъ, кромѣ физическаго пресыщенія, лицомъ. Одѣта Аполлинарія Матвѣевна, на этотъ разъ, была въ распашной капотъ и въ вышитую на подолѣ юпку, довольно

плотно облегавшую ея круглый животъ. Животъ этотъ Александръ никогда не могъ видѣть равнодушно.

— А что, Софи Линеву давно-ли вы видѣли? — спросилъ онъ.

— Давно... продали они здѣшнее имѣнье-то... сестру посадили въ сумасшедшій домъ, а сами уѣхали... Не хорошо, говорятъ, живутъ-то, все ругаются... промотались, говорятъ, совершенно... Онъ-то старый этакой, а она-то франтиха да щеголиха.

Баклановъ вздохнулъ. Онъ много разсчитывалъ на свиданье съ Софи.

— Надежда-то Павловна, ну-ка, Саша, померла: тосковала по дочери; та-то ее не взяла, и кончила жизнь. Нынче дѣтушки-то, жди отъ нихъ благодарности: ты имъ все дѣлай, а они ничего!

Аполлинарія Матвѣевна любила завывать на эту тему, и Александръ обыкновенно останавливалъ ее тѣмъ, что сердито начиналъ смотрѣть на нее.

— А гдѣ-же самъ Басардинъ? — перебилъ онъ ее.

— Онъ-то живъ, что ему сдѣлается... Не знаю только гдѣ.

Въ то время вошелъ молодой лакей Александра, успѣвшій уже прифрантиться въ модную жакетку.

— Гдѣ изволите почивать: въ спальнѣ или въ сушилѣ?

— Въ сушилѣ, — сказалъ ему Александръ: — и не вели тамъ ни кожъ, ни вѣниковъ убирать... Я люблю, чтобы все это было.

— Слушаю-съ.

— У меня въ сушилѣ хорошо, отлично, — замѣтила Аполлинарія Матвѣевна.

Послѣ ужина, простившись съ матерью, Александръ отправился на свой ночлегъ. На дворѣ было совершенно темно. За нимъ шелъ его молодой лакей и гайдукъ Петруша. Послѣдній несъ свѣчу, заслоняя ее рукой, чтобы не задуло.

Изображение российской национальной библиотеки

— Ну что, какъ поживаешь? — спросилъ Александръ, трепля его по плечу.

— Что, какое ужь, батюшка, наше житье,— отвѣчалъ печальнымъ голосомъ этотъ могучій человѣкъ.

— Ничего, погоди, теперь лучше будетъ.

— Да только на вашу милость и надежду имѣемъ,— сказалъ Петруша, и когда они всѣ влѣзли въ сушило, которое было не что иное какъ верхъ надъ погребомъ, то представившаяся картина, при освѣщеніи сальной свѣчи, была оригинальна: кровать, съ бѣлыми какъ снѣгъ подушками и съ бѣлымъ одѣяломъ, какъ-то рѣзко отдѣлялась отъ пыльныхъ стѣнъ, отъ висѣвшихъ на стѣнахъ бараньихъ шкуръ, отъ стоявшей въ одномъ углу кадки съ дегтемъ, отъ наваленнаго въ другомъ углу колеснаго ската; но все это, впрочемъ, дышало какимъ-то оживительнымъ и здоровымъ запахомъ. Александръ поспѣшилъ раздѣться и отправить прислугу.

— Прощенья просимъ, проговорилъ Петруша и слѣзъ съ молодымъ своимъ камрадомъ съ сушильни.

— Въ деревнѣ славно жить! подумалъ Александръ и съ удовольствіемъ зѣвнулъ.

VIII.

Что прежде всего.

Отъ Обуховскихъ болотъ, кругомъ мельницъ, по небольшой тропинкѣ шелъ Александръ въ низенькой охотничьей шляпѣ съ зеленою лентой, въ сѣромъ, съ зеленою выпушкой, рединготѣ и въ высокихъ болотныхъ сапогахъ; черезъ плечо у него было перекинуто щегольское англійское ружье на шерстяной перевязи, вышитой тою-же искусною рукой влюбленной Казиміры. За нимъ могуче шагалъ длинный Петруша, тоже съ новымъ ружь-

Из фондов Российской национальной библиотеки

емъ и тоже въ какомъ-то сѣренькомъ чепанѣ. Пегасъ, поднявъ морду и граціозно переступая ножками, шелъ верхнимъ чутьемъ по болоту. Баклановъ остановился, снялъ свою шляпу и отеръ катившійся съ лица потъ.

— Не много-же мы съ тобой, Петруша, настрѣляли,— сказалъ онъ.

— Совсѣмъ нынче птицы мало стало, — повторилъ тотъ свою любимую фразу.

Они снова взяли ружья на плечи и пошли. Пегасъ вдали что-то пролаялъ.

— Можетъ, другой здѣсь дичи много! — проговорилъ Александръ и посмотрѣлъ на Петрушу.

Тотъ тоже на него посмотрѣлъ.

— Что въ юпкахъ-то ходятъ, — прибавилъ Александръ.

Петруша усмѣхнулся и почесалъ себя за ухомъ.

— Пожалуй, что добра этого есть не мало.

Пегасъ опять пролаялъ и съ какою-то даже тоской въ голосѣ.

Александръ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— А кто-же у насъ получше?... которая?... — продолжалъ онъ разспрашивать.

— Да кто ихъ — прахъ знаетъ! Самъ-то я этими дѣлами не занимаюсь.

Встрѣтился маленькій лѣсокъ, и путники должны были разойтись, а потомъ они снова соединились.

— Если не для себя, такъ, по крайней мѣрѣ, для пріятеля-бы: вотъ хоть-бы для меня постарался.

— Чтожъ, это можно будетъ, отвѣчалъ Петруша, улыбаясь какою-то кривою улыбкой.

— Да кто-же у васъ, какія есть? — продолжалъ Баклановъ, быстро идя и, со свойственною его темпераменту живостью, весь пылая.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Сами вы, вѣдь, всѣхъ знаете, отвѣчалъ Петруша уклончиво.

— У скотницы, я видѣлъ, дочка недурна... Машей, кажется, зовутъ.

— Да, Марьей-съ... дѣвушка ужь на возрастѣ, отвѣтилъ Петруша.

— Нельзя-ли какъ? Переговори-ка!..

Петръ молчалъ.

— Пожалуйста! — повторилъ Александръ.

— Ой, баринъ, какой вы право: всѣ въ паненьку... — проговорилъ Петруша.

— А чтожъ?

— Да такъ-съ. Баловникъ тоже, покойный, свѣтъ былъ.

— Ну, если папенька дѣлалъ, такъ отчего-же и мнѣ нельзя?

— Извѣстно-съ! отвѣчалъ гайдукъ съ совершенно искреннимъ лицомъ.

Подойдя къ усадьбѣ, Александръ опять повторилъ ему:

— Ты сегодня-же переговори.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ неторопливо Петруша.

— Сейчасъ-же.

— Слушаю-съ! повторилъ еще разъ Петръ. Ему впрочемъ, несовсѣмъ, кажется, хотѣлось исполнять это щекотливое порученіе.

Александръ, придя въ домъ, въ свою комнату, и сбросивъ свой охотничій костюмъ, сталъ, въ волненіи, ходить взадъ и впередъ. Окна кабинета выходили на красный дворъ. Онъ безпрестанно заглядывалъ въ нихъ, все поджидая Петра, который сначала прошелъ къ себѣ въ избу, а оттуда не скоро выйдя, прошелъ, наконецъ, и на дворъ.

— Ты туда? выкрикнулъ ему полушопотомъ Александръ.

Петръ мотнулъ ему, вмѣсто отвѣта, головой. Въ

это время выплыла на дворъ Аполлинарія Матвѣевна погулять. Александръ спрятался за косякъ, чтобъ она не увидала его и не вступила съ нимъ въ разговоръ. Петръ не возвращался съ полчаса. Наконецъ онъ показался. У Александра сердце замерло. Петръ сначала прошелъ кругомъ всего двора, а потомъ, будто случайно, повернулъ и вошелъ въ горницы.

— Ну что? спросилъ Александръ съ захватывающимъ дыханіемъ.

Выраженіе лица Петруши было мрачно.

— Говорилъ-съ! Дуры, вѣдь!

— Чтожъ она говоритъ?

— Да своей матки и вашей маменьки опасаются...

— Да какъ же онѣ узнаютъ?

— Толковалъ ей-съ... понимаетъ развѣ что-нибудь!

— Ты денегъ ей обѣщай.

— Что деньги-то? И толку, чай, въ нихъ еще не знаетъ!

— Ну, хорошо же, произнесъ Баклановъ, ложась въ волненіи на диванъ.

— Не переговорите ли вы лучше сами-съ! — произнесъ Петруша, послѣ короткаго молчанія.

— Да гдѣ-жъ я ее, къ чорту, увижу!

— Цѣлый день она торчитъ на пруду одна, утокъ стережетъ.

— Хорошо, тамъ увидимъ. Ступай... На тебѣ, сказалъ Баклановъ, давая своему повѣренному рубль серебромъ.

Тотъ съ удовольствіемъ его принялъ и ушелъ.

По его уходѣ, въ комнату влетѣлъ было отставшій на охотѣ Пегасъ и хотѣлъ приласкаться къ барину.

— Я тебя, чортъ этакой! закричалъ тотъ, и потянулся за хлыстомъ, чтобъ отдубасить имъ собаку.

Та убѣжала.

Александръ былъ въ очень раздраженномъ состояніи.

На другой день, онъ цѣлое утро ходилъ около гумна и видѣлъ, что Маша дѣйствительно сидитъ тамъ одна на прудѣ; но подойти къ ней онъ не рѣшался и, сѣвъ на прилавокъ у избы, любовался на ея еще не совсѣмъ сформировавшійся станъ, на загорѣлую шею, на тонкое колѣно, обогнутое выбойчатымъ сарафаномъ.

Маша, въ то время, сидѣла и шила. Наконецъ она встала и сама прошла мимо Бакланова.

— Ты куда? домой? — спросилъ онъ ее.

— Да-са-тка-съ! отвѣчала она, потупляясь и вся раскраснѣвшись.

Передъ вечеромъ Петруша спросилъ Бакланова:

— Что, вы видѣли ее-съ?

— Видѣлъ! Но мнѣ рѣшительно невозможно съ ней говорить... Всѣ замѣчаютъ: я хуже ее этимъ обезславлю, если стану ухаживать за ней.

— Это точно что-съ, — сообразилъ Петруша.

— Переговори, Бога ради, ты, обѣщай, что всю семью ихъ я отпущу на волю!

— Понапугать ее хорошенько надобно — вотъ что-съ, произнесъ гайдукъ, и въ самомъ дѣлѣ, должно быть, сказалъ что-нибудь рѣшительное Машѣ, потому что на другой же вечеръ, съ перекошеннымъ отъ удовольствія лицомъ, онъ объявилъ барину:

— Подьте подъ мельницу, въ лѣсокъ, дожидается она тамъ васъ.

Баклановъ побѣжалъ бѣгомъ. Онъ еще издали увидалъ Машу, прижавшуюся къ одному довольно вѣтвистому дереву.

Онъ ее прямо взялъ за обѣ руки.

— Вотъ и прекрасно! бормоталъ онъ задыхающимся голосомъ.

Маша только и говорила:

— Ой, ой, нѣтъ! Ой, что-й-то, ой!

Въ слѣдующія затѣмъ свиданія, Бакланов старался дать ей нѣкоторую свободу и просторъ передъ собой.

— Любила ли ты кого-нибудь кромѣ меня, Маша? спрашивалъ онъ.

— Нѣту-тка... Ничего я еще того не знаю, отвѣчала она.

— А меня любишь?

— Васъ, извѣстно, жалѣю.

„Что это за дурацкое слово: жалѣю,“ подумалъ Александръ.

— Ну скажи, — продолжалъ онъ: — любишь ли ты пѣсни пѣть?

— Нѣтъ, я не горазда, — отвѣчала Маша.

— А въ поле любишь ходить гулять, рвать цвѣты?

Маша съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да коли это? Неколи. Что есть въ праздникъ, и то все за скотиной ходишь, — сказала она.

„Вотъ вамъ и славянки наши во всей ихъ чистотѣ,“ подумалъ Александръ.

— Ну ступай домой! — проговорилъ онъ вслухъ.

Сцена эта происходила въ сушилѣ, — при довольно слабомъ и нѣсколько даже поэтическомъ освѣщеніи одной свѣчки, покрытой абажуромъ.

Маша покорно встала и ушла.

Бакланову немножко сдѣлалось совѣстно.

IX.

Іона Циникъ.

Августовская и сентябрьская охота за дупелями и бекасами была изъ рукъ вонъ плоха, а тамъ пошли дожди, грязь, слякоть. Александръ началъ сильно скучать.

— Такъ жить нельзя! — говорилъ онъ: — одинъ

день наѣшься, выспишься, другой — тоже; три мѣсяца я живу здѣсь, и хоть бы подобіе какое нибудь мысли человѣческой слышалъ кругомъ себя.

Аполлинарію Матвѣевну онъ такъ запугалъ, что та рта разинуть при немъ не смѣла.

— Что это такое, что вы говорите? — почти кричалъ онъ на нее.

— Ну, батюшка, я не буду! — отвѣчала она покорно, и потомъ съ прислугой своею все разсуждала:

— И взглядъ-то, дѣвоньки, у него, точно у покойника барина: словно съѣсть тебя хочетъ!

Разъ, передъ обѣдомъ, подъѣхалъ къ крыльцу чей-то тарантасъ. Александръ чуть не вскрикнулъ отъ радости, и вышелъ на крыльцо, встрѣтить гостя.

Пріѣхавшій былъ имъ нѣсколько родственникъ и довольно близкій сосѣдъ по деревнѣ: Іона Мокеичъ Дѣдовхинъ. По его тридцатилѣтней штатской службѣ, покойный Бакановъ по крайней мѣрѣ разъ пятнадцать парилъ его у себя въ уголовной палатѣ и, по своей мистической терминологіи, называлъ его: Іона Циникъ. Александръ, попреимуществу обрадовался этому гостю, потому что Іона Мокеичъ, сведя уже, по его выраженію, всѣ итоги жизни и бывъ въ земной юдоли не причемъ, то есть будучи окончательно выгнанъ изъ службы, отличался какою-то особенною, довольно занимательною откровенностью и все обыкновенно разсказывалъ про самаго себя.

— Ту, ту, ту, чортова куколка! — говорилъ онъ, хохоча и весело вылѣзая изъ тарантаса.

Александра онъ обнялъ и троекратно поцѣловалъ.

— Ай, грѣховодникъ! какъ это такъ давно не бывалъ! — вскрикнула Іонѣ Мокеичу Аполлинарія Матвѣевна, когда онъ подходилъ къ ней къ рукѣ.

— Небольше твоихъ грѣховъ, кумушка, не больше!.. — отвѣчалъ онъ ей грозя пальцемъ.

— Ну, ужь я думаю!.. — произнесла на распѣвъ Аполлинарія Матвѣевна.

Александръ велѣлъ подавать обѣдать и радушно угощалъ Іону Мокѣича кушаньями и наливками. Тотъ ѣлъ, пилъ, хохоталъ, хохоталъ и пилъ.

— Послѣ обѣда оба они комфортабельнѣйшимъ образомъ разлеглись въ сушилѣ, одинъ на одной постелѣ, а другой — на другой. Прохладный, сентябрскій вѣтерокъ обдувалъ ихъ сквозь немшоныя стѣны.

— Ну, Іона Мокеичъ, разсказывайте что-нибудь, говорилъ Александръ, разстегивая у себя жилетъ отъ полноты желудка.

— Чтожъ тебѣ разсказывать, другъ сердечный?

— Какъ, напримѣръ, вы служили: взятки брали?

— Бралъ! — отвѣчалъ Іона Мокеичъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ поглаживая себѣ животъ.

— И съ вымогательствомъ?

— Съ вымогательствомъ... Часики, братецъ ты мой (и Іона Мокеичъ повернулся при этомъ къ Александру лицомъ), у одного нашего дворянина Каркарева понравились мнѣ; пристalъ я къ нему: „продай, подари!“— „Нѣтъ!“ говоритъ. Только, тѣмъ временемъ, попался къ намъ въ судъ арестантъ-бродяга. „Не приставалъ ли, я говорю, ты у такого-то дворянина Каркарева?“ а самъ тоже не зѣваю: показываю ему изъ-подъ стола въ рукѣ рубль серебромъ. „Приставалъ,“ говоритъ. — „Не такого ли, говорю, у него расположенья домъ?“ — „Точно такого,“ говоритъ. — „А не знаешь ли, говорю, ты его любовницу, — дворовую дѣвицу Евлампію, и не передавалъ ли ты ей завѣдомо краденыхъ вещей? — „Передавалъ,“ говоритъ. Записали все это... Командировали меня. „Ну, говорю, Захаръ Иванычъ, давай-ка, говорю, мы Евлампію-то твою веревками свяжемъ.“ — „Какъ? что такое? говоритъ. Батюшки мои, берите, что хотите.“ — „Часики, говорю; подай!“ Онъ чуть,

сердечный, не сплакалъ отъ досады... Видитъ, что весь карамболь нарочно подведенъ, а дѣлать нечего, принесъ... и часики отличные были... невѣста тогда хорошая изъ-за нихъ за меня пошла... въ нихъ и вѣнчался!..

— Ну, а эта невѣста и будущая жена ваша естественною смертью умерла, или вы ей немножко поспособствовали? — спросилъ Александръ.

— Не очень-то берегъ — это что говорить: попадало ей во все, а паче того въ зубы — капризъ была баба, ухъ какой!

— Ну, а другихъ женщинъ, по службѣ, вы склоняли на любовную связь?

Александръ нарочно задавалъ Іонѣ Мокеичу самые рѣшительные вопросы.

— Склонялъ! — отвѣчалъ Іона, какъ бы ничего этого не замѣчая и не столько, кажется, говоря правду, сколько желая потѣшить разговорами молодаго человѣка.

— Но какимъ же образомъ?

— А вотъ такимъ, — отвѣчалъ Іона: — что попадется при слѣдствіи хорошенькая бабенка: въ избѣ-то, на допросѣ, на нее потопаешь, а потомъ въ сѣни выйдешь за ней, такъ ужъ приласкаешь; и — какъ цвѣточки полевые передъ морозомъ — такъ и гнутъ передъ тобой головки свои!...

— Ну, а благородныхъ побѣждали такимъ образомъ?

— Побѣждалъ и благородныхъ, и какая еще разъ расписанная красавица была: дѣвчонку свою она маленько неосторожно посѣкла; та прямо, съ запекшеюся спиной, къ губернатору. Пріѣхалъ я къ ней. „Ахъ, Боже мой, Боже мой,“ такъ и умоляетъ меня своимъ миленькимъ голоскомъ: „спасите меня, спасите!“ — „Извольте, говорю, сударыня,“ и въ тотъ же день, среди прелестнѣйшихъ долинъ, сыгралъ любви съ ней пантоминъ.

Из фондов российской национальной библиотеки

— Счастливецъ вы! — воскликнулъ Александръ.

— Да, что, братъ, счастливецъ! Что Суворовъ на то говорилъ: разъ счастье, два счастье, а на третій надо же и умѣнье.

— Разумѣется!

— Да, — произнесъ съ самодовольствомъ Іона.

— Ну, а смертоубійства вы покрывали? — спросилъ Александръ, послѣ короткаго молчанія.

Іона Мокеичъ сдѣлалъ нѣсколько болѣе серьезную физіономію.

— Больно я не люблю, какъ лекаришки-то эти пачкаться-то въ мертвецѣ начнутъ... брезгливъ я... изъ за этого много проглядывалъ.

— Ну, а изъ-за деньженокъ, этакъ?

— Гм! — Іона Мокеичъ усмѣхнулся: — Врагъ человѣческій силенъ, соблазнительна эта мзда-то проклятая!... тоже, гдѣ этакъ хорошенькаго-то покойничка поднимешь, гдѣ чувствуютъ и понимаютъ, что ты для нихъ дѣлаешь, — за медикомъ пошлешь хромаго разсыльнаго; онъ и дома-то еле съ печки на полати ходитъ, а до города-то тяпаетъ, тяпаетъ... а ты ему вслѣдъ строжайшія предписанія за нумерами пишешь,— о скорѣйшемъ исполненіи возложеннаго на него порученія. Покойника-то промежъ тѣмъ на солнышкѣ паришь, а не то такъ въ баню топленую на полокъ стащишь: смерть этого ужь не любятъ!

— Отчего же?

— Въ гниль сейчасъ пойдутъ! отвѣчалъ Іона. — Ну, и медики — пьяницы все на-голо былъ народъ; его еще верстъ за пятнадцать до селенія такъ накатятъ, что не то что инструмента въ рукѣ держать (навезетъ тоже съ собой всякой этой срамоты-то), а, пожалуй, и головой въ овинъ не попадетъ. Пишетъ: „мягкихъ частей, по гнилости, освидѣтельствовать нельзя было;“ ну, а кости-то тоже не у всякаго переломаны.

Из фондов Российской национальной библиотеки

При этомъ разсказѣ Александръ не смѣялся.

— Неужели же всѣ чиновники такіе мошенники? — спросилъ онъ.

Но этимъ замѣчаніемъ Іона почему-то обидѣлся.

— Али нѣтъ?... Вотъ хоть бы твой папенька, — грабитель былъ на то изъ первыхъ, — отвѣчалъ онъ.

— Александръ нѣсколько сконфузился.

— Тогда попалась къ нему, — продолжалъ Іона, какъ бы невиннѣйшимъ тономъ: — цѣлая Болковская вотчина подъ судъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій: мужики-то возами возили къ нему деньги. Такъ еще сумлѣвается, настоящія ли! Положите говоритъ, въ ломбардъ да ломбардными билетами мнѣ принесите.“

— Я и отца за это презираю, — отвѣчалъ Александръ, стараясь ужъ прекратить этотъ разговоръ.

— Да ты тамъ презирай али нѣтъ, какъ знаешь, — продолжалъ Іона: — а онъ и усадебку эту, и домъ въ городѣ, все такимъ манеромъ благоустроилъ; только, бывало, и говорилъ всякому: „Ты, говоритъ, не кланяйся мнѣ много разъ, а одинъ да хорошенько.“

— Александръ дѣлалъ видъ, будто не слышитъ и спитъ.

— Не понравилось, видно! — проговорилъ Іона, а самъ тоже, повернувшись къ стѣнѣ, постарался заснуть.

Проснувшись вечеромъ, они оба очень ласково, какъ бы ничего между ними не происходило, заговорили между собой, а потомъ отправились, взявъ съ собой Пегаса и Петрушу, на охоту. Александръ при этомъ убилъ двухъ утокъ, Дѣдовхинъ бекаса, Александръ еще двухъ утокъ, Дѣдовхинъ зайца. Все это еще болѣе оживляло ихъ бесѣду.

— Поѣдемъ-ка, другъ сердечный, завтра въ Дубны на праздникъ, — сказала Іона Мокеичъ. — Помолимся сначала въ церкви Божіей, а потомъ къ ея прево-

сходительству Клеопатрѣ Петровнѣ на обѣдищѣ отправимся.

— А она еще жива?

— Поди-ка, какая еще ядреная: однако, постойка, паря, — сказалъ Іона, уставляя палецъ въ лобъ: — сколько это тому лѣтъ было... въ девяносто седьмомъ году, словно бы она тово... — и при этомъ онъ сдѣлалъ какой-то странный знакъ руками.

— Э, вздоръ какой! — перебилъ Александръ: — у того была одна... извѣстная...

— Вѣрно это, ты не спорь!... тогда, значитъ, когда все это повстрѣчалось (и Іона опять сдѣлалъ какой-то знакъ руками), сыновья и вдовствующая супруга ей и говорятъ: „отправляйтесь-ка, говоритъ, въ деревню...“ Я это ужь помню, на моей памяти, — тысячи полторы душъ тогда за селомъ то записано было... и что опосля того къ ней жениховъ посыпало, Боже ты мой!... Одинъ такъ съ пистолетикомъ въ рукѣ пріѣхалъ и сталъ на колѣни: „или осчастливьте, говоритъ, вашей рукой, или застрѣлюсь!“ Она ему только рукой на портретъ указала: „вотъ, говоритъ, кѣмъ я была любима!“

Къ этому разговору, съ замѣтнымъ вниманіемъ, прислушивался и Петруша.

— Женщина умная, столичнаго тона, — заключилъ съ серьезною миной Іона Мокеичъ.

Ему какъ-будто бы даже и не пристало говорить о такихъ возвышенныхъ предметахъ.

— А оттуда, — продолжалъ онъ гораздо болѣе искреннимъ тономъ: — ко мнѣ. У меня, братъ, въ Кузьмищевской казенной деревнѣ, такія дѣвки — чудо! На посѣдки къ нимъ съѣздимъ!

— Хорошо, — отвѣчалъ Александръ, и когда они пришли въ усадьбу, онъ ушелъ въ свой кабинетъ и все думалъ: въ его воображеніи невольно рисовалась эта нѣкогда бывшая фрейлина, можетъ быть когда-то хоро-

шенькая, молоденькая, рисовались украшающіе ее фижмы, парикъ и красные каблуки.

X.

Храмовой праздникъ.

Храмовой праздникъ въ селѣ Дубнахъ былъ, какъ видно, не маловажнымъ событіемъ.

Съ ранняго утра, по замерзшей нѣсколько, на утреннемъ холодкѣ, дорогѣ, ѣхали мужики въ раскрашенныхъ телѣжкахъ, съ раскрашенными дугами, въ картузахъ и синихъ кафтанахъ, съ женами, тоже въ синихъ поддевкахъ, красныхъ платкахъ и красныхъ сарафанахъ. Мужики, посѣрѣй, ѣхали верхами, а между пѣшеходами были все больше женщины въ котахъ и съ поднятыми подолами; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были грудные младенцы на рукахъ.

На красномъ дворѣ въ Лапухахъ, кучеръ Ѳома, въ красной рубахѣ, съ расчесанною бородой и намасленною головой, хлопоталъ около выкаченной изъ сарая прекрасной четверомѣстной коляски, а другой подкучерокъ мылъ, чистилъ и расплеталъ гривы у четырехъ вороныхъ лошадей. Видно, что приготовлялся самый парадный выѣздъ, заведенный еще покойнымъ Баклановымъ. Александръ одѣвался въ своей комнатѣ. Вдругъ къ нему заглянула въ дверь въ новой юпкѣ, папкльоткахъ и чепцѣ Аполлинарія Матвѣевна.

— Мнѣ можно съ тобой, душенька, ѣхать? — спросила она.

— Это что еще такое, почти воскликнулъ Александръ: — вы тутъ боитесь; кричать начнете въ дорогѣ... очень весело съ вами ѣздить!

— Ой, да Клеопатра-то Петровна больно, было, меня звала.

— Ну, такъ и поѣзжайте однѣ, а я не поѣду! — возразилъ Александръ, бросая съ гнѣвомъ на столъ щетку и гребенку. Ему стыдно было ѣхать съ матерью.

Та, по обыкновенію, струсила.

— Нѣтъ, коли ужь такъ, я лучше не поѣду, — сказала она смиренно и, придя въ свою комнату и снявъ съ себя парадный чепчикъ, горестно усѣлась подъ окошечкомъ.

„Глупа-то я больно, что-ли батюшки, ни отъ кого-то мнѣ житья на свѣтѣ нѣтъ, и отъ сынка-то что есть?“ спрашивала она себя, и затѣмъ залилась обильнѣйшими слезами, что въ этакой праздникъ она и въ церкви Божіей не побываетъ.

Іона Мокеичъ, тоже во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и съ новымъ картузикомъ въ рукахъ, бывъ свидѣтелемъ всей этой сцены между сыномъ и матерью, слегка улыбался и поматывалъ, въ раздумьѣ, головой.

Александръ былъ готовъ. Костюмъ его состоялъ изъ чернаго фрака, изъ бархатнаго коричневаго, по тогдашней модѣ, жилета; курчавые волосы его были красиво зачесаны назадъ. Выходя, онъ накинулъ на себя подбитый настоящимъ бархатомъ плащъ-альмавиву и, живописно раскинувъ на плечахъ его отвороты, сѣлъ, нѣсколько развалясь, въ коляску, и съ удовольствіемъ полюбовался толстою спиной молодцоватаго кучера. Гайдукъ Петръ, тоже въ новой, съ иголочки, ливреѣ, вскочилъ на запятки. За нимъ вслѣдъ смиренно ѣхалъ Іона Мокеичъ въ своемъ тарантасишкѣ. Александръ его не пригласилъ сѣсть съ собой изъ того же чувства, по которому не взялъ и мать.

Экипажъ, быстро везомый четырьмя добрыми конями, слегка и ровно покачивался. Александръ, завернувшись въ свой плащъ и скрестивъ руки, глядѣлъ и посматривалъ на всѣ окрестности. Въ жизни немного такихъ положеній, которыя бы, какъ ѣзда по деревенскимъ доро-

гамъ, въ хорошемъ экипажѣ и на бойкихъ лошадяхъ, могли настолько возбуждать въ человѣческомъ сердцѣ чувство гордости. „Я сквайръ... пропріетеръ... Все это, что ни идетъ, ни встрѣчается, все это ниже меня,“ самолюбиво отзывалось въ молодой душѣ Александра. „Я, пріѣхавъ въ церковь, — думалъ онъ, — или тамъ на обѣдъ къ какой-нибудь Фефелѣ Ивановнѣ, вѣроятно, буду лучше всѣхъ одѣтъ. Я могу жить, ничего не дѣлая и ни въ комъ не нуждаясь... Я знаю науки, а тутъ никто ни одной. Тамъ, можетъ быть, я встрѣчу какую-нибудь маленькую, недурненькую собой даму; она влюбится въ меня, потому что мужъ у нея уродъ, такъ какъ они всѣ уроды...“ Но всѣ эти самолюбивыя мысли сразу прошли, когда изъ-за недальней горы показался справа огромный каменный домъ Клеопатры Петровны, а слѣва — садъ другаго владѣльца села Дубновъ, помѣщика Спирова. Посреди всего этого виднѣлась церковь, около которой кишмя-кишѣлъ народъ. Александръ почувствовалъ даже робость. Онъ хоть и считалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ, но въ сущности былъ, какъ всѣ поумнѣе молодые люди, очень застѣнчивъ.

— Іона Мокеичъ, вы что тутъ сидите, пересядьте ко мнѣ! — говорилъ онъ, велѣвъ кучеру остановиться.

Онъ уже чувствовалъ нѣкоторую необходимость въ покровительствѣ своего стараго сосѣда.

— Да чтожъ ты всю дорогу-то, чертенокъ, молчалъ и заставилъ меня трястись въ тарантасишкѣ! — отвѣчалъ тотъ, вылѣзая изъ своего экипажа и пересаживаясь въ коляску.

Вскорѣ они въѣхали въ село.

— Ну, братъ, нѣтъ, въ церковь не продерешься...— проговорилъ Іона.

И въ самомъ дѣлѣ, отъ храма до самой ограды тянулся цѣлый хвостъ народу, или, лучше сказать, бабъ, которымъ негдѣ ужь было помѣститься въ церкви.

— Куда-жъ мы пойдемъ: къ Клеопатрѣ Петровнѣ или къ Спировымъ? спросилъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ Александръ.

— А вотъ потолкаемся пока по базару, — отвѣчалъ тотъ, и совершенно спокойною и привычною походкой началъ проходить между народомъ.

Александръ слѣдовалъ за нимъ.

На плохо огороженномъ кладбищѣ, обсаженномъ нѣсколькими березками, на могильной плитѣ, сидѣли съ горестнѣйшими лицами двѣ старухи-крестьянки.

— Ну-ка, матушка, — говорила одна печальнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ другая тоже простанывала:— только глазки-то она закатила...

Александръ думалъ, что, сидя на человѣческомъ кладбищѣ, онѣ вспоминаютъ о какой-нибудь ихъ дочери или внучкѣ.

— Потянула я за хвостикъ-то, а она ужь и не жива!... — заключила говорившая.

Старухи разговаривали о коровѣ.

Вдругъ его толкнулъ въ бокъ Іона Мокеичъ. Александръ обернулся и самъ чуть не вскрикнулъ.

Опершись на ограду и нѣсколько склонившись на нее стояла невдалекѣ молодая, высокая крестьянка. Отъ нея отъ всей, какъ отъ Гоголевской Аннунціаты, красота такъ и блистала во всѣ стороны.

— Какова птичка-то? — произнесъ Іона.

Александръ все еще не могъ отвести глазъ.

Крестьянка, между тѣмъ, замѣтивъ, что на нее смотрятъ, не столько, кажется, изъ стыдливости, сколько изъ солидности, опустила глаза въ землю, и наклонивъ нѣсколько голову, пошла неторопливо въ другую сторону.

— Это изъ Кузмищева... На посѣдкахъ, мы, можетъ быть, увидимъ ее.

— Ахъ, пожалуйста! — произнесъ Александръ.

Съ кладбища они прошли на базаръ, съ выстроен-

Из фондов Российской национальной библиотеки

ными на скорую руку деревянными лавочками, въ которыхъ съ испитыми лицами, въ нанковыхъ сюртукахъ и по большей части рыжеволосые торговцы торговали краснымъ товаромъ.

— Мадамъ! мадамъ! — говорилъ одинъ изъ нихъ, зазывая толстую бабу, съ разинутымъ ртомъ проходившую мимо лавки.

— Вы будьте спокойны: въ трехъ щелокахъ стирайте, не полиняетъ! — увѣрялъ другой нѣсколькихъ бабъ, съ недовѣріемъ смотрѣвшихъ, какъ онъ прикидывалъ на аршинъ пумящій ситецъ.

Въ церкви на колокольнѣ зазвонили къ молебну. Весь почти народъ перекрестился, а въ томъ числѣ и торговецъ съ разными сластями, который только что пояснилъ двумъ горничнымъ, стоявшимъ передъ нимъ и покупавшимъ у него пряники:

— Было у меня, сударыни, дочекъ семь бочекъ; самъ не почалъ, такъ чортъ началъ.

— Ахъ, Боже мой, скажите! — говорили горничныя.

— Да-съ, — продолжалъ торговецъ: — была у меня жена Маланья, варила мнѣ супъ изъ крупъ, что тротуары посыпаютъ.

Горничныя смѣялись.

— Всѣхъ бы я васъ, миленькія, обзолотилъ и брилліантами изуставилъ, одно только мѣсто пустымъ оставилъ! — заключилъ торговецъ.

Горничныя совсѣмъ фыркнули отъ смѣха.

— Охъ, вы, пряничницы! — погрозилъ имъ пальцемъ, проходя, Іона Мокеичъ.

— Нельзя, сударь, Іона Мокеичъ, отвѣтилъ за нихъ торговецъ: — гдѣ ужь, батюшка, обозы, такъ и козы.

Передъ мужикомъ, продававшимъ лемехи, гвозди, серпы, Дѣдовхинъ остановился.

— Я, братъ, твоими-то косами тебѣ бороду выбрѣю! Хочешь?

Из собрания Российской национальной библиотеки

Но мужикъ, кажется, этого не хотѣлъ.

— Что же такъ-съ? — спросилъ онъ.

— Да тупѣе моего языка.

— По каменьямъ-то, Іона Мокеичъ, какъ станете косить, такъ всякая иступится... Выгодчикъ тоже! — прибавилъ мужикъ, когда Дѣдовхинъ былъ уже довольно далеко: — и около чужихъ всѣхъ пней ладитъ выкосить траву.

Александръ продолжалъ думать о красивой бабѣ.

На большой дорогѣ они увидѣли, что растрепанный мужикъ ползъ на четверенькахъ.

— Что, паря, преклонилъ ужь Господь? Словно рано бы еще! — замѣтилъ Іона Мокеичъ.

— Порра! — произнесъ мужикъ съ ожесточеніемъ и, повалившись вверхъ животомъ, закрылъ въ изнеможеніи глаза.

— Ну-те, ребята, нарвите крапивки, да подъ рубашку ему... — посовѣтовалъ Іона Мокеичъ стоявшимъ вблизи, въ красныхъ рубахахъ, мальчишкамъ.

Тѣ этому очень обрадовались, сейчасъ же нарвали крапивы и насовали мужику за платье. Мужикъ поочувствовался, принялся себя чесать съ ожесточеніемъ, а потомъ бросился за шалунами, но на первыхъ же шагахъ упалъ и опять было обезпамятѣлъ. Мальчишки, которымъ Іона Мокеичъ снова подмигнулъ, опять насовали ему крапивы. Мужикъ всталъ и уже гораздо тверже побѣжалъ за ними.

— Я и себя всегда такъ велю дома отрезвлять. Отличнѣйшій способъ! — объяснилъ Іона Мокеичъ Александру, и потомъ они пошли къ дому Клеопатры Петровны.

— Хозяйка вѣрно въ церкви! — предостерегъ было его Александръ.

— О, чортъ! Велика важность! — отвѣчалъ Іона, и дерзко отворилъ тяжелыя дубовыя двери.

На довольно парадной лѣстницѣ они увидѣли сходящую комнатную женщину съ маленькимъ платочкомъ на головѣ.

— Пожалуйте-съ! — пригласила она ихъ.

— Ахъ, благодаримъ покорно! — отвѣчалъ Іона тоже въ тонъ ей тоненькимъ голоскомъ. — Что это, душенька, животикъ-то у тебя словно поприпухъ, — прибавилъ онъ.

— Ай, батюшка, Іона Мокеичъ, все-то вы шутите!— проговорила женщина, уходя раскраснѣвшись въ корридоръ подъ лѣстницей.

Путники наши вошли, наконецъ, въ залу съ двойнымъ свѣтомъ и съ историческою живописью на потолкѣ. Потомъ они прошли малую гостиную, среднюю и остановились въ большой гостиной. Александру невольно кинулся въ глаза огромный портретъ императора Павла, въ золотой рамѣ и убранный балдахиномъ.

Мебель была хоть и старинная и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже бѣлая съ позолотой, но вездѣ обитая или штофомъ, или барканомъ. Вся эта барская роскошь начала еще болѣе тревожить Александра.

— Чтожъ мы будемъ тутъ дѣлать? — спросилъ онъ своего товарища, преспокойно расхаживавшаго и преспокойно на все поглядывавшаго.

— А вотъ ужь и подходятъ изъ церкви, — отвѣчалъ онъ.

По деревяннымъ мосткамъ, идущимъ отъ самой церкви до дому, дѣйствительно, два лакея, въ огромныхъ, треугольныхъ шляпахъ, надѣтыхъ поперекъ, вели подъ руку самое старую фрейлину, совсѣмъ сгорбившуюся, но еще въ букляхъ и въ роскошнѣйшемъ платьѣ. Вслѣдъ за ней, скромно приложивъ руки къ груди, шли двѣ ея приживалки, одна Алина, другая — Полина.

Старуха проходила свои огромныя залы, съ длинными зеркалами, все склоняя голову, какъ-бы кланяясь

на парадномъ выходѣ; наконецъ въ гостиной, увидѣвъ живыхъ людей, она проговорила:

— Здравствуйте!

Іона Мокеичъ поспѣшилъ раскланяться и представить ей Александра.

— Аполлинарьи Матвѣевны сынъ! — сказалъ онъ.

— Вотъ какой ужь большой сталъ. Здравствуйте! — проговорила ему старуха.

— Какъ здоровье моего ангела Аполлинаріи Матвѣвны? — спросила одна изъ приживалокъ, закатывая глаза.

— Слава Богу! — отвѣчалъ Александръ! Пріемъ этотъ нѣсколько удивилъ его. Все-таки, видно, здѣсь знаютъ его мать, а не его!

По мосткамъ въ это время шли еще двое господъ, старый генералъ съ приподнятыми плечами, зачесанными вверхъ бакенбардами, съ усами, торчащими прямо, и маленькимъ хохломъ на плѣшивой головѣ. И между тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ какъ-бы весь подавался вверхъ, ноги его, въ плисовыхъ сапогахъ, почти не поднимаясь, шаркали по мосткамъ. Рядомъ съ нимъ шелъ прямой господинъ, совсѣмъ какъ-бы неимѣвшій способности гнуться и какъ-бы насаженный на желѣзный стержень.

— Добраго дня! — сказалъ генералъ, войдя и подавая руку Іонѣ, но необертываясь, впрочемъ, къ нему лицомъ. — Гдѣ хозяйка?

— Сейчасъ выйдетъ, ваше превосходительство, — поспѣшилъ отвѣтить Іона Мокеичъ.

Генералъ сѣлъ на диванъ, на то мѣсто, гдѣ обыкновенно садятся дамы.

Лакеи стали ставить закуску.

Высокій господинъ сталъ около доходящаго до полу окна и приложилъ шляпу къ колѣну.

Александръ, не безъ удивленія, замѣтилъ, что фракъ

на этомъ гостѣ сидѣлъ гораздо лучше, чѣмъ на немъ; сукно было гораздо высшаго сорта, а покрой чистѣйшаго англійскаго свойства. По скромному его и тоже, должно быть, дорогому жилету изящно пролегала платиновая цѣпочка.

— Кто это такой? — спросилъ онъ Іону Мокеича.

— Князь Темиръ-Подольскій, — отвѣчалъ онъ.

У Александра опять немного сердце сжалось конфузомъ.

Но по мосткамъ шелъ еще новый франтъ, также щегольски одѣтый; но только онъ шелъ гораздо развязнѣе и, заботливо оглядываясь изъ стороны въ сторону, имѣлъ на глазахъ pince-nez.

Александръ Бога возблагодарилъ, что онъ невзялъ своего pince-nez.

— Ну, да, да! — говорилъ этотъ новый гость, входя въ гостиную, и потомъ прямо подошелъ къ генералу.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, накупилъ косъ, ремней, граблей!

— Такъ, такъ, прекрасно! — говорилъ покровительственно генералъ.

— Нельзя, ваше превосходительство, ни у отца, ни у матери моей, ни у дѣда не бывало, — а у меня овесъ самъ-пятнадцать пришелъ.

— Прекрасно! прекрасно! военный человѣкъ на все, выходитъ, способенъ!

— На все, ваше превосходительство! — подхватилъ весело вошедшій господинъ.

Въ душѣ Александра невольно шевельнулась зависть.

„Въ самомъ дѣлѣ, военный человѣкъ не способнѣе-ли на все?“ подумалъ онъ.

Вошла Спирова, въ чепцѣ съ бантами и шелковомъ платьѣ. Дама эта была хоть и худощава, но чрезвычайно, должно быть, полнокровна.

— Ухъ, какъ жарко въ церкви! — сказала она.

— Да, — подтвердилъ генералъ.

М-me Спирова вынула батистовый платокъ и стала имъ обмахиваться, произведя при этомъ сильный запахъ пачулей.

Александра и это удивило.

„Здѣсь и духи эти модные знаютъ?“ спросилъ онъ себя мысленно.

Между тѣмъ господина въ pince-nez онъ опять уже увидѣлъ на площади, толкающагося посреди мужиковъ.

„Счастливецъ! а наше отвратительное университетское образованіе, къ чему оно готовитъ человѣка?“ подумалъ Александръ.

Хозяйка, наконецъ переодѣвшись въ болѣе легкое платье, но, попрежнему, въ блондовомъ чепцѣ и букляхъ, появилась, въ сопровожденіи своихъ приживалокъ.

— Что-же вы, подавайте! — сказала она, кинувъ привычно строгій взглядъ на стоящихъ у притолокъ лакеевъ.

Тѣ мгновенно схватили со стола подносы и стали подносить небольшому числу гостей.

— Кушай, батюшка! — сказала старуха, садясь около генерала.

— Ѣмъ! — отвѣчалъ тотъ.

Онъ, дѣйствительно, не давъ еще унести подноса, взялъ и наложилъ себѣ на тарелку паштета.

— Кто это? — спросилъ онъ хозяйку полу-на-ухо, показывая на Александра.

— Аполлинарьи Матвѣвны сынокъ! почти крикнула ему та. Генералъ былъ сильно глуховатъ.

Александръ выходилъ изъ себя отъ такой нецеремонной рекомендаціи: опять и вездѣ упоминалась Аполлинарія Матвѣевна; но старый генералъ, лично имъ заинтересовавшійся, больше еще ему нравился. Онъ рѣшился съ нимъ заговорить. Замѣтивъ, что не вдалекѣ

отъ него осталось свободное мѣсто, онъ подошелъ и сѣлъ.

— Вы не были у обѣдни? — спросилъ его довольно ласково старикъ.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ довольно поздно... ужь къ великому таинству.

— Къ какому это великому таинству? — спросилъ генералъ, сдѣлавъ руками знакъ удивленія.

— Да въ обѣднѣ-съ!

— Въ обѣднѣ есть великій выходъ, а не таинство... Какъ-же вы этого не знаете, молодой человѣкъ? а, а, а! — сказалъ, качая головой, старикъ.

Александръ, и самъ очень хорошо видѣвшій, что, по торопливости своей, совралъ, сначала было заспорилъ, что есть...

— Да нѣтъ-же! Неужели васъ и этому не научили? а-а-а! произнесъ рѣшительно генералъ.

Александръ готовъ былъ провалиться сквозь землю, но, къ вящему еще страданію его, лакей раскрылъ зеленый столъ. Іона Мокеичъ разнесъ карты себѣ, хозяйкѣ, генералу и князю Подольскому. Они сейчасъ-же сѣли, оставивъ Александра съ дамами.

Разговаривать со Спировой и двумя приживалками Александръ рѣшительно не хотѣлъ, но тѣ, впрочемъ, и сами скоро ушли во внутреннія комнаты, такъ что онъ остался совершенно одинъ.

Онъ ходилъ, глядѣлъ въ окно, сидѣлъ на мѣстѣ, подходилъ къ игрокамъ, и все это такъ было глупо, что онъ готовъ былъ этого проклятаго Іону прибить за то, что онъ привезъ его къ подобнымъ скотамъ. Наконецъ, судьба какъ-бы сжалилась надъ нимъ; къ крыльцу подъѣхалъ экипажъ съ дамами, съ которыми Александръ непремѣнно рѣшился познакомиться и даже начать за ними ухаживать. Онѣ вскорѣ вошли въ гостиную: мать какъ-то изподлобья и злобно посматривала на всѣхъ, а

дочери, сначала одна, а потомъ другая, вернули хвостомъ передъ хозяйкой и затѣмъ скрылись вмѣстѣ съ маменькой.

Къ крыльцу подъѣхалъ еще экипажъ. Генералъ, вытянувъ свой взглядъ на окно, проговорилъ:

— Это, должно-быть, гг. офицеры!

Изъ тарантаса, въ самомъ дѣлѣ, вышли три офицера. Одинъ изъ нихъ, и собой очень невзрачный, и далеко ужь не умнаго лица, шумно вошелъ въ гостиную, расцѣловалъ у хозяйки ручку, сѣлъ около нея и сталъ учить ее играть въ карты, а двое другихъ, тоже очень развязно поклонившись хозяйкѣ, черезъ пять-же минутъ, какъ видѣлъ Александръ, разговаривали съ барышнями, на секунду вернувшими хвостами въ гостиной.

Видимо между всѣми этими людьми были общіе интересы и протекала общая жизнь; одинъ только герой мой былъ тутъ какъ отрѣзанный ломоть.

За обѣдомъ всѣ усѣлись по приличнымъ имъ мѣстамъ — даже Іона затесался чуть-ли не рядомъ съ хозяйкой, а Александръ очутился въ самомъ заднемъ концѣ, между попами. Въ продолженіе всего обѣда онъ былъ мраченъ до неприличія.

Когда встали наконецъ изъ-за стола, и въ лакейской заиграли полковые музыканты, привезенные офицерами, Александръ сейчасъ-же взялъ шляпу и подошелъ къ хозяйкѣ.

— Что-й-то батюшка, куда это? — спросила та его.

— Матушка не такъ здорова.

— А! — произнесла старушка, какъ видно, совершенно принявъ въ уваженіе подобную причину.

Александръ сѣлъ въ коляску.

Кучеръ Ѳома и гайдукъ Петруша были мрачны.

Они никакъ не ожидали, что баринъ такъ скоро уѣдетъ съ праздника, а потому не успѣли еще обойти деревню и закатить хорошенько.

— Когда-жъ на посѣдки-то?—крикнулъ Александру съ балкона Іона Мокеичъ.

— Послѣ какъ-нибудь, — отвѣчалъ тотъ, и велѣлъ скорѣе ѣхать.

„Чтожъ это такое?“ разсуждалъ онъ самъ съ собою, проѣзжая довольно темнымъ лѣсомъ.

Онъ очень хорошо понималъ, что былъ въ самомъ аристократическомъ деревенскомъ кругу.

„Или они глупы, или я!“ рѣшалъ онъ мысленно.

„Они!“ позволяемъ мы себѣ успокоить молодаго человѣка.

XI.

Іона Мокеичъ дома.

Александръ, не зная чѣмъ себя занять, началъ безпрестанно думать о красивой женщинѣ, видѣнной имъ на базарѣ въ Дубнахъ. Разъ, послѣ обѣда, онъ вдругъ надѣлъ на себя полный охотничій костюмъ, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ къ Іонѣ Мокеичу.

Циникъ жилъ отъ нихъ верстахъ въ десяти.

Въѣхавъ въ перелѣсокъ и подъѣзжая къ одному изъ овражковъ, Александръ сталъ попридерживать своего довольно сердитаго коня. Тотъ отъ этого еще больше и красивѣе сталъ раскидывать свои переднія ноги. Когда надобно было подниматься изъ оврага, Александръ вдругъ опустилъ поводья, нагнулся надъ сѣдломъ и, крикнувъ, выхватилъ свой охотничій ножъ и понесся маршъ-маршъ! Потомъ вдругъ опять останавливалъ лошадь съ-разу и снова несся. Въ эти минуты онъ воображалъ себя черкесомъ — доказательство, что еще былъ молодъ душою.

Дмитровка — жилище Іоны Мокеича, находилась въ сельцѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ домовъ бѣдныхъ дворянъ. Его же собственно усадьба отдѣлялась отъ про-

Информационно-библиотечный центр Российской национальной библиотеки

чихъ высокимъ тыномъ и отличалась довольно большимъ садомъ, въ которомъ прятался хоть и низенькій, но довольно широкій домъ, и своею оттого нѣсколько таинственною наружностью какъ бы говорилъ, что онъ заключаетъ въ себѣ хоть и стараго, но великаго грѣшника.

Іона Мокеичъ увидалъ Александра еще изъ окна.

— А, солнышко красное! — сказалъ онъ, отворяя ему двери.

Самъ онъ былъ одѣтъ въ какихъ-то турецкихъ шароварахъ, въ туфляхъ и въ ермолкѣ.

Александръ былъ въ первый еще разъ у него въ домѣ.

— Это вотъ моя гостиная, а это моя пустынническая спальня,— говорилъ Іона, вводя гостя въ свое довольно уютное помѣщеніе.

— А тамъ,— продолжалъ онъ совершенно тѣмъ же тономъ, показывая на заднюю половину дома — тамъ мой сераль.

— Сколько-же женъ у васъ? — спросилъ его Александръ.

— Три всего... по состоянію, братецъ!.. Что дѣлать, больше не могу,—отвѣчалъ Іона, пожимая плечами.

— Это что такое! — продолжалъ Александръ, останавливаясь передъ довольно большою, масляными красками написанною картиной, изображающую нагую женщину.

— Подареніе твоего отца!—отвѣчалъ Іона Мокеичъ. — Этакого, говоритъ, сраму нигдѣ, какъ у Іоны въ комнатахъ, и держать нельзя! Но это, братъ, что! а вотъ гдѣ штука-то! — прибавилъ онъ и, взявъ Александра за руку, ввелъ въ спальню и тамъ показалъ ему уже закрытую занавѣской картину.

Александръ сейчасъ-же отвернулся.

— Что за мерзость! — произнесъ онъ: — хоть-бы вы рисовать-то велѣли получше, покрасивѣе, а то чудовища какія-то!

— По состоянію! — отвѣчалъ и на это Іона: — но что тутъ, другъ сердечный, рисованье! продолжалъ онъ:— одно только напоминаніе, а тамъ ужь, какъ это по вашему, по ученому сказать, добавлять надо своими фантазеріями!

— А чтожъ мы на посѣдки ѣдемъ?—спросилъ Александръ.

— Непремѣнно. Марѳуша! — крикнулъ Іона Мокеичъ, пріотворивъ маленькую дверь въ сосѣднюю комнату:—дай-ка намъ наливочки!

— Что! къ чему это послѣ обѣда!

— Наливки-то? Да, вѣдь, ее всегда можно; это не водка,—успокоилъ его Іона Мокеичъ.

Марѳа, лѣтъ двадцати дѣвка, съ толстыми губами и грудями, принесла на подносѣ бутылку наливки и двѣ рюмки, и все это поставила на столъ.

— Честь имѣю рекомендовать: это главная моя султанша! — объяснилъ о ней Іона Мокеичъ.

Марѳа при этомъ хоть бы бровью повела. Она, видно, совершенно привыкла къ подобной рекомендаціи, и съ такимъ же лицомъ, съ какимъ пришла, съ такимъ и ушла.

— Какая женщина, у! — дополнилъ о ней еще Іона Мокеичъ.

— Вѣроятно! — подтвердилъ Александръ.

— У!.. — повторилъ Іона, и заставилъ Александра выпить рюмку наливки.

Тотъ выпилъ и чуть не выплюнулъ назадъ, говоря:

— Она совсѣмъ неподслащена!

— Совершенно! — подтвердилъ и Іона.—Сахаръ вѣдь искусственная вещь... букету ужь при немъ такого нѣтъ, а тутъ сама натура, какъ есть.

— Какой тутъ, чортъ, букетъ.

— Нѣтъ, ты попробуй, выпей-ка еще одну, такъ и увидишь, что такъ надо.

Изображение российской национальной библиотеки

Александръ отнѣкивался было.

— Да полно, что-й-то, выпей!.. — произнесъ Іона, какъ-бы нѣсколько обидѣвшись.

Александръ выпилъ и, въ самомъ дѣлѣ, не съ такимъ отвращеніемъ.

— А что, мы скоро поѣдемъ на посѣдки? — сказалъ онъ.

Въ головѣ у него начинало пошумливать.

— Все надо, другъ милый, по порядку, чинно, неторопясь,—отвѣчалъ Іона Мокеичъ; самъ онъ пилъ уже четвертую рюмку. — Гаврюха, Гаврюха! — подкликнулъ онъ, стуча въ окно, проходившаго мимо высокаго мужика.

Тотъ вошелъ въ комнату. Это былъ его собственный ткачъ Гаврила, сначала, по наружности, смотрѣвшій очень обыкновеннымъ человѣкомъ.

— Во-первыхъ, скажи ты мнѣ, милый человѣкъ, — спросилъ его баринъ:—что въ Кузмищевѣ начались посѣдки?

— Начались-бы словно, — отвѣтилъ тотъ довольно громко.

— Тсъ!.. тише! — крикнулъ ему шепотомъ Іона Мокеичъ и отнесся къ Александру:—не любитъ у меня этого моя главная-то барыня. „Дома, говоритъ, что хошь дѣлай,—по чужимъ мѣстамъ, по крайности, не срамись!“

— Ну, другъ милый,—обратился онъ снова къ Гаврилѣ:—вотъ тебѣ мои ключи драгоцѣнные, поди ты потихоньку отъ Марѳуши... я ее вызову сюда, будто одѣвать себя... возьми ты тамъ въ чуланѣ четыре бутылочки наливки, пряничковъ, изюму, орѣшковъ; положи все это въ корзиночку, поставь ты ее подъ бесѣдку, въ мою, знаешь, тележку, запряги ты мнѣ ворона коня и выѣзжай къ намъ къ крыльцу.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Гаврила, видимо съ полною готовностью, и вышелъ.

— Безцѣнный насчетъ этого человѣкъ! хоть три ночи простоитъ, гдѣ ужь скажешь,—не тронется!—объяснилъ и объ немъ Іона Мокеичъ, а затѣмъ вышелъ, позвалъ Марѳу и сильно, какъ было слышно черезъ перегородку, старался занять ее самыми разнообразными разговорами.

Черезъ полчаса, они уже сидѣли: Александръ верхомъ на своемъ конѣ, а Іона Мокеичъ и Гаврила въ тележкѣ. Марѳа провожала ихъ на крыльцо.

— Когда ждать-то прикажете? Куда это поѣхали?—спрашивала она.

— Да вотъ къ нему, погостить ненадолго!—отвѣчалъ Іона Мокеичъ смиренно.

Несмотря на вольнодумный характеръ, онъ, кажется, находился въ сильныхъ лапахъ у своей главной султанши.

Когда два наши рыцаря, съ своимъ могучимъ оруженосцемъ, тронулись на свои романическія приключенія, Марѳа проговорила, зѣвая во весь ротъ:

— Какой тотъ молоденькій-то баринъ смазливый, не то, что нашъ плѣшивый чортъ!

XII.

Посѣдки.

Кузмищево, казенная деревня, расположенная по большой дорогѣ, тянулась въ длину версты на двѣ. Во всѣхъ окнахъ избъ мелькали огоньки, и въ одной изъ нихъ, довольно большой, свѣтъ былъ какъ-то по-ярче. На улицѣ была совершенная тишина: изрѣдка проѣдутъ запоздалые извощики, или выведетъ кто-нибудь изъ мужиковъ лошадь попоить къ колодцу, или, наконецъ, быстро промелькнетъ какая-нибудь женская тѣнь съ пряслицей и устремится къ этой именно избѣ. Александръ и Іона Мокеичъ, выѣхавъ откуда-то съ задовъ, тоже подъѣхали къ ней.

— Прежде всего, другъ сердечный, надо подкрѣпиться!—сказалъ, кряхтя и вылѣзая изъ своей повозки Іона и вытаскивая изъ корзинки бутылку, изъ которой заставилъ Александра выпить цѣлый стаканъ, а самъ выпилъ два. Потомъ они вошли въ сѣни, оставивъ Гаврилу у лошадей. Въ довольно большой избѣ, по всѣмъ переднимъ лавкамъ, сидѣли молодыя женщины и дѣвушки, по большей части все недурныя собой.

Подъ палатями стояли молодые парни, а нѣкоторые изъ нихъ, попреимуществу, имѣвшіе въ рукахъ гармоники, сидѣли и промежь дѣвушекъ; но тѣ всегда при этомъ старались ихъ выпихнуть и выжить отъ себя.

— Не примете-ли странниковъ, идемъ изъ далекихъ мѣстъ: обносились, обовшивѣли! —сказалъ, входя, Іона Мокеичъ. Корзинку онъ захватилъ съ собой.

Хозяйка избы, довольно еще молодая женщина, сейчасъ-же его узнала.

— Милости просимъ!— сказала она смѣясь, и согнавъ съ одной скамейки ребятишекъ, предложила ее гостямъ.

— Чей такой — молодой-то баринъ? — сказала она Іонѣ, указывая на Александра.

— Дворянинъ Нищинъ, изъ усадьбы Огородова, подъ прясломъ родился, на тычинкѣ выросъ, и теперь на колѣ верхомъ изволитъ русскую землю объѣзжать!..—отрекомендовалъ его Іона Мокеичъ.

— Да полноте, лѣшіе, это изъ Лопуховъ баринъ-то; я видала его... ягоды носила! — толковала другая баба въ толпѣ.

— Какой нарядный! военный, знать!—замѣчали иныя.

Александръ, не безъ удовольствія, видѣлъ, что онъ составляетъ предметъ общаго вниманія. Но, впрочемъ, взглянувъ въ одинъ изъ болѣе темныхъ и многолюдныхъ угловъ, онъ увидѣлъ свою красавицу-крестьянку.

— Здравствуй! мы съ тобой нѣсколько знакомы, — сказалъ онъ.

— Вы мнѣ, что-ль, это говорите?—сказала она пріятнымъ голосомъ.

— Тебѣ... Я тебя видѣлъ и восхищался тобой въ Дубнахъ.

— Гмъ!—усмѣхнулась на это женщина.

Александръ взялъ небольшой деревянный стулъ и сѣлъ противъ нея.

— Ты замужемъ?

— Али нѣтъ! — отвѣчала красавица, кидая на него лукавый взглядъ.

— Гдѣ же у тебя мужъ, въ Питерѣ?

— Въ Питерѣ, чтобъ бока повытерли!—отвѣчали за нее другія бабы и засмѣялись.

Одинъ изъ стоявшихъ подъ полатями парней и какъ-то мрачно на все это смотрѣвшій, подошелъ и зажегъ освѣщавшую лучину посвѣтлѣе. Красавица Александра еще больше выглянула передъ нимъ во всей своей красотѣ.

— О, ты дивно хороша! — воскликнулъ онъ, ерошa свои курчавые волосы.

— Ну, вотъ что! Какой онъ! — говорила смѣясь та.

Іона Мокеичъ, между тѣмъ, ходилъ и угощалъ наливкой.

— Выпей, душенька, — говорилъ онъ, подходя къ Александру.

Тотъ въ сильномъ волненіи и не видя самъ, что дѣлаетъ, выпилъ стаканъ залпомъ, а потомъ другой.

— А, краля писаная! — воскликнулъ Іона Мокеичъ, увидавъ бабу-красавицу. — Ну, выпей!.. Бѣлогрудая, бѣлозубая, пей! — говорилъ онъ ей.

Та отпила немного изъ стакана.

— Ой, не люблю я этого: крѣпкое какое, песъ!

— Да что вы орѣхи-то бережете?.. давай орѣхъ-то,— сказали другія бабы, отъ глаза которыхъ не ускользнули лежащія въ корзинѣ сласти.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— О, сейчасъ! — воскликнулъ Александръ, вскакивая, и схвативъ оттуда цѣлый тюрикъ орѣховъ, поднесъ ихъ и сталъ передъ своей красавицей на колѣни.

— Все тебѣ, царица души моей! все!

— Ой, дѣвоньки, какой онъ! — смѣялись бабы.

Іона Мокеичъ въ это время суетился около другихъ дѣвушекъ и женщинъ.

— Пейте, мои голубушки, пейте! — говорилъ онъ имъ, угощая ихъ пряниками и наливкой. Послѣдняя, впрочемъ, больше за нимъ самимъ оставалась.

„Калинушка съ малинушкой“, затянули наконецъ посидѣльщицы.

„Лазоревый цвѣтъ“, подхватилъ за ними Іона, довольно чистымъ теноромъ.

„Веселая бесѣдушка“, пѣли тѣ.

„Гдѣ милый мой пьетъ!“ ухъ! — допѣвалъ Іона, и затѣмъ такъ расчувствовался, что сѣлъ промежь дѣвушекъ и двухъ, ближайшихъ къ себѣ, обнялъ и сталъ прижимать ихъ къ бокамъ своимъ. Одна изъ нихъ колотила его при этомъ легонько кулакомъ въ голову, а другая подносила къ лицу зажженную куделю. Онъ только отфыркивался и повертывался отъ одной къ другой.

Александръ тоже не отставалъ отъ пріятеля. Онъ декламировалъ передъ своей красавицей.

«Все въ ней гармонія, все диво.
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей.»

Дѣвушки и женщины смѣялись, а парни, напротивъ, все что-то между собой переглядывались, а нѣкоторые даже и перешептывались...

Іона Мокеичъ дошелъ, наконецъ, до полнѣйшаго неистовства: онъ обнималъ, хоть и не старуху, но бе-

Из фондов Российской национальной библиотеки

зобразнѣйшую бабу, и припавъ къ ея плечу головой, началъ для чего-то слегка простанывать. — Охъ, охъ, говорилъ онъ, а потомъ вдругъ вскочилъ и, выхвативъ лучину изъ свѣтца, бросилъ ее на полъ.

Тотъ же мрачный малый быстро подошелъ, поднялъ ее, разжегъ и вставилъ въ свѣтецъ.

— Пошто вы балуете? почти крикнулъ онъ на Іону Мокеича.

— Оставь, погаси ее... погаси ее... — крикнулъ тотъ на него, и опять было потянулся, чтобы погасить лучину.

— Не трожьте ее! Али въ самотко и здѣсь эту срамоту завести хотите? Срамники! проговорилъ парень и оттолкнулъ Іону.

Тотъ наскочилъ и ударилъ его по лицу; парень тоже не остался въ долгу: какъ хватилъ на-отмашь кулакомъ, такъ баринъ и растянулся на полу.

— Что такое? — вскрикнулъ Александръ, приподнимаясь и обертываясь, но все-таки еще оберегая рукой свою красавицу.

Въ это время въ избѣ затрещала рама.

— Барина бьютъ! — раздался голосъ, и въ избу влѣзалъ Гаврила.

Все это было дѣломъ одной минуты.

— Ты что, чортъ, дѣлаешь? обратился онъ прямо къ молодому парню, и оба потомъ, не говоря ни слова, схватились, какъ два дикіе звѣря, и начали возиться по избѣ, издавая повременамъ злобные звуки и ругательства.

— Хорошенько его, хорошенько! — кричалъ съ полу Іона.

— Робя, бьютъ! — произнесъ наконецъ парень, почти съ трескомъ костей упадая на полъ подъ желѣзнымъ натискомъ Гаврилы. Нѣсколько человѣкъ бросились къ нему на помощь; но Гаврила такъ съ ними

распоряжался, что какъ толкнетъ огромнымъ сапожищемъ своимъ кого въ рыло, кого въ грудь, кого въ брюхо, — такъ тотъ въ углу избы очутится. Отбитые такимъ образомъ, они накинулись на поднимавшагося Іону и начали его тузить и даже драть за волосы.

— О-о-ой! о-о-ой! кричалъ онъ, повертывая имъ то тотъ бокъ, то другой и хватаясь за голову.

— Перестаньте, перестаньте! кричалъ Александръ. Но суматоха сдѣлалась всеобщая. Дѣвки и бабы, подъ поднятыми кулаками мужиковъ, убѣгали изъ избы. Красавица его тоже юркнула вонъ.

— Прочь! закричалъ наконецъ Александръ, продираясь сквозь толпу, чтобы спасти какъ-нибудь Іону, и при этомъ выхватилъ свой охотничій кинжалъ.

— Коли такъ, робя, берись въ колья! раздалось снова, и въ ту же минуту, Богъ знаетъ откуда, появились въ воздухѣ полѣнья и палки. Александръ чувствовалъ, что вся кровь прилила ему въ голову. Онъ выхватилъ свой маленькій охотничій пистолетъ.

— Если кто хоть съ мѣста пошевелится, я сейчасъ пущу пулю, и въ тебя... и въ тебя... и въ тебя... — говорилъ онъ, переводя пистолетъ съ рожи одного мужика на другаго, на третьяго.

Тѣ сейчасъ же начали отступать.

— Онъ, паря, и въ самъ-дѣлѣ стрѣльнетъ.

— Если кто слово произнесетъ! кричалъ Александръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и, съ помощью Гаврилы, который своего врага вышвырнулъ въ сѣни и даже за лѣстницу, вытащилъ охающаго и все-таки продолжающаго ругаться Іону Мокеича изъ избы и сталъ его укладывать въ тележку.

При этомъ одинъ изъ бившихъ его парней даже подсоблялъ имъ это дѣлать.

Александръ, сѣвъ на лошадь и выѣхавъ изъ селенья, былъ какъ сумасшедшій.

— Это чортъ знаетъ что такое! говорилъ онъ, хватая себя за голову.

— Такой буянъ и народъ, пояснилъ ему и Гаврила, впрочемъ совершенно спокойно сѣвшій на облучокъ:— каждый праздникъ, что немножко, сейчасъ же въ колья. Ну тоже и къ намъ когда попадутъ, такъ угощаемъ тоже.

— Тоже? спросилъ Александръ съ удовольствіемъ.

— Тоже. У насъ изъ бѣдныхъ этихъ дворянчиковъ, пожалуй, такіе есть лоботрясы, что и чорта уберутъ.

Александръ безпокоился объ Іонѣ Мокеичѣ.

— Чтобъ онъ не умеръ! сказалъ онъ.

— Нѣтъ, вонъ онъ, чу, спитъ ужь! отвѣчалъ Гаврила. — Не въ первый вѣдь разъ: завтра въ баню сходитъ, все и пройдетъ.

— Ну, такъ я поѣду домой?

— Поѣзжайте, — успокоилъ его Гаврила.

XIII.

Побѣгъ отъ собственной совѣсти.

На другой день Баклановъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ; голова у него трещала; ему представлялось, что, вѣроятно, теперь узнается по всей губерніи, какъ они пріѣзжали на посѣдки пьяные, произвели тамъ драку; наконецъ сами мужики могутъ на него жаловаться, потому что онъ обнажалъ оружіе. Словомъ, его мучили тѣ разнообразные страхи, которые обыкновенно бываютъ у человѣка съ разстроеннымъ пищевареніемъ, такъ что, когда къ нему въ комнату зашелъ гайдукъ Петруша и проговорилъ какимъ-то не совсѣмъ обыкновеннымъ голосомъ: „пожалуйте на минуточку сюда-съ!“ онъ даже задрожалъ.

— Что такое? — спросилъ онъ вставая.

— Маша тамъ васъ спрашиваетъ-съ, поговорить ей нужно съ вами-съ.

Баклановъ глядѣлъ въ лицо гайдука.

— Гдѣ же она? — спросилъ онъ.

— Въ овинѣ, на гумнѣ дожидается-съ.

Александръ пошелъ. Ему не совсѣмъ пріятно было это объясненіе: „Пожалуй, еще чувствительность выражать будетъ! На что глупа, а это ужъ понимать начинаетъ!“ думалъ онъ.

Въ овинѣ, совсѣмъ почти темномъ, Маша сидѣла на кучкѣ дровъ и плакала.

— Что это такое? о чемъ? — спросилъ Баклановъ.

— Маменька ваша-съ, — отвѣчала Маша: — призывала меня вчера къ себѣ-съ.

— Н-ну?

— По щекамъ прибила-съ... „Мерзкая, говоритъ ты...“ — замужъ приказываетъ идти-съ за Антипова сына.

— Но, вѣдь, ты не хочешь?

— Нѣтъ-съ, что хотѣть-то-съ!.. Я къ крестьянству, помилуйте, совсѣмъ тоже, какъ есть, не прилучена... домъ тоже бѣдный...

— Ну, и не ходи, если не хочешь!

— Выхлестать хочетъ, коли, говоритъ, не пойдешь: а я, помилуйте, чѣмъ виновата? Не своей охотой тоже шла-съ.

— Вздоръ!... Не ходи!... Я не позволяю тебѣ этого! — говорилъ Баклановъ и пошелъ къ матери.

Но какъ было заговорить о подобномъ предметѣ?

— Вы тамъ, маменька!.. дѣвушка у насъ Марья есть... Вы хотите ее насильно замужъ выдать?..

— Непремѣнно... непремѣнно... — проговорила вспыхнувъ Аполлинарія Матвѣевна, и махнула при этомъ какъ-то рѣшительно рукой.

— Не непремѣнно-съ! вскричалъ Александръ: — нельзя такъ вамъ вашимъ подлымъ крѣпостнымъ правомъ пользоваться.

Аполлинарія Матвѣевна ужь задрожала.

— Нѣту, нѣту, я ужь рѣшилась! — говорила она.

— Въ такомъ случаѣ и я рѣшусь, продолжалъ Баклановъ: — и завтра же уѣду въ Петербургъ.

Онъ зналъ, что ничѣмъ такъ не могъ напугать мать, какъ своимъ намѣреніемъ уѣхать въ Петербургъ. Аполлинарія Матвѣевна больше всего на свѣтѣ хотѣла, чтобы сынъ остался при ней, получилъ бы у нихъ въ губерніи какое-нибудь выгодное мѣсто, женился бы на богатой невѣстѣ, и оба бы, онъ и невѣстка, ужасно къ ней были почтительны.

— Вы ни звука, ни вѣсточки не будете получать обо мнѣ! говорилъ онъ.

— Ну, Богъ съ тобой! Богъ съ тобой! говорила Аполлинарія Матвѣевна, и затѣмъ заревѣла.

Этого Баклановъ рѣшительно не могъ вынести.

— Это чортъ знаетъ что такое, говорилъ онъ, уходя изъ комнаты и хлопая дверьми.

Онъ опять прошелъ въ овинъ къ Машѣ.

— Ну, я говорилъ матери: не выдадутъ... — сказалъ онъ, полагая, что угроза его подѣйствуетъ на Аполлинарію Матвѣевну.

— Нѣтъ, баринъ, какъ не выдадутъ?.. выдадутъ!..— сказала Маша и еще больше расплакалась.

Бакланова окончательно это взбѣсило.

— Это не жизнь, а каторга, — произнесъ онъ уходя изъ овина.

Напуганная словами сына, Аполлинарія Матвѣевна не отложила своего намѣренія, а послала за Іоной Мокеичемъ.

„Онъ этакой говорунъ, — разговоритъ, можетъ быть его!“ думала она.

Александръ, больной и разстроенный, только было прилегъ послѣ обѣда въ своемъ кабинетѣ, какъ двери отворились и вошелъ Іона Мокеичъ, чистенькій, примазанный, какъ бы ничего съ нимъ передъ тѣмъ и не случилось.

— Что, дяденька, а? — говорилъ онъ входя.

Баклановъ поднялся на диванѣ.

— Вотъ кто! ну что, какъ ваше здоровье? — произнесъ онъ.

— Да, ничего! отвѣчалъ Іона, садясь противъ него:— поотошелъ маленько... Что у васъ-то такое натворилось?

Александръ развелъ руками.

— Чортъ знаетъ, что такое тутъ происходитъ! — сказалъ онъ.

Іона усмѣхнулся.

— Вы слышали? — спросилъ его Баклановъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ только пріѣхалъ.

— Я тутъ жилъ съ одною дѣвушкой нашей...

Іона, въ знакъ согласія, мотнулъ головой.

— И вдругъ моей матушкѣ вздумалось выдавать ее замужъ.

Іона опять усмѣхнулся.

— Что это такъ?.. — произнесъ онъ.

— Да, подите, вотъ!

— Отъ зависти, надо полагать, старухи это дѣлаютъ! объяснилъ Іона Мокеичъ.

— Вѣроятно! подхватилъ Баклановъ.

— Зачѣмъ-то нарочнаго присылала за мной... Думаетъ, можетъ, что я это похаю! продолжалъ Дѣдовхинъ.

— Вы ей скажите, началъ Александръ рѣшительнымъ тономъ: — что если она это сдѣлаетъ, я сейчасъ же уѣду и чтобы сыномъ своимъ меня не смѣла потомъ считать.

— Эхма! сказалъ Іона съ грустью и ушелъ къ Аполлинаріи Матвѣевнѣ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Баклановъ насупившись сѣлъ у окна.

Іона Мокеичъ совѣщался съ своею сосѣдкой по крайней мѣрѣ часа два и возвратился отъ нея съ потомъ на лбу.

— Совсѣмъ баба съ ума спятила, — началъ онъ, входя къ Бакланову.

— Что же? спросилъ тотъ.

— Боится, что ты женишься на дѣвчонкѣ-то этой.

Александръ ужь захохоталъ.

— Да что же, я дуракъ, али сумасшедшій, что-ли?

— Эти соколы вонъ, вѣроятно, все насплетничали! сказалъ Іона, кидая злобный взглядъ на гайдука Петрушку, который въ это время былъ у барина въ кабинетѣ и прибиралъ его платье.

— Никогда мы думать даже не смѣемъ, чтобы говорить что-нибудь про господина, — отвѣчалъ ему тоже съ злобнымъ взглядомъ Петруша: — а что прикащикъ точно что докладывалъ госпожѣ, такъ какъ Марья не стала слушаться и на работу ходить...

— Сама дѣвчонка, чу! хвасталась, что ты женишься на ней.

— Да, я точно что говорилъ ей, — отвѣчалъ Александръ. — Вообразите: дѣвушку къ вамъ приводятъ почти силой... надобно же было чѣмъ-нибудь утѣшить ее: ну, я и говорю: „я женюсь на тебѣ!“

При этихъ словахъ Петруша вздохнулъ: устыдился-ли онъ содѣяннаго имъ поступка, или находилъ, что къ нему мало благодарности чувствуютъ.

Іона Мокеичъ не переставалъ лукаво усмѣхаться.

— Цѣпки онѣ, проклятыя, за эти слова-то!

— Да вы говорили матери, что я уѣду въ Петербургъ? — спросилъ его Александръ.

— Говорилъ. Поди, вонъ, реветъ на весь домъ, какъ по покойникѣ.

— А намѣренія своего не отмѣняетъ?

— Нѣтъ! „У насъ и то, говоритъ, въ роду дѣдушка былъ женатъ на дѣвкѣ, — такъ та, говоритъ, мерзавка била меня.“ Все теперь и имѣетъ это въ своемъ воображеніи.

— Да что же мнѣ дѣдушка за примѣръ! — воскликнулъ Баклановъ.

— Необразованіе! — объяснилъ Іона Мокеичъ. — „Пусть, говоритъ, съ замужней женщиной съ какой хочетъ гуляетъ, не мое дѣло; а съ дѣвкой не позволю.“

Баклановъ пожалъ плечами.

Въ это время по двору прошла цѣлая толпа женщинъ, и между ними Александръ сейчасъ-же замѣтилъ Марью, идущую съ потупленною головой.

— Что это, куда идутъ? — спросилъ онъ безпокойно Петрушу.

Тотъ мрачно посмотрѣлъ въ окно.

— Невѣсту, надо быть, обряжать ведутъ.

— Куда, зачѣмъ? — спросилъ Александръ, съ вспыхнувшимъ лицомъ.

— Немножко пообчистить и пообгладить! отвѣчалъ Іона Мокеичъ. — Сегодня, что-ли, вѣнчанье-то? — спросилъ онъ Петрушу.

— Сегодня, сказываютъ! — отвѣчалъ тотъ, грустно потупляя глаза.

— Какъ сегодня! — воскликнулъ Александръ: — вѣдь это ужь прямо, значитъ, надругаться!

— Небольшіе тоже, видно, парады-то хотятъ справлять, — сказалъ Іона Мокеичъ.

— О-то, скотство какое! произнесъ Баклановъ съ бѣшенствомъ въ голосѣ.

Петруша, какъ-бы не въ состояніи будучи видѣть страданій барина, ушелъ изъ кабинета.

— Не сокрушайся, другъ сердечный! — принялся его утѣшать Іона.

— Да, вѣдь, поймите-же всю мерзость моего поло-

женія! — говорилъ Александръ, колотя себя въ грудь: — во-первыхъ, я ее люблю немножко, во-вторыхъ, мнѣ ее жаль, совѣстно, стыдно противъ нея, и въ то-же время я ничего не могу сдѣлать... Ну, что я сдѣлаю?... Словами — матери не внушишь, она не пойметъ ихъ. Не бить-же мнѣ ее.

— Какъ можно мать бить!—сказалъ на это Іона. — Ты ужь лучше потѣшь ее въ этомъ случаѣ, — прибавилъ онъ какимъ-то заискивающимъ голосомъ. — Машката къ тебѣ станетъ и бабой бѣгать...

— О-то, скотство какое! — повторилъ еще разъ Баклановъ, сжимая кулаки и устремляя взоръ на потолокъ.

Черезъ часъ времени Іона Мокеичъ, будто такъ, случайно, вышелъ на дворъ и пошелъ прогуляться по усадьбѣ.

Александръ остался одинъ и продолжалъ сидѣть у окна. Вдругъ онъ услышалъ по дорогѣ стукъ колесъ: сначала проѣхала одна телега съ мужиками, потомъ другая съ мужиками и женщинами; наконецъ третья съ однѣми женщинами, изъ которыхъ сидѣвшая посрединѣ была вся покрыта бѣлымъ.

Сердце замерло у Бакланова.

Вскорѣ послѣ того къ нему возвратился Іона.

— Что это, свадьба ужь проѣхала? спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ Іона протяжно и съ улыбкой.

— Чтожъ она? скажите! — спросилъ съ чувствомъ Баклановъ.

— Побрыкалась маленько! Ну, да я тоже сказалъ ей: „баринъ говорю, тебя и хлѣбомъ и деньгами — ничѣмъ не оставитъ.“

— Я готовъ дать все, что хотите!

— Дадутъ всего!.... Старуха сама того желаетъ: „Я ихъ домъ, говоритъ, подниму.“

— Скоты мы, подлецы, мерзавцы! — сказалъ Александръ Іонѣ Мокеичу.

— Въ мірѣ, что въ морѣ: всего бываетъ! — объяснилъ ему тотъ.

Іона Мокеичъ вообще въ этотъ разъ былъ въ какомъ-то тихомъ, философскомъ настроеніи, что всегда съ нимъ случалось послѣ, какъ самъ онъ выражался, сильной пересыпки.

По просьбѣ Аполлинаріи Матвѣевны и самого Александра, онъ остался у нихъ ночевать, и на этотъ разъ, спавъ по обыкновенію, съ хозяиномъ въ одной комнатѣ, завелъ съ нимъ совсѣмъ другаго рода разговоръ и разсказывалъ даже, какъ былъ, въ молодости, влюбленъ.

— Въ кого-же это? — спросилъ Бакановъ.

— Да тутъ одна дворяночка у насъ бѣдненькая была.

— Чтожъ, она хороша собой была?

— Нѣтъ, не то, чтобы красавица: а помадой хорошей помадилась... Прочія-то маслищемъ мажутся, такъ воняетъ отъ головищъ-то, ну, а она, этакъ, помадкой,— такъ тѣмъ больше плѣнила.

Бакановъ былъ, впрочемъ, грустенъ и почти не слушалъ его.

На другой день онъ объявилъ рѣшительно, что уѣзжаетъ въ Петербургъ, и какъ его Іона Мокеичъ ни отговаривалъ и ни упрашивалъ, онъ уперся на своемъ: велѣлъ своему человѣку нимало не медля укладывать вещи, а кучеру готовить лошадей. Съ матерью Александръ не хотѣлъ ни видѣться, ни даже проститься, и только ужь случайно зайдя въ гостиную за какой-то своей вещью, засталъ тамъ Аполлинарію Матвѣевну, съ лицомъ распухшимъ отъ слезъ. При видѣ сына она очень сконфузилась.

Передъ ней стояли обвѣнчанные вчера молодые, которые пришли къ ней на поклонъ.

У Бакланова едва достало присутствія духа не вернуться назадъ.

Маша стояла съ потупленнымъ лицомъ, а мужъ ея,

молодой малый, глупо на все посматривалъ: онъ еще въ первый разъ въ жизнь свою былъ въ барскихъ горницахъ.

Маша показала ему что-то глазами, и оба они сейчасъ-же подошли къ рукѣ Бакланова.

— Поздравляю васъ, поздравляю, — говорилъ тотъ и поспѣшилъ уйдти.

— Ты сегодня уѣзжаешь, другъ мой! — сказала ему вслѣдъ Аполлинарія Матвѣевна.

— Сегодня-съ! — отвѣчалъ онъ ей грубо.

У Марьи при этомъ лицо замѣтно вспыхнуло, а у Аполлинаріи Матвѣевны сначала задергало обѣ щеки, потомъ и слезы потекли.

— Подите, — могла она только проговорить молодымъ.

Тѣ ушли.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ экипажъ, Іона Мокеичъ опять сталъ уговаривать Бакланова.

— Поди, простись съ матерью-то!

Александръ ничего ему не отвѣчалъ и молча сѣлъ въ коляску.

Тутъ, было, подошелъ къ нему проститься мрачный Семенъ.

— Прочь, мерзавецъ! — закричалъ на него Баклановъ, заскрежетавъ зубами.

Тотъ мрачно и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Съ Петрушей, напротивъ, Баклановъ расцѣловался. Поѣхали.

Стоявшая у курятной избы пожилая женщина выла на всю усадьбу:

— Жилъ-то нашъ батюшка промежъ насъ и никого-то не обидѣлъ ни словомъ, ни яснымъ взглядомъ своимъ.

Когда отъѣхали отъ усадьбы довольно далеко, молодой лакей, опять поѣхавшій съ Александромъ, обернулся назадъ и проговорилъ:

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Маша бѣжитъ-съ!

Баклановъ сдѣлалъ недовольную мину.

— Стойте! — сказалъ онъ.

Кучеръ остановился.

Маша, нагнавъ ихъ, вскочила на подножку коляски, обняла барина и стала цѣловать его.

— Прощай, Марья, прощай! — говорилъ онъ торопливо. — На, вотъ, тебѣ! — прибавилъ онъ, и подалъ ей сторублевую.

Но Маша и деньгамъ, кажется, была не рада! какъ-то небрежно засунувъ ихъ за пазуху, она нехотя слѣзла съ подножки и долго, долго провожала глазами удаляющійся отъ нея экипажъ.

Въ усадьбу она возвратилась, обѣжавъ кругомъ все поле. Отъ мужа своего потомъ, какъ ночь придетъ, такъ и пропадетъ куда-нибудь, такъ что онъ никакъ ее не найдетъ.

Аполлинарія Матвѣевна, по отъѣздѣ сына, сдѣлалась серьезно больна.

Іона Мокеичъ остался у нея и все ее утѣшалъ.

— Онъ теперь не проститъ меня! — говорила она, рыдая и лежа на постели.

— Проститъ, — успокоивалъ ее Іона Мокеичъ.

XIV.

У Палкина — ужь, видно, не въ Британіи.

Мелкій осенній петербургскій дождикъ, какъ сквозь частое сито, сѣялъ на тротуары Невскаго проспекта. Въ старомъ Палкинскомъ трактирѣ начинали засвѣчать огни. У одного изъ столиковъ сидѣлъ молодой человѣкъ, въ скромномъ черномъ фракѣ. Передъ нимъ стояли три накрытыхъ прибора.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Что за чортъ, еще нѣтъ до сихъ поръ! — говорилъ онъ, съ нетерпѣніемъ посматривая на часы; наконецъ въ трактиръ вошелъ другой молодой человѣкъ.

— Вы здѣсь, Варегинъ! — проговорилъ онъ.

Вошедшій былъ Баклановъ. Онъ сильно постарѣлъ и похудѣлъ.

— Долго вы! — сказалъ ему пріятель.

— Задержали, — отвѣчалъ Баклановъ и сказалъ неправду. Онъ хотѣлъ совсѣмъ не придти обѣдать, чувствуя къ Варегину, составившему себѣ ученую карьеру и ѣхавшему теперь за-границу, невыносимую зависть.

— Ну что, скажите, нѣтъ-ли кого-нибудь еще изъ нашихъ здѣсь?... Венявина, напримѣръ? — продолжалъ тотъ добродушно.

Пріятели въ тотъ день только поутру сошлись на Невскомъ случайно.

— Нѣтъ; Венявинъ служитъ въ губерніи, помощникомъ правителя канцеляріи губернатора, совершенно доволенъ своимъ мѣстомъ: губернатора считаетъ за идеалъ чести, а правителя канцеляріи за идеалъ ума,— отвѣчалъ Баклановъ.

Варегинъ слегка усмѣхнулся.

— Да, — произнесъ онъ, — у него сердце маленькое, но чистое золото, и онъ съумѣетъ имъ позолотить всю жизнь свою.

— А вы скоро ѣдете за границу?

— Дня черезъ два, — вонъ чистоганомъ изъ казны выдали! — отвѣчалъ Варегинъ и звякнулъ передъ глазами Бакланова червонцами.

Тотъ даже отвернулся, не потому, что это были деньги, а потому что онѣ были даны человѣку за труды и способности.

— Куда жъ вы прежде поѣдете?

— Сначала въ Берлинъ; поразспрошу тамъ, гдѣ,

Из фондов Российской национальной библиотеки

по моимъ предметамъ, профессора получше, и стану потомъ колесить по Германіи.

Бакланову самому ужасно хотѣлось за границу, и онъ бы даже могъ это сдѣлать, но зачѣмъ? Въ чемъ ему и въ какихъ наукахъ было усовершенствоваться? и онъ разспрашивалъ Верегина, какъ бы затѣмъ, чтобъ еще болѣе себя намучить.

— А на магистра вы когда будете держать?

— Я ужь выдержалъ, — отвѣчалъ спокойно Варегинъ.

„И это говоритъ сынъ мѣщанина," думалъ Баклановъ, „начавшій съ пятнадцати лѣтъ учиться грамотѣ," а онъ, — дворянинъ, обставленный всѣми средствами къ образованію, и что сдѣлалъ?

Въ это время къ Варегину подошелъ лакей и спросилъ:

— Прикажете подавать-съ?

— Нѣтъ еще, погоди!... Проскриптскаго я жду, — прибавилъ онъ Бакланову.

— А... а онъ развѣ здѣсь? спросилъ тотъ.

— Здѣсь, и хотѣлъ придти.

Баклановъ сдѣлалъ гримасу.

— Что, вы все еще, попрежнему, не любите его? продолжалъ съ улыбкою Варегинъ.

— Да, — отвѣчалъ Александръ.

— Нѣтъ, онъ человѣкъ не дурной, — продолжалъ Варегинъ, нахмуривая свой большой лобъ: — но, разумѣется, какъ и вся ихъ порода, на логическіе выводы мастеръ, а ужь правды въ основаніи не спрашивай.... Мистификаторы, по самой натурѣ своей: съ пятнадцатаго столѣтія этимъ занимаются.

— Вы думаете? — спросилъ Баклановъ, играя брелоками часовъ.

— Рѣшительно! У нихъ въ крови сидитъ эта способность надувать самихъ себя и другихъ разнымъ вздоромъ.

— Идетъ! — остановилъ его Баклановъ.

Варегинъ повернулъ голову. Въ комнату, въ самомъ дѣлѣ, входилъ, своею вкрадчивою походкой, Проскриптскій.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ прежде всего Варегину. — Здравствуйте-съ! прибавилъ потомъ и Баклановy, не смотря, впрочемъ, на него глазами.

— Какъ васъ дождемъ замочило! — замѣтилъ ему тотъ.

— Благодарю, я и не замѣтилъ, — отвѣчалъ Проскриптскій, близоруко ища стула и садясь на него.

— Какъ же не замѣтили? Васъ всего пробило? — спросилъ захохотавъ Варегинъ.

— Я никогда не замѣчаю, что въ воздухѣ: дождь или ясно, — отвѣчалъ Проскриптскій.

— Даже и самого, я думаю воздуха.

— Какъ это-съ? что такое?

— А такъ: хорошъ воздухъ или нѣтъ? .. разницу напримѣръ, между городскимъ воздухомъ и деревенскимъ?

— Для меня все равно-съ,—отвѣчалъ Проскриптскій.

— Все равно! — повторилъ Варегинъ, переглянувшись съ Баклановымъ.

— Можетъ быть, — продолжалъ Проскриптскій своимъ настойчивымъ тономъ: — человѣку азотъ, котораго больше въ городахъ, нужнѣе, чѣмъ кислородъ.

— Все можетъ быть, отвѣчалъ Варегинъ.

— Рѣшительно все, и я такъ полагаю, — сказалъ Проскриптскій, взявъ газету, сталъ ее внимательно пробѣгать.

Человѣкъ подалъ горячее.

— Какого же намъ вина спросить? — сказалъ Варегинъ.

— Я никакого не пью, произнесъ тоненькимъ голоскомъ, Проскриптскій.

Из фонда Российской национальной библиотеки

— А я мало! — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ дай намъ одну бутылку краснаго! сказалъ Варегинъ человѣку. — Такъ ли бывало въ Британіи? — прибавилъ онъ полушутя.

— О! Британія! — произнесъ съ восторгомъ, Баклановъ.

Проскриптскій, между тѣмъ, какъ-то торопливо ѣлъ, не переставая читать. Обѣдъ прошелъ совершенно молча, только и всего, что Варегинъ, обратясь къ Бакланову, спросилъ его негромко:

— А что вы намѣрены здѣсь дѣлалъ?

— Самъ еще не знаю... Вы знаете, что я больше всего люблю искусства, отвѣчалъ тотъ, не совсѣмъ рѣшительно.

Варегинъ нѣсколько минутъ размышлялъ.

— Но все-таки надобно же взять что-нибудь опредѣленное! — проговорилъ онъ.

Проскриптскій, все еще непереставшій читать, при этомъ улыбнулся. Послѣ обѣда онъ тотчасъ же взялъ шляпу и сталъ прощаться.

— Вы служите, что ли, здѣсь? — спросилъ его Баклановъ.

— Да-съ, служу-съ. Мы отъ жизни не много требуемъ: отъ чего намъ не служить!

— Чтожъ, это все такъ и пойдетъ! — замѣтилъ ему Баклановъ.

— Нѣтъ-съ! когда можно будетъ, такъ мы потребуемъ; только не того, что вы!

Проговоря это, онъ пожалъ руку у пріятелей и вышелъ.

— Хорошо видѣть, какъ добрый человѣкъ сердится; но когда злецъ злится — гадко! — произнесъ Варегинъ.

— Вы замѣтили, что онъ въ пищѣ вкуса не понимаетъ: ѣстъ какъ ни попало! — проговорилъ Баклановъ.

Варегинъ ничего ему не отвѣчалъ и, какъ кажется, былъ занятъ собственными мыслями.

— Все-таки это хоть какая-нибудь да сила, а не распущенность, — проговорилъ онъ наконецъ, потупляя свои умные глаза.

Баклановъ этотъ намекъ принялъ нѣсколько на свой счетъ.

— Ну, мнѣ къ лядѣ еще надо,—проговорилъ онъ.

— Прощайте, другъ мой милый,—сказалъ, цѣлуясь съ нимъ, Варегинъ. — А такъ-ли-бы мы разошлись изъ „Британіи?“—повторилъ онъ еще разъ.

— Да,—произнесъ и Баклановъ въ томъ-же тонѣ.

„Не такъ-бы разошлись!“ повторяемъ и мы за нимъ.

Молодые люди еще только вступали въ жизнь, а она уже, видимо, наложила на нихъ свою лапку.

XV.

Масонъ.

Баклановъ шелъ быстро. Онъ не останавливался ни передъ однимъ магазиномъ, не заглянулъ ни подъ одну изъ нерѣдко попадавшихся шляпокъ. Выраженіе лица его было почти сурово. Онъ не любилъ и побаивался бывать у дяди своего Евсевія Осиповича Ливанова, тайнаго совѣтника и любимца многихъ вельможъ.

По темнымъ семейнымъ разсказамъ, Евсевій Осиповичъ слылъ масономъ: бывъ еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ погибалъ было въ развратѣ; но его полюбила одна вдовица и, какъ скудную лепту евангельскую, принесла ко Христу.

Евсевій Осиповичъ воспрянулъ, и впослѣдствіи до такой степени успѣлъ развить въ себѣ мистическій духъ,

Изображение Российской национальной библиотеки

что врядъ-ли не имѣлъ степени *каменьщика*, и былъ наконецъ, что важнѣе всего, другомъ того, чьей рукой было писано завѣщаніе о наслѣдствѣ Россіи. Въ его передней, нѣкогда, толпились графы и министры; теперь, со смертію этого лица, все ужь, разумѣется, кончилось; но Ливановъ все-таки, силою ума и характера, съумѣлъ удержать за собою одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ кругу петербургской бюрократіи. Благодѣтельствовать роднымъ онъ любилъ, только требовалъ, чтобъ они при этомъ, какъ собаки, ползали у его ногъ. Онъ-то покойнаго Бакланова (тоже отчасти масона) женилъ на своей родственницѣ Апполинаріи Матвѣевнѣ, ублаживъ его тѣмъ, что дѣвица сія благоухаетъ простотой сердца, и все время потомъ благодушествовалъ ихъ браку, но птенца ихъ, нашего героя, не совсѣмъ прилюбливалъ, или, по крайней мѣрѣ, тотъ возмущалъ его и своими мыслями, и своими манерами.

Въ Почтамтской, подходя къ дому дяди, Баклановъ пріостановился, чтобы перевести дыханіе и овладѣть нѣсколько собой, а потомъ, не совсѣмъ смѣлою рукой, отворилъ дверь.

— У себя его превосходительство? — спросилъ онъ тихо и нетвердымъ голосомъ.

— Господинъ Баклановъ? — спросилъ его, въ свою очередь, тоже тихо швейцаръ, съ какимъ-то совсѣмъ идіотски-кроткимъ взглядомъ.

— Да!—отвѣчалъ Александръ.

— Пожалуйте-съ.

Александръ сталъ взбираться по мозаиковой лѣстницѣ. Въ довольно большой залѣ, онъ невольно кинулъ взглядъ на висѣвшій въ углу образъ Спасителя, который былъ нарисованъ съ треугольникомъ въ рукѣ, а голова была пронзена двумя стрѣлами.

Въ гостиной, передъ столомъ, на которомъ горѣла лампа съ абажуромъ, сидѣлъ старикъ съ владимірскимъ

крестомъ на шеѣ, въ сѣромъ широкомъ сюртукѣ, съ пришпиленною на немъ анненскою звѣздой. Все это онъ носилъ, кажется, не столько изъ чехвальства, сколько изъ желанія внушить къ себѣ болѣе страха. Въ его, съ строгими чертами, лицѣ было что-то хищническое, что-то напоминающее лица инквизиторовъ. Противъ него сидѣлъ другой старикъ въ чемъ-то въ родѣ подрясника, подпоясанномъ кожанымъ ремнемъ. Густые волосы его, совершенно нечесанные, были не стрижены, но, отъ полнѣйшаго пренебреженія къ нимъ, сами обсѣкались и были коротки. Борода его начала расти почти отъ самыхъ глазъ. Теперь онъ, пуская сквозь бороду густѣйшій дымъ, курилъ очень дорогой табакъ, не сознавая ни достоинства, ни цѣны его. Лицо его, впрочемъ, было добродушно и походило на тѣ лица, которыя встрѣчаются у здоровыхъ, но заботливыхъ и думчивыхъ мужиковъ.

Передъ ними, на столѣ стояла бутылка малаги.

Увидѣвъ племянника, Евсевій Осиповичъ проговорилъ: „здравствуйте!“ и протянулъ къ нему, не вставая съ мѣста, руку.

Тотъ принялъ ее и сильно, какъ видно, старался при этомъ избѣгнуть подобострастной позы.

Другой старикъ, напротивъ, сейчасъ-же всталъ и отвѣсилъ Бакланову, въ-полспины, добродушнѣйшій поклонъ.

Тотъ поспѣшилъ ему отвѣтить тѣмъ-же.

Всѣ наконецъ усѣлись.

— Вы долго-ли тамъ жили? — заговорилъ Евсевій Осиповичъ, продолжая начатый еще прежде имъ разговоръ съ его собесѣдникомъ.

— Пять лѣтъ!—отвѣчалъ тотъ какимъ-то необыкновенно искреннимъ голосомъ. — Первые-то два года на цѣпи, было, держался; ну да тоже тѣломъ-то, что-ли, хлибокъ, ажно раны по всему пошли!... Народу ко мнѣ

много ходило; стали уговаривать: „батюшка, говорятъ, что ты такъ мучаешься-то!... спусти себя съ цѣпи-то“... одначе я не слушался!

— Не слушался!... — повторилъ Евсевій Осиповичъ въ одно и то-же время съ благоговѣніемъ и удивленіемъ.

— Да... только другой ужь странникъ, сибирякъ тоже нашъ, приходитъ ко мнѣ... поговорилъ я съ нимъ... Вижу, наставникомъ мнѣ можетъ быть... открылся я ему... „Что-же, говоритъ: видно, Богъ не пріемлетъ этой жертвы! Аще не имаши силы творити, да отметешися! Можетъ, теперь ты и въ міру станешь жить крѣпко.“ Однакоче, братъ, какъ вышелъ, такъ и искусился.

— Чѣмъ-же?—спросилъ Евсевій Осиповичъ съ строгимъ лицомъ.

— Да всего и есть, что въ лѣсъ погулять вышелъ; а лѣсища тамъ, и Господи! какіе райскіе! эта лиственица... береза наша сладкосочная... трава густая, пахучая... сладкогласныя птицы поютъ... Я соблазнился, грѣшнымъ дѣломъ, да грибковъ и понабралъ, — молоденькихъ все такихъ, и пришелъ въ сосѣднее селенье; тамъ насъ хорошо, ласково принимаютъ!...

— Хорошо?—спросилъ Евсевій Осиповичъ.

— Да, все равно за отцовъ родныхъ... Попросилъ я одну старушку... „зажарь“, говорю. „Ай, отче, говоритъ, повели только!“ и нажарила мнѣ, братецъ, большущую сковороду, все на маслищѣ, я и съѣлъ, и такъ послѣ того моторить меня стало. „Нѣтъ, думаю, баста! шалишь, не гожусь еще въ мірѣ жить,“ и въ келью опять...

— Это онъ въ землянкахъ и въ дебряхъ сибирскихъ жилъ, — обратился Евсевій Осиповичъ къ Бакланову, и нѣсколько временъ не спускалъ съ него глазъ, какъ-бы желая извѣдать, что такое онъ думаетъ о томъ, что теперь слышитъ и видитъ передъ собой.

Александръ, съ своей стороны, не находился ничего дѣлать, какъ глядѣть себѣ на ноги.

— Въ человѣкѣ два Адама: одинъ ветхій, грѣховный, а другой — новый, во Христѣ обновленный. Если теперь тѣлеса наши, этого Адама грѣховнаго, не бичевать, они сейчасъ возымутъ...

— Нѣсколько ужь видѣній имѣлъ,—объяснилъ, совершенно серьезнымъ образомъ, Евсевій Осиповичъ о своемъ гостѣ.

— Табакъ я нюхать люблю, — продолжалъ и тотъ, какъ-бы въ подтвержденіе его словъ: — сидишь этакъ — вдругъ подходитъ къ тебѣ дѣвка или баба — красивая такая: „Отче, говоритъ, на-ка, табачку понюхай!“ Ну, перекрестился и видишь, что навожденіе одно!...

Евсевій Осиповичъ сидѣлъ, распустивъ отъ умиленія руки.

— А я-те сказывалъ, какъ гора мнѣ сказала: „аминь?“ —спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Евсевій Осипычъ, какъ-бы очнувшись.

— Иду я, братецъ, въ Пермской губерніи, и такъ пріусталъ, Боже ты мой!— ноги обтеръ... спинищу разломило, хоть ложись да умирай тутъ,—шабашъ! Только я, братецъ, и взмолился: „Господи! говорю, въ скорбяхъ, недугахъ и печаляхъ вопію къ Тебѣ“, такъ, знаешь, молитву отъ себя свою проговорилъ... Только, братецъ ты мой, гора-то... большущая такая была, на которую я перъ-то: „аминь!“ говоритъ.

— Да почему-же ты знаешь, что это гора сказала?... — спросилъ даже Евсевій Осиповичъ, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Да никого, друже мое, никого, окромя ее, не было... такъ-таки твердымъ мужскимъ голосомъ и говоритъ: „аминь!“ говоритъ. Ну ужь я и взмолился, всплакалъ тутъ...

Баклановъ все это слушалъ, какъ ошеломленный, и думалъ: „Что, эти два человѣка—помѣшаны или только плуты?“ Но дядя былъ замѣчательнаго ума человѣкъ, а странникъ казался такимъ добрымъ и откровеннымъ. Невольно мелькавшая въ это время улыбка на губахъ Бакланова не скрылась отъ блестящаго и холоднаго, какъ сталь, взгляда дяди.

Собесѣдникъ его, наконецъ, началъ вставать и прощаться.

— Выпей на дорожку посошокъ-то! — сказалъ ему Евсевій Осиповичъ.

— Ты вотъ меня сладкимъ винцомъ угощаешь, отвѣчалъ старикъ, выпивая рюмку: — а я больше водку мужицкую, простую люблю, да не пью!

— И не пей, гадость! подтвердилъ Евсевій Осиповичъ.

— „Не упивайтеся виномъ: въ немъ же есть блудъ,“ а она, наша матушка россійская, такая насчетъ этого разбористая... — говорилъ старикъ, ища свой посохъ и клубокъ.

— Ну, прощайте, — сказалъ онъ.

— Прощайте, отче!

— Князь Василью Петровичу скажи, что какъ назадъ пойду, такъ къ нему жить зайду, безпремѣнно, не кучился бы.

Скажу!

— А у графини Вареньки я посошокъ свой желѣзный оставилъ: скажи, чтобъ она владѣла имъ на здоровье да во спасенье.

— Скажу, скажу, — повторялъ Евсевій Осиповичъ, и проводивъ странника и возвратившись въ гостиную, сѣлъ и погрузился въ глубокую задумчивость!

XVI.

Протекція.

Дядя и племянникъ по крайней мѣрѣ съ полчаса сидѣли, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Евсевій Осиповичъ былъ сердитъ на Александра за его насмѣшливый видъ въ продолженіе всей предыдущей сцены.

— Что же вы, поговорить о чемъ-то со мной хотѣли?—спросилъ онъ его, наконецъ, суровымъ голосомъ.

— Да, я, дядюшка, насчетъ того... — началъ тотъ:— теперь я пріѣхалъ въ Петербургъ... что мнѣ дѣлать съ собой?

Евсевій Осиповичъ нѣсколько времени смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Что же вы служить, что-ли, намѣрены здѣсь? — спросилъ онъ.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Главная моя любовь и наклонность, — отвѣчалъ онъ: — это искусства!

Евсевій Осиповичъ снова уставилъ на племянника проницательный взглядъ.

— И теперь, помилуйте, — продолжалъ тотъ замѣтно начинающимъ робѣть голосомъ: — я вотъ былъ въ Эрмитажѣ: каталога тамъ порядочнаго нѣтъ!

Лицо Евсевія Осиповича начало принимать какъ бы нѣсколько безсмысленное выраженіе.

— Или теперь, — говорилъ Александръ, хотя въ горлѣ его и слышалась хрипота: — за границей тоже нѣтъ русскаго гида ни для галлерей, ни для музеевъ... Чтобы стоило правительству кого-нибудь послать для этого... и, наконецъ, и здѣсь я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, служить при театрѣ!

Из фондов Российской национальной библиотеки

Далѣе у Александра не достало и воздуху въ груди говорить.

Евсевій Осиповичъ продолжалъ молчать и не измѣнялъ своего положенія; потомъ, какъ бы все еще подъ вліяніемъ одолѣвающихъ его недоразумѣній, началъ съ разстановкой:

— Ничего я не понимаю, что вы такое говорите: здѣсь гида нѣтъ... за границей указателя... служить наконецъ при театрѣ... Богъ знаетъ, что такое!

— Я, можетъ быть, дядюшка, неясно выражаюсь— произнесъ окончательно растерявшійся Баклановъ.

— Совершенно неясно-съ! — повторилъ за нимъ Евсевій Осиповичъ.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— Вонъ, если хотите, — началъ Ливановъ, — у меня есть тутъ одинъ господинъ... на побѣгушкахъ у меня прежде былъ, а теперь совѣтникомъ служитъ, любимецъ, говорятъ, министра. Я напишу ему. Вы вѣдь не кандидатъ?..

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Баклановъ конфузясь.

— Значитъ, вамъ надо въ губернскомъ вѣдомствѣ начинать. Я напишу ему, онъ возьметъ васъ.

Александръ, на первыхъ порахъ, обидѣлся этимъ предложеніемъ.

— Я бы желалъ, по крайней мѣрѣ, дядюшка, у васъ подъ вашимъ начальствомъ служить.

— Да мнѣ-то куда дѣвать васъ? — возразилъ ему Евсевій Осиповичъ: — я и безъ того слишкомъ взысканъ милостями Государя Императора моего, да какъ еще всю родню-то валить на него, такъ густо будетъ!

— Я, дядюшка, не о томъ прошу, а чтобы вы дали мнѣ хоть маленькій ходъ.

— Нѣтъ, вы больше того просите. У меня вакансій нѣтъ! Значитъ, вы хотите, чтобъ я для васъ выгналъ какого-нибудь честнаго труженика и, въ виду всѣхъ, на

позоръ себѣ, посадилъ на его мѣсто васъ, моего племянника, — вотъ вы чего хотите.

— Я этого не говорилъ-съ! — сказалъ Баклановъ, окончательно обидѣвшись.

— Дать ходъ, — продолжалъ Евсевій Осиповичъ:— вамъ даютъ его — ступайте! Въ васъ есть *нѣкоторый* умъ, *нѣкоторое* образованіе, *нѣкоторыя* способности.

На словахъ *нѣкоторые* Евсевій Осиповичъ дѣлалъ замѣтное удареніе.

— Все это, разумѣется, въ васъ забито и загажено полувоспитаніемъ (настоящимъ воспитаніемъ Евсевій Осиповичъ считалъ только ихнее, сектантское); но исправляйтесь, трудитесь!..

— Я трудиться готовъ! — произнесъ Баклановъ и потомъ, замолчавъ, прибавилъ: — Позвольте, по крайней мѣрѣ, хоть къ этому господину письмо!

— Подайте мнѣ перо и листъ бумаги... тамъ въ кабинетѣ, на шифоньеркѣ... — сказалъ Евсевій Осиповичъ.

Александръ пошелъ въ кабинетъ.

— Не разбейте тамъ и не уроните чего-нибудь!... У меня вещи все хорошія!.. — крикнулъ ему Ливановъ.

„Вотъ скотъ-то!“ съ бѣшенствомъ думалъ Баклановъ.

Записку Евсевій Осиповичъ написалъ не длинную.

„Емелюшка прокаженный! прими сего юнца къ себѣ на службу, — это мой племянникъ!“

Запечатавъ ее, онъ отдалъ Бакланову.

— Слова: *Емелюшка прокаженный* были Ливановымъ употреблены въ видѣ ласки, такъ какъ Нетопоренко, тоже нѣсколько принадлежавшій къ ихъ толку, разсказывалъ, что въ молодости онъ сидѣлъ съ сведенными руками и ногами и исцѣлился отъ этого чудомъ.

— Заходите, когда будете имѣть время! — проговорилъ Ливановъ, вставая и зѣвая.

— Непремѣнно-съ! — отвѣчалъ Баклановъ; а самъ съ собой думалъ: „только бы мѣсто найти, нога моя у тебя, чорта, не будетъ!“

Евсевій Осиповичъ тоже, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ отдалъ племяннику прощальный поклонъ.

XVII.

Совѣтничишко палатскій.

Не знаю, существуютъ ли до сихъ поръ въ россійской государственной службѣ Нетопоренки; но въ то время, какъ начиналъ ее герой мой, ихъ было достаточное количество.

Въ юности, обыкновенно совѣтничество для нихъ такая недосягаемая мечта, на которую они едва осмѣливаются поднять свои лукавые и подслѣповатые взоры; но съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени видятъ, что все больше и больше могутъ прилагать свои способности.

У каждаго изъ нихъ обыкновенно есть благодѣтель въ Петербургѣ, котораго маленькія слабости они знаютъ до тонкости: любитъ ли онъ женщинъ молоденькихъ, или поѣсть хорошо, или только охотникъ деньгу хапнуть, — для всего этого они сейчасъ ему каналъ открываютъ.

Большая часть крестовъ, украшающихъ ихъ грудь, даны имъ за подобные подвиги!

Для ума и сердца вашего не ждите отъ этихъ людей ничего; но для тѣлесъ и всей слѣдующей къ онымъ обстановки они безцѣнны.

Еслибъ авторъ былъ хоть сколько-нибудь значительное лицо, то, по слабости человѣческой, онъ не ручается, чтобы не покровительствовалъ какому-нибудь подобному канальѣ.

Точно такъ и Евсевій Осиповичъ разумѣлъ и понималъ Нетопоренка, и чтобы не держать его очень близко около себя онъ сыскалъ ему мѣсто по другому вѣдомству, асесора въ палатѣ, а затѣмъ на мѣсто совѣтника—Нетопоренко самъ уже перешагнулъ, и такъ тамъ укрѣпился, что, говорятъ, считался за образцоваго чиновника.

Но онъ былъ не глупъ: по какому-то чутью, въ воздухѣ или даже изъ-подъ земли вынюхивая, онъ предчувствовалъ, что невдолгѣ кругомъ его будетъ происходить совсѣмъ не то, что теперь происходитъ, и что звѣзда его померкнетъ окончательно и навсегда.

Чтобъ обезпечить себя на этотъ случай, онъ жилъ скопидомомъ и сколачивалъ копѣйку на черный день.

Баклановъ чуть не задохнулся, входя къ нему по вонючей лѣстницѣ. Ободранная, грязная дверь, которую точно двадцать собакъ рвали, была не заперта. Нетопоренко только сейчасъ проснулся, и брившись, пильмя-пилилъ парня, котораго онъ взялъ къ себѣ будто бы затѣмъ, чтобы пріучить его къ письменной части, а въ самомъ дѣлѣ заставлялъ даже бѣлье себѣ мыть.

— Эка шельма!.. неумоя!.. рыло поганое!.. — говорилъ онъ.

Малый не обращалъ никакого вниманія на эти слова и молча обмахивалъ съ грязной мебели пыль метелкой.

— Къ вамъ пришли-съ, — обернулся онъ, наконецъ, и сказалъ.

— Кто тамъ? — крикнулъ было Нетопоренко сердито; но, увидѣвъ, что входитъ хорошо одѣтый господинъ, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Извините меня, пожалуйста? — говорилъ онъ, запахивая свой грязный халатъ. — А дверь у тебя опять была не заперта? — прибавилъ онъ, почти съ судорогами въ лицѣ, парню. Но тотъ и этимъ нисколько не сконфузился: его упорно спокойное лицо какъ бы гово-

рило: „да и завтра не запру и добьюсь того, что ты меня прогонишь.“

— Ну, я же тебя! — прошипѣлъ Нетопоренко, поколотивъ пальцемъ по столу: онъ въ свою очередь тоже, видно, рѣшился переупрямить парня.

— Что вамъ угодно? — обратился онъ, наконецъ, къ Бакланову.

Тотъ подалъ ему письмо.

— Прошу покорнѣйше присѣсть! — сказалъ Нетопоренко, взглянувъ на почеркъ.

Александръ сѣлъ.

Нетопоренко прочелъ и какъ бы нѣкоторое время оставался въ недоумѣніи.

— Служить вамъ угодно у меня? — проговорилъ онъ, склоняя голову на бокъ.

— Да, я желалъ-бы.

— Конечно, я для его высокопревосходительства долженъ и стремлюсь всей душей сдѣлать все!.. сказалъ Нетопоренко, модничая и не безъ важности.

Изъ письма Ливанова онъ очень хорошо увидѣлъ, что тотъ не слишкомъ близко къ сердцу держалъ племянника.

— Ваша прежняя служба? — прибивилъ онъ.

— Я изъ университета.

— А, да! Но тамъ вѣдь есть разные факультеты?

— Я юристъ.

— А, да!

Важность Нетопоренка все больше и больше увеличивалась.

— Это, впрочемъ, для службы все равно. Почеркъ вашъ позвольте видѣть.

— Я писать умѣю — отвѣчалъ Баклановъ съ улыбкою, и не снимая перчатки, на первомъ же попавшемся ему клочкѣ началъ писать: *Милостивый Государь*!

— Нѣтъ, ужь вы потрудитесь дома тамъ, что-ли,

Из фондов Российской национальной библиотеки

на акуратномъ этакомъ листикѣ бумажки написать... Я генералу долженъ показать.

Генераломъ Нетопоренко называлъ своего управляющаго.

— Я это могу и здѣсь сдѣлать, — отвѣчалъ Баклановъ и, взявъ со стола совѣтника листъ бумаги, написалъ на немъ отчетливо нѣсколько строчекъ. Почеркъ, впрочемъ, у него былъ очень хорошій, но смѣлость, съ которой онъ это сдѣлалъ, не понравилась Нетопоренкѣ: стоя за спиной Бакланова въ то время, какъ тотъ писалъ, онъ покачивалъ на него головой; потомъ, посмотрѣвъ съ серьезнымъ видомъ на написанное и положивъ молча бумагу на столъ, онъ явно хотѣлъ поговорить передъ своимъ будущимъ подчиненнымъ и дать ему нѣкоторое понятіе о своемъ взглядѣ на вещи.

— Ученіе?.. Образованіе?.. — началъ онъ какъ бы вопросительно и разваливаясь въ креслахъ: — но надобно смотрѣть, согласно ли оно съ религіей, съ нравственностью и, наконецъ, какъ вліяетъ оно на самое поведеніе человѣка.

— Образованіе, я думаю, не портитъ ничего этого, — проговорилъ Баклановъ.

— О, нѣтъ! Не скажите! — воскликнулъ Нетопоренко. — Изъ наукъ, конечно — исторія вотъ... Я самъ любилъ ее въ молодости... описывается жизнь монарховъ и другихъ великихъ особъ — все это, разумѣется, въ нравственномъ духѣ! Или математика — учитъ тамъ разнымъ вычисленіямъ объясняетъ движеніе свѣтилъ небесныхъ.

Бакланову даже совѣстно было слушать всю эту чепуху.

— Но ваша философія, господа — продолжалъ Нетопоренко, нѣсколько даже взвизгивая и возвышая голосъ почти до совершенной фистулы: — она прямехонько подкапываетъ основы государства... Я бы запретилъ имя ея упоминать для молодыхъ людей.

Баклановъ мрачно молчалъ.

— Вѣдь, ученье — это еще одни разсужденія, а служба ужь дѣло!.. настоящее.. — продолжалъ Нетопоренко, приходя въ паѳосъ разговора... Вонъ предсѣдатель нашъ... Я всегда это, безъ лести, про него говорилъ... Онъ, какъ прочтетъ дѣло, такъ и начинаетъ его разбирать, какъ ленты: эту прядку — сюда, эту — сюда... Смотришь, оно ужь у него и поетъ! Это умъ! соображеніе!.. А ваши всѣ эти финтифлюшки — все это еще буки!

„Вотъ мерзавецъ-то,“ — думалъ Баклановъ. — Когда же и могу получить отвѣтъ, и могу ли я надѣяться имѣть хоть какое-нибудь классное мѣсто? — проговорилъ онъ вслухъ вставая.

— Ничего еще не могу сказать; во-первыхъ, первоначально повидаюсь съ вашимъ дядюшкой, желаю отъ него слышать нѣсколько болѣе опредѣленную рекомендацію объ васъ; потомъ доложу генералу... Я человѣкъ маленькій: мнѣ что прикажутъ, то я и дѣлаю...

— Я постараюсь заслужить ваше довѣріе, — проговорилъ Александръ и самъ не зная, зачѣмъ онъ это говоритъ.

— Вѣрю-съ! — отвѣчалъ ему, не безъ ядовитости, Нетопоренко. — Хотя въ то же время, прямо долженъ вамъ сказать, — продолжалъ онъ: — что вы, гг. университетскіе, мало годитесь для нашей службы: слишкомъ поверхностны... слишкомъ любите высшіе взгляды кидать, а что нужно для дѣла, то пропускаете.

Баклановъ ничего не возразилъ и раскланялся.

Главное, его удивляло то: какимъ образомъ этотъ человѣкъ масонъ, значитъ, все-таки принадлежитъ къ кружку людей честныхъ и образованныхъ? По своей молодости и неопытности онъ не зналъ еще, что ко всѣмъ добрымъ начинаніямъ, когда они войдутъ въ силу и

моду, какъ къ памятникамъ въ губернскихъ городахъ, всего больше напристанетъ грязи и навозу.

Нетопоренки и теперь занимаются не менѣе благороднымъ дѣломъ: они вольнодумничаютъ и читаютъ со слезами на глазахъ Шевченко!

XVIII.

Мѣсто, гдѣ Нетопоренко—божокъ.

Не безъ робости, черезъ четыре дня, Баклановъ вошелъ въ палату. Въ передней онъ увидалъ сторожа и нѣсколькихъ мужиковъ съ печальными лицами. Въ слѣдующей комнатѣ молоденькій чиновникъ печаталъ конверты, а другой, совсѣмъ старый, съ глубокомысленнымъ видомъ, записывалъ ихъ въ книгу и выставлялъ на нихъ нумера.

Баклановъ подошелъ къ нимъ.

— Я желалъ бы видѣть г-на Нетопоренко! — сказалъ онъ.

— А зачѣмъ вамъ? — спросилъ съ любопытствомъ молодой чиновникъ.

— Я на службу здѣсь поступаю, — отвѣчалъ откровенно Баклановъ.

— Да куда же? Здѣсь, вѣдь, нѣтъ вакансій! — проговорилъ молодой чиновникъ.

— Какъ нѣтъ! — забрюзжалъ на него старикъ: — вчера помощнику во второмъ столѣ велѣли подавать въ отставку.

— За что же это такъ? — спросилъ, уже съ нѣкоторымъ негодованіемъ, молодой человѣкъ.

— Нагрубилъ тамъ, что ли, совѣтнику! — отвѣчалъ старикъ равнодушно.

Бакланову сдѣлалось неловко: неужели это для него

Из фондов Российской национальной библиотеки

выгнали человѣка изъ службы? Однако онъ промолчалъ.

— Это, значитъ, вамъ въ хозяйственное отдѣленіе надо... туда ступайте! — сказалъ молодой чиновникъ, показывая ему на слѣдующую комнату.

Бакановъ вошелъ и увидѣлъ у средняго простѣнка столъ; по прочимъ двумъ стѣнамъ тоже стояли столы съ надписями: 1-й, 2-й, 3-й... У простѣночнаго стола сидѣлъ чиновникъ, съ Станиславомъ на шеѣ, съ лицомъ точно крапленнымъ сажей и въ очкахъ.

При входѣ Бакланова, онъ сейчасъ же обернулся и сталъ на него смотрѣть, но не въ очки, а черезъ нихъ, какъ будто бы онъ ихъ берегъ на разсматриваніе болѣе достойныхъ предметовъ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ онъ наконецъ.

— Я ожидаю г-на Нетопоренко, — отвѣчалъ Бакановъ.

— Ну такъ подождите тамъ... Здѣсь не мѣсто! — проговорилъ чиновникъ.

— Это былъ дѣлопроизводитель отдѣленія, тоже малороссъ и любимецъ Нетопоренки.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, всѣ націи, кромѣ русской, имѣютъ свои партіи, и члены ихъ тянутъ другъ друга за уши на ступеняхъ житейской лѣстницы.

Бакановъ, дѣлать нечего, опять вышелъ въ прежнюю комнату.

— Что же вамъ тамъ сказали? — спросилъ его, съ любопытствомъ, молодой чиновникъ.

— Да тамъ не велятъ и стоять! — отвѣчалъ Бакановъ.

Молодой чиновникъ покачалъ головой.

Бакланову ужасно хотѣлось сѣсть. Онъ начиналъ чувствовать усталость и какую-то невыносимую тоску, которую иначе нельзя назвать, какъ *тоской просителей* въ присутственныхъ мѣстахъ.

Изображение предоставлено Российской национальной библиотекой

Будучи не въ состояніи долѣе стоять на ногахъ, онъ сѣлъ на окно. Чиновники, между тѣмъ, какъ шмели, безпрестанно шмыгали мимо его. Проходилъ иногда и правитель дѣлъ, съ озабоченнымъ лицомъ и съ перомъ за ухомъ. Всякій разъ онъ несовсѣмъ дружелюбно посматривалъ на Бакланова и, наконецъ, проговорилъ ему:

— На окнахъ сидѣть нельзя-съ; они не для того сдѣланы.

— Гдѣ-жъ мнѣ сидѣть? — я усталъ, — отвѣчалъ Баклановъ уже дерзко.

— Пріемная комната у насъ вотъ гдѣ-съ! — отвѣчалъ дѣлопроизводитель, указывая на темную переднюю, гдѣ стояли мужики.

Баклановъ, однако, туда не пошелъ и продолжалъ сидѣть на окнѣ. Тоска доходила въ немъ почти до отчаянія. Наконецъ, часовъ въ двѣнадцать все какъ-то засуетилось, и въ присутственной комнатѣ послышался звонокъ. Туда пробѣжалъ сторожъ. Стали потомъ проходить и выходить съ почтительными физіономіями столоначальники.

Баклановъ догадался, что это пріѣхалъ Нетопоренко.

„И этакому скоту подобная честь!“ подумалъ онъ, и въ то же время, не зная какъ добраться до таинственнаго святилища присутственной комнаты, онъ снова обратился къ молодому чиновнику, принимавшему въ немъ хоть маленькое участіе.

— Нельзя ли обо мнѣ доложить г-ну Нетопоренкѣ? — сказалъ онъ.

— Я не могу этого!.. Съ большимъ бы удовольствіемъ, но намъ не приказано: у насъ только сторожъ докладываетъ, — отвѣчалъ тотъ вѣжливо и пожимая плечами.

Баклановъ подошелъ къ сторожу.

— Доложи, пожалуйста, г. Нетопоренкѣ, что я пришелъ.

— Теперь, занимаются, нельзя! — отвѣчалъ солдатъ рѣшительно.

— Но онъ, можетъ-быть, и все будетъ заниматься!— возразилъ Баклановъ.

— Ну, и все будутъ! — повторилъ солдатъ.

— Емельянъ Ѳомичъ самъ велѣлъ имъ придти! — вмѣшался въ разговоръ молодой чиновникъ.

— Зачѣмъ... а кто его знаетъ?

— Да, вѣдь, тебѣ говорятъ, братецъ; какой ты, помилуй! — подтверждалъ чиновникъ.

— Велѣлъ?... кажинный разъ ругается, — бормоталъ солдатъ, однако пошелъ, и черезъ нѣсколько секундъ возвратился и прошелъ прямо въ свою переднюю.

— Что же? — спросилъ его съ нетерпѣніемъ Баклановъ.

— Докладывалъ.

— Что же?

— Ничего не сказалъ.

— Баклановъ, съ бѣшенствомъ, отошелъ и сталъ къ своему прежнему окну, готовый плюнуть на все: и на палату, и на дядю, и на Петербургъ.

Наконецъ изъ дверей присутствія раздался голосъ Нетопоренки: „Пожалуйте, г. Баклановъ!“ Баклановъ вошелъ и увидѣлъ огромный столъ, покрытый отличнымъ краснымъ сукномъ, щегольское, рѣзное золотое зеркало, мягкія, эластичныя кресла, каминъ.

Лакейская фигура Нетопоренки ужасно не шла ко всему этому комфорту.

— Ну-съ, — встрѣтилъ онъ Бакланова: — я видѣлся съ вашимъ дядюшкой... мѣсто у насъ есть, если угодно, помощника столоначальника.

— О, помилуйте, я очень радъ! — проговорилъ Александръ, въ самомъ дѣлѣ обрадованный.

Вся физіономія Нетопоренки какъ бы мгновенно измѣнилась въ его глазахъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Я могу, значитъ, сейчасъ и прошеніе подать?— проговорилъ онъ.

Нетопоренко усмѣхнулся.

— Нѣтъ, нельзя-съ! сегодня суббота — день неприсутственный... Какъ же вы этого не знаете? А еще юристъ! — проговорилъ онъ и покачалъ Бакланову головой.

Тотъ, впрочемъ, вышелъ отъ него, совершенно съ нимъ примиренный и довольный, и въ регистратурѣ съ нѣкоторою уже важностью поклонился своему прежнему покровителю, молодому чиновнику!

XIX.

Канцелярское важничанье.

Въ слѣдующій понедѣльникъ Баклановъ, съ просьбой въ карманѣ, по крайней мѣрѣ, ждалъ часа два. Къ сердцу его начинала опять подступать *просительская тоска*.

Управляющій, наконецъ, пріѣхалъ. Это былъ высокій мужчина, черноволосый, съ черными, густыми бакенбардами, въ мундирѣ и съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Проходя въ присутствіе, онъ не отвѣтилъ никому изъ чиновниковъ на ихъ поклоны.

Бакланова сейчасъ же позвали.

Въ присутствіи онъ увидѣлъ, что управляющій сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ подалъ ему прошеніе. Управляющій, нахмуривъ брови, развернулъ его и, быстро прочтя, спросилъ:

— Отчего же оно не *по титулу*?

Нетопоренко заглянулъ въ бумагу и поблѣднѣлъ.

— Не сказано, кто проситъ; *дабы* пропущено...— говорилъ управляющій.

Нетопоренко качалъ укоризненно Бакланову головой.

— Рукоприкладство не по пунктамъ, и мѣста жительства нѣтъ...

— Зачѣмъ же мѣсто жительства? спросилъ сильно сконфуженный Баклановъ.

— Какъ зачѣмъ? — отвѣчалъ ему, въ свою очередь, вопросомъ управляющій.

— Позвольте, я ему поправлю-съ, говорилъ Нетопоренко, и, взявъ просьбу, во мгновеніе ока, написалъ на ней на верху: *по титулѣ*, потомъ кто проситъ и наконецъ вставилъ, гдѣ слѣдуетъ *дабы*.

— Учатъ тоже у насъ, а спросили бы чему! — говорилъ онъ, возвращая Бакланову прошеніе.

— На-те, перепишите тамъ-съ, прибавилъ онъ почти съ пренебреженіемъ.

Баклановъ горѣлъ отъ стыда и досады; однако, выйдя въ регистратуру, переписалъ прошеніе, которое у него и приняли.

Нетопоренко самъ его потомъ повелъ въ отдѣленіе.

— Вотъ ваше мѣсто и вашъ начальникъ! — сказалъ онъ, подводя его ко второму столу.

Столоначальникъ Бакланова оказался очень еще молодой человѣкъ, высокій, стройный, съ поднятою вверхъ физіономіей и чрезвычайно, должно быть, самолюбивый. Онъ не опривѣтствовалъ своего новаго подчиненнаго не только какимъ-нибудь ласковымъ словомъ, но даже хоть сколько-нибудь внимательнымъ взглядомъ, и почти не глядя на него, проговорилъ, показывая ему на цѣлую связку дѣлъ:

— Вотъ дѣла къ *разрѣшенію-съ*.

Баклановъ взялъ. Онъ, собственно говоря, и фразы этой *къ разрѣшенію*, не понялъ. Пересмотрѣлъ одно дѣло, другое, третье; но спросить своего молодаго столоначальника не хотѣлъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое! — повторялъ онъ больше про себя и шепотомъ.

Юный столоначальникъ наконецъ услыхалъ это.

— Надобно написать распоряженіе по послѣдней бумагѣ, проговорилъ онъ неторопливо и нехотя.

— Благодарю! — сказалъ Баклановъ, и смекнувъ въ чемъ дѣло, принялся работать.

Послѣдняя бумага была донесеніе земскаго суда о томъ, что одно дѣло имъ неокончено, но что при первой возможности къ нему будетъ приступлено.

Перелистывая бумаги, Баклановъ видѣлъ, что земскому суду разъ пять по этому дѣлу подтверждали, а потому, не думая долго, онъ распорядился: земскому суду сдѣлать выговоръ и объявить: если не кончитъ сего дѣла въ недѣльный срокъ, такъ на его счетъ будетъ посланъ нарочный.

Во второмъ дѣлѣ было отношеніе консисторіи о совращеніи въ расколъ крестьянской дѣвки Марьи Емельяновой, семидесяти лѣтъ и глухонѣмой отъ рожденія. Баклановъ еще въ деревнѣ слыхалъ, какъ притѣсняютъ раскольниковъ, и при чтеніи этой бумаги, воспылавъ благороднымъ негодованіемъ, написалъ: „Такъ какъ крестьянкѣ Марьѣ Емельяновой семьдесятъ лѣтъ и она глухонѣмая, то къ какому бы она толку ни принадлежала — все равно, и подвергать ее изслѣдованіямъ жестоко и безчеловѣчно!“ Покончивъ это, онъ пріостановился, зѣвнулъ, и имъ овладѣла другаго рода тоска, которую можно назвать *канцелярской* и которою страдаютъ сами чиновники. Спину у него ломило, но болѣе всего ему былъ непріятенъ этотъ запахъ бумаги и какое-то повсемѣстное чувство песку, а между тѣмъ и ѣсть начинало хотѣться.

— Что мы въ которомъ часу выходимъ изъ присутствія? — спросилъ онъ столоначальника, но тотъ не отвѣтилъ ему на это, а объяснилъ одинъ изъ писцовъ.

— Въ пять-съ!

Бакланов съ ужасомъ взглянулъ на часы, на которыхъ всего было три часа. Чтобы какъ нибудь спастись отъ скуки, онъ снова принялся заниматься, но уже настольнымъ реестромъ.

— Тутъ вписывается содержаніе дѣла, — сказалъ, увидѣвъ это, столоначальникъ, по прежнему не глядя на самого Бакланова.

— Знаю-съ, — отвѣчалъ тотъ, и началъ вписывать одно дѣло въ листахъ на двухъ, другое на трехъ, третье на четырехъ, — такимъ образомъ дѣлъ десять до самыхъ пяти часовъ.

— Ухъ! — проговорилъ онъ самодовольно и едва разгибая спину.

Съ столоначальникомъ передъ выходомъ онъ опять было порывался проститься по-дружески, но тотъ едва протянулъ ему конецъ руки.

Молодой человѣкъ этотъ былъ побочный сынъ побочнаго сына министра, что, можетъ быть, и развило въ немъ такъ самолюбіе.

XX.

Надругательство надъ моимъ героемъ.

Когда на другой день Бакланов пришелъ на службу, столоначальникъ его былъ ужь тамъ.

По свойственной всѣмъ людямъ слабости — слѣдить за своими умственными дѣтищами, Бакланов сейчасъ же замѣтилъ, что рѣшенныя имъ вчера дѣла лежали на столѣ; но всѣ резолюціи его сверху до низу зачеркнуты и вмѣсто ихъ написаны другія.

— Чтожъ, развѣ то, что я написалъ, не годится? — спросилъ онъ несовсѣмъ спокойно столоначальника.

Изображение Российской национальной библиотеки

— Да-съ! — отвѣчалъ тотъ, съ своею, по обыкновенію, гордо поднятою физіономіей, и какъ бы сказавъ самую обыкновенную вещь, отошелъ и сталъ разговаривать съ дѣлопроизводителемъ.

Баклановъ однако не хотѣлъ съ-разу отказаться отъ своего труда.

— Почему же нельзя ужь земскій судъ припугнуть? — спросилъ онъ насмѣшливо, когда столоначальникъ снова возвратился на свое мѣсто.

— Потому, что на него мы можемъ представлять только въ губернское правленіе, отвѣчалъ тотъ, и преспокойно взявъ листъ бумаги, началъ на немъ писать.

Баклановъ закусилъ губы. Онъ видѣлъ, что молодой начальникъ его былъ правъ и не изъ пустаго каприза перемаралъ резолюціи.

— Но почему же объ раскольникахъ не прошла резолюція? — спросилъ онъ не такимъ ужь рѣшительнымъ голосомъ.

— То какая-то безсмыслица, — отвѣчалъ столоначальникъ и, сверхъ обыкновенія, даже улыбнулся.

— Но, вѣдь, это еще доказать надо! — проговорилъ Баклановъ.

— Консисторія намъ сообщаетъ, чтобы командировать депутата — только! — отвѣчалъ столоначальникъ, и, какъ бы не желая больше разсуждать о подобныхъ пустякахъ, снова принялся писать.

— Но позвольте-съ! — воскликнулъ Баклановъ, я самъ видѣлъ на мѣстѣ въ жизни, какъ несправедливо притѣсняютъ раскольниковъ.

— Что-жъ изъ того?— спросилъ столоначальникъ.

— А то, что мы, какъ защитники крестьянъ, должны же за нихъ заступаться.

— Депутата для того и командируютъ; наконецъ это дѣло будетъ въ судебномъ мѣстѣ, рѣшеніе пришлютъ намъ на заключеніе.

Баклановъ опять видѣлъ, что молодой столоначальникъ правъ. Будь это старикъ, Баклановъ перенесъ-бы терпѣливо, но такой молокососъ и такъ славно знаетъ дѣло. „Какъ у него, канальи, все это ясно и просто въ головѣ,“ думалъ онъ и, робѣя взяться за резолюціи, сталъ заниматься настольнымъ. Исписавъ въ одномъ дѣлѣ всю бумагу, онъ обратился къ столоначальнику.

— Что тутъ, пришить надо? У меня больше нѣтъ мѣста!—спросилъ онъ его совершенно спокойно.

— Какъ мѣста нѣтъ!—спросилъ столоначальникъ и даже покраснѣлъ; но, взявъ реэстръ въ руки, рѣшительно пришелъ въ ужасъ.

— Что вы такое тутъ надѣлали?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Баклановъ тоже струсилъ.

— Что такое?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Вы всю книгу испортили: она выдана на годъ, а вы по двадцати дѣламъ всю бумагу исписали — это сумасшествіе наконецъ!

— Но, вѣдь, какъ-же, иначе нельзя... — говорилъ заикаясь Баклановъ.

— Какъ нельзя-съ!... Вы чортъ знаетъ какихъ выраженій тутъ насовали: „странныя распоряженія“ уѣзднаго суда, „возмутительная медленность“ гражданской палаты, тогда какъ она выжидаетъ аппеляціонные сроки.

Столоначальникъ взялъ книгу и пошелъ къ секретарю. Оба они нѣсколько времени, какъ-бы совершенно потерявшись, разговаривали между собой. Наконецъ, секретарь обратился къ Бакланову.

— Вы, видно, не служить сюда поступили, а портить только; коли сами не понимаете—спросили-бы...

Стыду и оскорбленію моего героя въ эти минуты предѣловъ не было. Онъ не въ состояніи даже былъ ничего отвѣчать.

— Объяснить надо Емельяну Ѳомичу; докладъ особый придется писать... — толковали, между тѣмъ, его начальники.

„И къ Емельяну Ѳомичу еще пойдутъ, къ скоту этому!“ думалъ Баклановъ, совсѣмъ поникнувъ головой.

Столоначальникъ прошелъ въ присутствіе.

Баклановъ, стыдно сказать, дрожалъ, какъ школьникъ.

— Г-нъ Баклановъ!—крикнулъ, наконецъ, изъ присутствія голосъ Емельяна Ѳомича.

Считай Баклановъ хоть сколько-нибудь себя правымъ, онъ всѣмъ-бы имъ наговорилъ дерзостей; но онъ ясно понималъ, что тутъ навралъ и былъ глупъ: вотъ что собственно его уничтожало.

— Васъ опредѣлили, а вы не хотите ни у кого спросить? Вѣдь это не стихи писать! Нѣтъ, не стихи,—повторилъ нѣсколько разъ Нетопоренко и съ такимъ выраженіемъ, что какъ-бы презрѣннѣе стиховъ ничего и на свѣтѣ не было.

— Ученые, тоже: ахъ, вы! Вотъ вамъ примѣръ молодой человѣкъ!

При этомъ онъ указалъ на стоявшаго гордо у стола столоначальника:

— Съ перваго разу въ службу вникнулъ какъ слѣдуетъ; а отчего? оттого что умъ есть, а у васъ вѣтеръ! Ступайте!

Баклановъ, и тутъ ни слова не отвѣтивъ, вышелъ. „Подать въ отставку!“ подумалось ему; но это значилобы явно показать, что онъ струсилъ службы и не можетъ ее понимать.

Домой онъ возвратился въ совершенномъ отчаяніи.

„На что я способенъ и чему меня учили?“ думалъ онъ съ бѣшенствомъ.

Бѣдному молодому человѣку и въ голову не прихо-

дило, что въ своемъ посрамленіи онъ былъ живой человѣкъ, а унижающіе его люди — трупы. Что какъ ни нелѣпы на видъ были его распоряженія, но въ нихъ онъ шелъ все-таки къ смыслу ихъ мертваго безсмысленнаго дѣла!

Из фондов Российской национальной библиотеки

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Наперсница.

Отъ Новоспасскаго кладбища по шоссе, обсаженному пирамидальными тополями, въ городъ К*** ѣхала быстро щегольская парная карета. На набережной, передъ небольшимъ, но красивымъ домикомъ, экипажъ остановился, и изъ него вышла молодая женщина въ траурѣ. Рѣшительно не замѣчая — кто ей отворилъ дверь, какъ все мило было въ бѣлой свѣтлой залѣ, какъ въ палевой гостиной, въ простѣночныхъ зеркалахъ отразился ея стройный станъ, она прошла, и въ слѣдующей комнатѣ, имѣвшей видъ будуара, снявъ съ себя шляпку, сѣла на табуретъ передъ богатымъ туалетомъ. Это была наша Софья Петровна Ленева.

Костюмъ ея, по наружности, былъ довольно простъ: черное, шелковое платье, черныя бусы съ довольно большимъ крестомъ, черные браслеты: но чего все это стоило, понялъ-бы самый неопытный глазъ: изящество дышало въ каждой вещичкѣ на ней, въ каждой складкѣ ея платья.

По стройности и правильности своего стана и выразительной красотѣ лица, Софи какъ-будто-бы и на русскую даму не походила. Скорѣй это была итальянка, но только итальянка свѣтская, аристократическая.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Въ ея будуарѣ было богато и съ большимъ вкусомъ убрано.

Софья Петровна, по крайней мѣрѣ, съ часъ сидѣла, полузакрывъ лицо и погруженная въ глубокую задумчивость. Лицо ея выражало печаль и озабоченность.

Маленькая, почти потаенная, подъ пунцовыми обоями, дверь отворилась, и въ комнату, по мягкому, шелковистому ковру, неслышно вошла тоже знакомая намъ дѣвушка, Иродіада, и тоже въ траурѣ, съ изящнымъ бѣлымъ воротничкомъ и съ вышитыми рукавчиками. Она очень похорошѣла, сдѣлалась еще стройнѣе, и даже ноги у ней стали маленькія, изящныя и обутыя въ пятирублевыя, прюнелевыя ботинки.

Исторія ея, съ тѣхъ поръ какъ мы ее оставили, очень проста: смиреніемъ своимъ она до того умилила Биби, что та сама ей разъ сказала:

— Не хочешь-ли, Иродіада, въ монастырь?... Я вижу, что тебя ничто въ мірѣ не влечетъ!

— Да, сударыня, если-бы милость ваша была, — отвѣчала Иродіада.

— Ахъ, пожалуйста! Я за грѣхъ себѣ считаю удерживать тебя,—отвѣчала Биби, и въ первую-же поѣздку въ городъ дала Иродіадѣ вольную.

Та сначала объявила ей, что поѣдетъ къ Митрофанію на богомолье, а вмѣсто того проѣхала въ ту губернію, гдѣ жила Софи съ мужемъ.

— Возьмите меня, Софья Петровна; я буду служить вамъ, какъ и тетенькѣ вашей служила!... — объявила она; и въ этотъ разъ въ голосѣ ея слышно было что-то особенное, такъ что Софи, не задумавшись, взяла ее и, по своей страсти видѣть около себя все красивое, сейчасъ-же одѣла ее какъ куколку.

Бывшей печальницѣ и смиренницѣ, кажется, это было весьма не непріятно, и затѣмъ госпожа и служанка очень скоро и очень тѣсно сошлись между собою.

— Эммануилъ Захарычъ прислали-съ! — начала наконецъ Иродіада, негромко и неторопливо.

Софи взмахнула на нее глазами, и какое-то утомительное чувство промелькнуло у ней въ лицѣ.

— Что-же?—спросила она.

— Спрашиваютъ, могутъ-ли они пріѣхать къ вамъ.

— Нѣтъ! — сказала-было сначала Софи рѣзко; но потомъ, обдумавъ, прибавила: — скажи, что я только-что сейчасъ пріѣхала съ могилы моего мужа, мнѣ не до гостей.

Иродіада неторопливо вышла.

Въ своей комнатѣ, тоже очень чистенькой и красиво прибранной, она нашла черноватаго, курчаваго молодаго господина, съ явно-еврейскою физіономіей, большаго, должно быть, франта, съ толстою золотою цѣпочкой на часахъ и въ брилліантовыхъ перстняхъ.

— Сто-зе-съ? — спросилъ онъ, модно помахивая шляпой.

— Онѣ больны... не могутъ принять, — отвѣчала Иродіада.

— Ахъ ты, Бозе мой, Бозе мой! — произнесъ посланный: — такъ господинъ убивается... такъ!

— Онѣ очень нездоровы! — отвѣчала Иродіада прежнимъ ровнымъ тономъ.

Посланный не уходилъ и продолжалъ смотрѣть себѣ на руки и на сапоги.

— Могу-ли я съ вами переговорить два слова? — сказалъ онъ наконецъ.

— Что? — спросила Иродіада.

Два слова! — повторилъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ началъ что-то такое скороговоркой объяснять Иродіадѣ. Она его слушала какъ-то насмѣшливо холодно.

— Такъ? — заключилъ онъ.

Молодой человѣкъ торопливо засунулъ руку въ боковой карманъ, вытащилъ оттуда бумажникъ, вынулъ изъ

него сторублевую бумажку и подалъ ее Иродіадѣ. Та равнодушно приняла ее. Молодой человѣкъ протянулъ къ ней руку; она хлопнула по ней своею рукой, которую онъ и поцѣловалъ съ чувствомъ, а затѣмъ, надѣвъ еще въ комнатѣ шляпу на бекрень, модно расшаркался и вышелъ. Иродіада какъ-то мрачно посмотрѣла ему вслѣдъ.

Софи, между тѣмъ, все еще продолжала сидѣть въ задумчивости. Вдругъ раздался звонокъ. Софи даже вздрогнула.

— Иродіада! Иродіада! — крикнула она.

Та проворно вошла.

— Скажи, что я не могу принять, что я спать легла, — говорила Софи и начала торопливо развязывать снурки у платья, какъ-бы затѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ раздѣться и лечь.

Иродіада вышла въ переднюю.

Софи напрягла весь слухъ, чтобъ услышать, что тамъ будетъ говориться; она закусила свои красивыя губки, лицо ея поблѣднѣло.

Иродіада наконецъ возвратилась.

— Что ты такъ долго?... — сказала, почти съ тоской, Софи.

— Это не Эммануилъ Захарычъ!.. — отвѣчала та.

— Какъ? — спросила Софи, и взялась ужь рукой за бьющееся сердце.

— Это Александръ Николаевичъ Баклановъ! — договорила Иродіада.

— Ахъ! — вскричала Софи, и вскочивъ, побѣжала на встрѣчу.

Передъ ней, въ самомъ дѣлѣ, стоялъ Баклановъ.

Первое время они ничего не въ состояніи были говорить, а взяли другъ друга за руки и смотрѣли одинъ другому въ глаза.

Иродіада, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, тоже смотрѣла на нихъ.

Из фондов российской национальной библиотеки

II.

Опять поэзія.

— Хорошо-ли у меня здѣсь? — было первое слово Софи, когда они усѣлись съ Александромъ въ будуарѣ.

— Да! — отвѣчалъ тотъ, сіяя весь радостью.

— Ахъ! Боже мой! погоди, постой! — воскликнула вдругъ Софи, закрываясь рукой.

У ней невольно текли слезы.

— Ну вотъ и ничего, прошло!.. Иродіада, дай воды! — прибавила она, снова открывая свое прелестное лицо, хотя щечки ея еще дрожали.

Иродіада, съ нѣсколько лукавымъ видомъ, подала ей воду: она еще въ Ковригинѣ, когда Баклановъ и Софи бывали тамъ, догадывалась о чувствахъ, которыя молодые люди питали другъ къ другу.

— Ну, такъ какъ-же? — заговорила Софи.

— А также!.. — отвѣчалъ ей Баклановъ, смотря на нее съ нѣжностью.

— Какъ-же ты пріѣхалъ сюда?

— А такъ!.. Какъ ты мнѣ написала, что мужъ твой померъ и другое-прочее, такъ я сейчасъ къ дядѣ Ливанову... знаешь, я думаю, его?

— Да! Когда мы, въ первый годъ моего замужества, ѣздили съ Яковомъ Назарычемъ въ Петербургъ, такъ часто бывали у него...

— Онъ не ухаживалъ за тобой?

— Было немножко! Постой, какъ онъ называлъ тогда меня!.. Да!.. Прекрасной Юдифью, и все пророчествовалъ, что я не одному Олоферну, а сотнѣ такимъ посшибаю головы.

— Чтожъ, это правда? — спросилъ Баклановъ.

— Не знаю, можетъ быть, — отвѣчала Софи кокетливо. — Ну-съ, отправились къ дядѣ?

— Отправился къ дядѣ и говорю: такъ и такъ, грудью страдаю: а около этого времени я прочиталъ, что здѣсь мѣсто уголовныхъ дѣлъ стряпчаго открылось. „Похлопочите, говорю, чтобы перевели меня.“ Онъ самъ поѣхалъ къ министру.

— Какой, однако-же, добрый, — замѣтила Софи.

— Какое, къ чорту, добрый! Я денегъ у него около этого времени попросилъ въ займы, такъ боялся, что это часто повторяться будетъ.

Софи засмѣялась.

— Поѣхалъ я наконецъ, — продолжалъ Баклановъ: — и что я чувствовалъ, подъѣзжая сюда, и сказать того не могу: вдругъ, думаю, она уѣхала куда-нибудь, или умерла, — что тогда со мной будетъ?.. Пріѣзжаю въ гостиницу, и спросить не смѣю; наконецъ почти шепотомъ говорю: „Здѣсь такая-то госпожа живетъ?“ — „Здѣсь“, говорятъ... Я и ожилъ.

— О, какой ты милый! — воскликнула Софи.

И молодые люди, сами не отдавая себѣ отчета, поцѣловались.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ Баклановъ: — что по случайному, можетъ быть, стеченію обстоятельствъ, но ты одна только была и осталась *поэзіей* въ моей жизни; а то — эта глупая студенческая жизнь, въ которой происходилъ или голый развратъ, или ломанье въ родѣ Печорина передъ какою-нибудь влюбленною госпожей.

— А была-же такая? — произнесла весело-ревниво Софи.

— Была! — отвѣчалъ Баклановъ. — Потомъ этотъ Петербургъ, въ которомъ, если у дѣвушки нѣтъ состоянія, такъ ее никто не возьметъ, и онѣ, какъ тигрицы, кидаются тамъ на васъ, чтобы выйдти замужъ, а по-

томъ и притащутъ къ вамъ жить папеньку, маменьку, свояченицъ, родятъ вамъ въ первый-же годъ тройниковъ.

Софи покачала, съ улыбкою, головой.

— Ты такой-же все насмѣшникъ, какъ и прежде былъ! — сказала она, глядя съ любовью на Бакланова: — впрочемъ и здѣсь все то-же, если не хуже! — прибавила она съ легкимъ вздохомъ.

— Но здѣсь у меня *ты* есть! Пойми ты, сокровище мое! — воскликнулъ Баклановъ: — здѣсь я для тебя одной буду жить, тобой одною дышать.

— О, да, — воскликнула Софи съ полнымъ увлеченіемъ.

— Ты свободна; я свободенъ! — говорилъ Александръ.

— А мать у тебя умерла? — спросила Софи.

— Да! — отвѣчалъ онъ, почти съ удовольствіемъ: — что-же-съ? — продолжалъ онъ, вставая и раскланиваясь передъ Софи: — когда вы прикажете мнѣ явиться къ вамъ и сказать: Софья Петровна, позвольте мнѣ имѣть честь просить вашей руки, и что вы мнѣ на это скажете?

— Я скажу: да, да и да! — отвѣчала Соня.

— Софья Петровна! — продолжалъ Александръ, въ томъ-же комическомъ тонѣ (отъ полноты счастья онъ хотѣлъ и дурачиться). — Будете-ли вы мнѣ женой вѣрной и покорной?

— Буду, вѣрной и покорной, но только небережливой, потому что мотовка ужасная.

Баклановъ вдругъ всталъ передъ ней на колѣни.

— „Божественное совершенство женщины, позволь мнѣ передъ тобой преклониться!“ — проговорилъ онъ монологомъ Ричарда. — А ты отвѣчай мнѣ: продолжалъ онъ, хватая ея ручку и колотя ею себя по лицу: „Гнусное несовершенство мужчины, поди прочь.“

— О, нѣтъ, милый, чудный! — отвѣчала та, обхва-

Из фондов Российской национальной библиотеки

тивъ и цѣлуя его голову; а потомъ Баклановъ поднялъ лицо свое, и они слились въ долгомъ, долгомъ поцѣлуѣ.

Обоимъ имъ тогда было — Софьѣ двадцать три года, а Бакланову двадцать шесть лѣтъ.

III.

Выставляющіеся углы дѣйствительности.

На другой день майское утро свѣтило въ будуарѣ Софи сквозь спущенныя бѣлыя сторы. Въ комнатѣ было полусвѣтло и прохладно.

Софи, въ спальной блузѣ, въ изящныхъ туфляхъ съ толстою распущенною косой, сидѣла передъ своимъ туалетомъ. Она сама представляла собою неменѣе полную свѣжести и силы весну.

Иродіада, тоже въ стройномъ, и по случаю праздника, бѣломъ платьѣ, засучивъ кокетливо рукава, убирала госпожѣ волосы.

Софи, впрочемъ, на этотъ разъ не съ обычнымъ вниманіемъ занималась своимъ туалетомъ, неприкладывала и не примѣривала свои волосы, какъ имъ лежать слѣдовало, а все предоставила Иродіадѣ, и сама сидѣла въ задумчивости.

— Александръ Николаичъ надолго сюда пріѣхалисъ? — спросила вдругъ та.

— Надолго... Онъ служить здѣсь будетъ, — отвѣчала Софи.

Что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки пробѣжало по лицу Иродіады.

— Я, можетъ быть, замужъ за него выйду, — прибавила Софи улыбаясь.

Иродіада молчала.

— Нравится онъ тебѣ? — прибавила Софи.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Баринъ молодой-съ! — отвѣчала Иродіада.

Нѣкоторое время между госпожей и служанкою продолжалось молчаніе.

— Александръ рѣшительно меня спасетъ... — проговорила Софи, какъ бы больше сама съ собою.

Иродіада въ это время убирала щетку, гребенку, помаду.

— Денегъ у васъ, Софья Петровна, ничего нѣтъ! — проговорила она какимъ-то холоднымъ голосомъ.

— Ну, заложи тамъ что-нибудь! — отвѣчала Софи безпечно.

— Что, барыня, закладывать-то? Серебро ужь все заложено, вещи тоже; не платье-же нести, — отвѣчала Иродіада.

На лицѣ Софи изобразилась тоска.

— У Эммануила Захарыча можно взять-съ! — произнесла съ нѣкоторою разстановкой, Иродіада.

Софи взглянула на нее съ испугомъ.

— Они ничего, дадутъ-съ. Только и желаютъ, чтобы хоть на часъ, на минуту васъ видѣть.

Софи сидѣла и терла себѣ лобъ.

— Ну, хорошо, поди возьми!.. Скажи, чтобы приписалъ тамъ къ прежнему счету, — проговорила она торопливо.

Иродіада, однако, не уходила.

— Когда-жъ имъ пріѣхать-то прикажете?

Выраженіе лица Софи сдѣлалось совсѣмъ мрачно.

— Завтра что ли-съ? — продолжала Иродіада.

— Нѣтъ, завтра у меня Александръ будетъ! — воскликнула Софи, какъ бы испугавшись.

— Ну, послѣ завтра-съ.

Софи ничего на это не возразила.

IV.

Чувствительный еврей.

Иродіада въ новенькомъ бурнусѣ, съ зонтикомъ и въ прелестной шляпкѣ, которую подарила ей Софи,

всего два раза сама ее надѣвавшая, проворно шла по тротуару.

Ни въ походкѣ, ни въ наружности Иродіады ничего не было, чтобы напоминало горничную, такъ что одинъ приказный, только было передъ ея проходомъ выбравшійся изъ погребка:

— Ай, батюшки, совѣтница наша, совѣтница! — проговорилъ онъ, стыдливо закрываясь рукой и сейчасъ же снова себя погребая въ погребкѣ.

По темнымъ извѣстіямъ, Иродіада сама принадлежала къ дворянскому роду и чуть-ли не была дочерью Евсевія Осипыча, который какъ-то разъ пріѣзжалъ къ секундъ-маіору погостить, и все шутилъ съ одною замужнею женщиной, которая послѣ того и родила дочь, совершенно непохожую на мужа. Софи даже теперь иногда съ удивленіемъ всматривалась въ свою горничную и замѣчала, что она ужасно похожа на нее, особенно съ глазъ.

Передъ огромнымъ каменнымъ домомъ, съ колоннами и съ цѣльными стеклами въ окнахъ всего бельэтажа, Иродіада остановилась и вошла въ рѣзную, краснаго дерева, дверь. Что тутъ живетъ не владѣтельный какой-нибудь принцъ, — можно было догадаться по тому только, что на правомъ флигелѣ, выкрашенномъ такою же краской, какъ и домъ, была прибита голубая доска съ надписью: *контора питейно-акцизнаго откупа.*

Войдя, Иродіада увидѣла швейцара съ золотою булавой и во фракѣ, обложенномъ позументомъ.

— Здравствуйте-съ,—сказала она, дружески мотнувъ ему головой.

— Вы къ Іосифу Яковличу или къ Эммануилу Захарычу? — спросилъ ее тотъ нѣсколько таинственно.

— Къ Эммануилу Захарычу,—отвѣчала Иродіада.

— Онъ тамъ у себя, въ кабинетѣ теперь, — сказалъ швейцаръ, вѣжливо отворяя дверь.

Иродіада, какъ вступила туда, такъ и пошла по превосходному англійскому ковру. Мебель въ первой комнатѣ была зеленая, кожаная. Въ углахъ стояли мраморныя статуи въ своей безцеремонной наготѣ, отъ чего Иродіада проходя мимо ихъ, всякій разъ тупилась.

Далѣе, въ самомъ кабинетѣ — шли орѣховыя по́лки по стѣнамъ, съ рѣзными, поддерживающими ихъ, львиными рожами и лапами. Окна полузакрывались толстою ковровою драпировкой.

Но что собственно въ этой комнатѣ составляло предметъ всеобщаго вниманія и зависти, такъ это невзломаемый и несгораемый шкафъ со скудными лептами откупа, около котораго, сверхъ его собственной крѣпости, клались еще на ночь спать два, нарочно нанимаемые для того, мужика.

Самъ Эммануилъ Захарычъ, въ ермолкѣ, въ шелковомъ сюртукѣ, въ шитыхъ золотомъ туфляхъ, сидѣлъ передъ огромнымъ письменнымъ столомъ. Онъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ масляными, приподнятыми вверхъ глазами, отчасти кривошей и сутуловатый — признакъ несовсѣмъ здороваго позвоночнаго столба, и вообще всею своею физіономіей онъ напоминалъ тѣхъ судей, которые соблазняли Сусанну.

— Ахъ, бонъ зуръ!—проговорилъ онъ, увидѣвъ входящую Иродіаду, и даже взялъ и пожалъ ея руку.

Буква *з* у него, также, какъ и у повѣреннаго его, сильно слышалась въ произношеніи.

— Софья Петровна приказала вамъ кланяться, — начала та: — и велѣла вамъ сказать, что вчера онѣ не могли васъ принять, такъ какъ не очень здоровы были.— Сегодня докторъ тоже велѣлъ имъ ванну взять, а завтра— чтобы вы пожаловали.

— Ну сто-зъ... хоть и завтра, — произнесъ съ грустію Эммануилъ Захарычъ.

— Еще Софья Петровна приказали, — продолжала

Иродіада тѣмъ же бойкимъ тономъ: — такъ какъ имъ теперича денегъ очень долго не высылаютъ изъ деревни,— чтобы вы денегъ пожаловали... Пусть тамъ ужь, говорятъ, къ общему счету и припишетъ.

— Денегъ, — произнесъ Эммануилъ Захаровичъ съ тѣмъ неуловимымъ выраженіемъ, которое появляется у человѣка, когда его тронутъ за самую чувствительную струну: — я все дѣлаю!.. все!.. — прибавилъ онъ.

— Онѣ очень хорошо это и чувствуютъ-съ, — отвѣчала Иродіада.

— Гдѣ же чувствуютъ, гдѣ? не визу я того...

— Молоды еще, сударь, онѣ очень! — отвѣчала Иродіада.

— Ты-зе любись Іосифа, любись?

Иродіада улыбнулась и грустно потупилась.

— И меня-то Богъ не помилуетъ за то... — сказала она.

— Не Бога-зе она боится!

— Бога не Бога, а что въ свое еще спокойствіе и удовольствіе жить желаютъ.

— Въ свое удовольствіе! — повторилъ досадливо Эммануилъ Захарычъ и, вставъ, подошелъ къ завѣтному шкафу.

— Сколько-зе тебѣ? — прибавилъ онъ, вынимая оттуда несовсѣмъ спокойною рукой тысячную пачку денегъ.

— Всю ужь пожалуйте, — отвѣчала, проворно подходя къ нему, Иродіада и почти выхватывая у него изъ рукъ пачку и опуская ее въ карманъ.

На лицѣ Эммануила Захаровича опять промелькнуло какое-то неуловимое выраженіе.

— Я пріѣду! — сказалъ онъ какимъ-то, точно угрожающимъ голосомъ.

— Пріѣзжайте-съ! — сказала Иродіада и пошла.

Но Эммануилъ Захарычъ опять прикликнулъ ее.

— Ты изъ насихъ? — спросилъ онъ ее.

— Чего-съ?

— Изъ евреевъ?

— Нѣтъ-съ!

— А я думалъ, что изъ евреевъ!..—продолжалъ онъ, устремляя на нее недовѣрчивый взглядъ: а потомъ перенесъ его на висѣвшую на стѣнѣ картину, изображающую жертвоприношеніе Авраамомъ сына. Какъ тому для Бога, такъ ему для своей любви ничего, видно, было не жаль!

Въ сѣняхъ Иродіаду опять остановилъ швейцаръ.

— Іосифъ Яковличъ просилъ васъ зайдти къ нему на минуточку, — сказалъ онъ.

— Можетъ и самъ къ намъ придти; мнѣ еще некогда!—отвѣчала она бойко и, выйдя на улицу, сейчасъ же взяла извощика и поѣхала домой.

— Привезла, барыня, — сказала она съ восторгомъ, входя и подавая Софи пачку ассигнацій.

Софи только усмѣхнулась.

— Что же онъ говорилъ?—спросила она.

— Пріѣдутъ послѣ-завтра вечеромъ.

Софи сдѣлала недовольную мину.

— Вы ужь полюбезничайте съ нимъ, — сказала Иродіада.

— Какъ-же, сейчасъ! — отвѣчала Софи, и когда Иродіада вышла, она всплеснула почти въ отчаяніи руками:

— Господи, когда меня Богъ развяжетъ съ этимъ человѣкомъ! — произнесла она.

V.

Воркованье голубковъ.

Вечера на югѣ наступаютъ ранѣе и быстрѣе.

Софи сидѣла съ Баклановымъ въ кабинетѣ ея покойнаго мужа, послѣ смерти котораго она сейчасъ ве-

лѣла вынести всѣ хоть сколько-нибудь напоминающія его вещи и оставила одинъ портретъ его, и то потому, что онъ былъ превосходно написанъ и вставленъ въ щегольскую золотую раму. На изображеніи этомъ покойный Леневъ былъ представленъ въ совершенно ему несвойственной величественной позѣ, и какъ-бы съ презрѣніемъ смотрѣвшимъ на оставленный имъ теперь міръ.

Большое, створчатое окно, выходившее въ садъ, было растворено.

Молодые люди сидѣли — одинъ по одну его сторону, а другая по другую.

Съ густыхъ и далеко разросшихся деревьевъ опахивало вечернею свѣжестью.

— „Ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!“ — продекламировалъ Баклановъ, навѣвая на себя рукою въ самомъ дѣлѣ благоухающій воздухъ.

— А ты все также любишь стихи?—спросила Софи, лаская его по плечу.

— Ужасно!!. а тутъ, пожалуй, и самъ поэтомъ сдѣлаешься... Посмотри въ эту сторону! — воскликнулъ онъ, показывая ей на западъ, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, облака натворили, Богъ знаетъ, какихъ чудесъ: то понадѣлали они изъ себя какъ-бы людей-великановъ въ шлемахъ, съ щитами, то колесницы, то звѣрей съ открытыми пастями, и все это было съ позлащенными краями.

— А здѣсь еще! — обернула его Софи въ другую сторону.

Тамъ, невѣдомо отчего, шла цѣлая полоса свѣта и вообще въ небѣ былъ тотъ общій безпорядокъ, когда догорающій день борется съ напирающими на него со всѣхъ сторонъ тучами. Вдали уже погремливало.

— Ты любишь громъ? — спросила Софи.

— Люблю... Въ громъ любить сильнѣй можно.

— Отчего?

— Оттого что сама любовь есть не что иное, какъ электричество.

— Вотъ какъ! — сказала Софи, и выставилась въ окно подальше, чтобы посмотрѣть, гдѣ именно гремитъ. При этомъ грудь ея очутилась на рукѣ Бакланова.

— А у тебя, однако, сердцишко порядочно бьется! — сказалъ онъ, дотрогиваясь до того мѣста, гдѣ должно было быть у нея сердце.

— Еще бы! — отвѣчала Софи, отодвигая его руку и вообще садясь попрямѣй.—А помнишь-ли, ты меня все Тамарой называлъ?—прибавила она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Да: „Прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла!“ — воскликнулъ Баклановъ.

— А, можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ такая, — подхватила Софи лукаво.

— Ничего! Я готовъ хоть сейчасъ-же купить цѣною жизни ночь твою... Вотъ пусть въ это же окно и вышвырнутъ.

Софи отрицательно покачала головой.

— Я не хочу того,—отвѣчала она.

— А я хочу.

— Ни! — возразила Софи по-малороссійски.

Баклановъ схватилъ себя за голову.

— Ну что: ни! — возразилъ онъ: — Неужели же тебѣ нужно это вѣнчаніе, чтобы тамъ пѣли, вѣнцы надѣвали. Богъ и здѣсь насъ благословитъ.

— Это не Богъ, а лукавый бѣсенокъ! — говорила Софи: — я хочу за тебя выйдти чистою и непорочною, какъ дѣвушка. Вѣдь я почти что дѣвушка!

— Не нужно мнѣ этого, не надо! — воскликнулъ Баклановъ и, вскочивъ, схватилъ Софи въ объятія, и въ то время какъ она слабо сопротивлялась, онъ цѣловалъ ее въ лицо, въ шею.

— Постой, погоди! два слова — проговорила, наконецъ, она.

Александръ нѣсколько поотпустилъ ее.

Софи сейчасъ же дернула за сонетку, и сейчасъ же затѣмъ вошла въ комнату Иродіада.

— Дай мнѣ капель,—сказала Софи.

— Какихъ-съ?—спросила та въ удивленіи.

— Ну, какихъ-нибудь?

Сметливая горничная поняла наконецъ, что госпожа приказала ей, чтобы что-нибудь приказать; а потому, наливъ въ рюмку простой воды, принесла ее вмѣстѣ со свѣчей.

— Вамъ минутъ черезъ десять прикажете подавать-съ — спросила она съ улыбкой.

— Нѣтъ, черезъ пять,—отвѣчала Софи.

Иродіада ушла.

Портретъ Ленева отъ принесеннаго огня выглянулъ изъ рамы.

Баклановъ стоялъ взволнованный, сконфуженный и растерянный.

Софи подошла къ нему.

— Смотрите, вонъ онъ сойдетъ и убьетъ васъ! — сказала она, показывая на мужа.

Баклановъ не могъ удержаться и взглянулъ на нее. О, какъ она была прелестна.

— Прощайте!—сказалъ онъ.

— Прощай, — сказала ему и Софи, цѣлуя его по крайней мѣрѣ въ сотый разъ.

На дворѣ была настоящая ужь буря: гремѣлъ громъ и шелъ проливной дождь.

VI.

Простота провинціальныхъ нравовъ.

Настоящій прокуроръ былъ боленъ. Бакланову, съ самыхъ первыхъ шаговъ, пришлось исправлять его долж-

Из фондов Российской национальной библиотеки

ность: въ это время, разумѣется, ссылались люди на каторгу, присуждались тысячныя имѣнія отъ одного лица къ другому, и все это нашъ молодой юристъ долженъ былъ повѣрять и контролировать, — но увы! кромѣ совершеннаго незнанія всѣхъ этихъ обязанностей, у него въ воображеніи безпрестанно мелькали хорошенькое личико Софи, ея ручка, ножка... Въ одно изъ присутствій, когда онъ сидѣлъ и держалъ глаза болѣе механически устремленными на бумаги, вошелъ сторожъ-солдатъ.

— Мозеръ, ваше высокоблагородіе, васъ спрашиваетъ,—сказалъ онъ.

— Что?—переспросилъ его Баклановъ.

— Мозеръ, ваше высокородіе! — повторилъ солдатъ.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ Баклановъ, обращаясь ужь къ прокурорскому письмоводителю, сидѣвшему тутъ же за столомъ.

— Это вѣрно управляющій здѣшнимъ откупомъ, объяснилъ тотъ.

— Спрашиваетъ васъ, ваше высокородіе, — повторилъ еще разъ солдатъ.

— Такъ пускай войдетъ сюда!... Чтожъ мнѣ идти къ нему? — сказалъ Баклановъ.

— Позови сюда, какой ты глупый! — сказалъ солдату и письмоводитель.

Сторожъ повернулся и пошелъ какъ-то нерѣшительно: онъ, кажется, сильно удивлялся, что какъ это такъ мало оказываютъ вниманія господину, у котораго столько водки.

Тотчасъ же послѣ его ухода, вошелъ знакомый намъ Іосифъ Яковлевичъ.

Сначала онъ съ нѣжностью пожалъ руку у письмоводителя, а потомъ подошелъ къ Бакланову.

— Такъ какъ, васе высокородіе, Эммануилъ Захарычъ не такъ, знацитъ, здоровы теперь: „Поди, говоритъ, и праси гаспадина стрящаго кусать ко мнѣ.“

— Кто такой? что такое? — спрашиваетъ Баклановъ, привставая и въ самомъ дѣлѣ рѣшительно ничего не понимая.

— Откупщикъ, васе высокородіе, проситъ васъ, — объяснилъ точнѣе Мозеръ.

Баклановъ немножко вспыхнулъ и разсердился.

— Извините меня, я ѣзжу на обѣды только къ знакомымъ мнѣ лицамъ, — отвѣчалъ онъ.

— Эммануилу Захарычу очень зовѣстно, — началъ опять Іосифъ, нѣсколько, по обыкновенію, модничая:— они теперь не выѣзжаютъ... „Праси, говоритъ, господина стряпчаго. У меня, говоритъ, будутъ г. вице-губернаторъ, г. предсѣдатель... г. губернаторъ.“ Сдѣлайте бозескую милость, васе высокородіе, откусать у насъ,— заключилъ Мозеръ.

— Ей-богу, не знаю... если буду имѣть время, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Сдѣлайте милость! — повторилъ еще разъ Мозеръ и, модно раскланявшись, вышелъ.

Ему собственно ничего не было приказано отъ Эммануила Захарыча, который былъ, какъ мы знаемъ, здоровешенекъ, но сметливый агентъ, придя случайно въ прокурорскую и услышавъ о пріѣздѣ новаго стряпчаго, счелъ не лишнимъ завербовать его на первыхъ же шагахъ въ свой кругъ, такъ какъ по многимъ опытамъ было дознано, что отъ денегъ нѣкоторые помоложе чиновники еще спасались, но отъ тонкихъ обѣдовъ никто!

— Что за господинъ? — спросилъ Баклановъ опять письмоводителя.

— Къ нимъ точно что всѣ ѣздятъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Всѣ?

— Всѣ-съ! Обѣды ужь очень отличные... Сто рублевъ въ мѣсяцъ одному повару-французу-съ платятъ.

— Съѣздить развѣ? — проговорилъ, подумавъ, Баклановъ.

— Поѣзжайте-съ! — одобрилъ его письмоводитель.

VII.

Неблагодарныя дѣти.

Бакановъ проѣхалъ на обѣдъ прямо изъ присутствія. Тотъ же швейцаръ, съ булавой и только въ совершенно новомъ ливрейномъ фракѣ, и даже въ шелковыхъ чулкахъ и съ болѣе обыкновеннаго важною физіономіей, распахнулъ передъ нимъ дверь.

— Вы къ Эммануилу Захарычу, или къ Іосифу Яковлевичу? — спросилъ онъ его.

Бакановъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать.

— Я къ откупщику, — отвѣчалъ тотъ.

— Да вы обѣдать, что-ли, пріѣхали? — продолжалъ его допрашивать швейцаръ.

Бакановъ совершенно сконфузился.

— Да, — отвѣчалъ онъ.

— Ступайте на верхъ-съ. Тамъ барчики есть, — сказалъ швейцаръ, указавъ головой на великолѣпнѣйшую лѣстницу, уставленную мраморными статуями и цвѣтами. — Ваша фамилія-съ? — добавилъ онъ какъ-бы вспомнивъ, что ему собственно надо было дѣлать.

— Бакановъ.

— Бакановъ! — крикнулъ швейцаръ, ударивъ въ звонокъ.

— Бакановъ! Бакановъ! — раздалось два, три голоса.

Подобнаго соединенія барства и хамства Бакановъ никогда еще въ жизнь свою не видывалъ. Онъ пошелъ.

Онъ роскошь попиралъ ногами, опирался рукой на роскошь, роскошь падала на него со стѣнъ, съ потолковъ и наконецъ, торчала въ видѣ по крайней мѣрѣ цѣлаго десятка лакеевъ, стоявшихъ въ первой же пріемной комнатѣ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Пожалуйте-съ! — проговорили они почти всѣ въ одинъ голосъ, показывая ему руками на виднѣвшуюся вдали залу и на раскинутый по ней длинный обѣденный столъ.

Баклановъ вошелъ, и первое, что кинулось ему въ глаза, былъ какъ-то странно расписанный потолокъ. По нѣкоторомъ разсмотрѣніи оказалось, что это ода Державина была изображена въ лицахъ: „Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами, разсыпала по нимъ и злато, и сребро; принесъ кошницу Тавръ; вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала.“ Видимо, что хозяинъ, въ этомъ случаѣ, хотѣлъ выразить, что онъ патріотъ и свой обѣденный храмъ не нашелъ ничѣмъ лучшимъ украсить, какъ рисунками изъ великаго поэта. Впрочемъ, Эммануилъ Захарычъ и вообще старался показать, что онъ русскій, за исключеніемъ нѣсколько-иноземнаго начала въ имени; онъ и фамилію имѣлъ совершенно народную: Галкинъ. Нѣкоторые смѣялись, что будто бы это прозвище онъ получилъ въ молодости оттого, что въ Вильно, для забавы гусарскихъ офицеровъ, въ ихъ присутствіи, за 50 рублей сер. съѣлъ, непоморщась, мертвую и сырую галку, — и эта скудная лепта послужила потомъ основаніемъ его теперешняго милліоннаго богатства.

На другой сторонѣ стола, Баклановъ увидѣлъ двухъ молодыхъ людей, въ гимназическихъ сюртукахъ: одинъ очень стройненькій и прямой, а другой ужасно хромой, такъ что когда шелъ, такъ весь опускался на одну изъ ногъ. Типъ Израиля ярко просвѣчивалъ въ обоихъ мальчикахъ. Увидѣвъ входящаго гостя, они сейчасъ же подошли къ нему.

— Папенька сейчасъ будетъ, — сказалъ развязно, и даже нѣсколько небрежно, старшій изъ нихъ и прямой на ногахъ.

— Я не зналъ здѣшнихъ обычаевъ, и пріѣхалъ, кажется, рано — сказалъ Баклановъ.

— Ничего-съ! — ободрилъ его старшій Галкинъ. — Вы изъ училища правовѣдѣнія, вѣроятно? — прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, я изъ университета.

— Изъ московскаго?

— Да.

— Мы и сами, я думаю, поступимъ въ университетъ. Здѣсь вотъ и училище есть, да профессора все скоты такіе.

— Отчего же? — спросилъ Баклановъ.

— Это ужь ихъ спросить надо! — отвѣчалъ насмѣшливо старшій Галкинъ.

— Ужасные скоты-съ! — подтвердилъ за братомъ хромоногій, совершенно опрокидываясь на свою сведенную ногу.

Баклановъ сталъ было осматривать комнату и виднѣвшуюся изъ нея окрестность. Молодые люди не оставляли его и шли за нимъ.

— Домъ очень дорого стоитъ, — началъ опять старшій: — но ужасно какъ глупо сдѣланъ: вотъ, посмотрите, — продолжалъ онъ, пріотворяя дверь и показывая комнату, сдѣланную подъ арабскій стиль съ куполомъ, съ диванами и, вѣроятно, назначенную для куренія. — Вѣдь, — пряникъ!... — продолжалъ юный Галкинъ: — все это зусальное золото! Посмотрите! — И въ самомъ дѣлѣ пальцемъ стеръ позолоту. — Ужь если золото, такъ оно можетъ быть терпимо только настоящее.

— У папеньки никакого нѣтъ вкуса! — подтвердилъ хромоногій, едва успѣвая ковылять за идущими братомъ и Баклановымъ въ слѣдующія комнаты.

— Эта комната помпейская, — продолжалъ старшій Галкинъ: — тутъ одинъ нашъ знакомый Зальцманъ пріѣзжалъ, онъ учился въ германскомъ университетѣ и просто разругалъ папа. Помпея хороша, когда она настоящая, а то Помпея изъ папье-маше! Это все папье-

маше!.. — говорилъ онъ ударяя пальцемъ по вазѣ съ виду какъ этрусской.

Бакланова начали, наконецъ, занимать молодые люди.

— Это тоже вздоръ! — продолжалъ Галкинъ, проводя его по комнатѣ, убранной à la Louis XV. — Все поддѣльное; даже здѣшніе столяры все и дѣлали, — ужасное скотство!

— Тутъ всякаго жита по лопатѣ! — замѣтилъ Баклановъ.

— Да! — отвѣчалъ съ гримасой пренебреженія его юный вожатый. — Знаете, какъ всегда у разбогатѣвшаго жида: все, чтобы сдѣлать для виду, на показъ; а ничего настоящаго.

— Какъ у мѣщанина въ дворянствѣ! — подтвердилъ меньшой.

„Ну, мальчики же!“ думалъ Баклановъ.

Изъ комнаты à la Louis XV они проходили корридоромъ.

— Папа, вѣроятно, ужь дома, — произнесъ Галкинъ. — Papa, sind Sie zu Hause? — проговорилъ онъ, съ полужидовскимъ акцентомъ.

— Ja! — отвѣчалъ ему голосъ изнутри.

— Онъ сейчасъ выйдетъ; пойдемте въ пріемныя комнаты, — сказали въ одинъ голосъ оба молодые Галкины и провели Бакланова въ великолѣпную гостиную.

— Къ папа такая все дрянь ѣздитъ,—началъ опять старшій:—разные генералишки, у которыхъ песокъ сыплется, чиновники—разные плуты и взяточники.

— Благодарю покорно! И я, значитъ, въ томъ числѣ, —сказалъ Баклановъ.

— О, нѣтъ! отчего-жъ,—возразилъ покровительственнымъ тономъ юный Зоилъ:—вы молодой человѣкъ, вонъ какъ и правовѣды-же. Мы очень любимъ правовѣдовъ. Они славно пробираютъ этихъ старыхъ канальевъ-взяточниковъ.

У Бакланова начала, наконецъ, кружиться голова отъ всей этой болтовни. Онъ самъ, въ первую молодость свою, многое отрицалъ въ родителяхъ, но такъ, чтобы рубить все съ плеча и кричать объ этомъ только что не на площади,—это чортъ знаетъ что такое!

VIII.

Мрачный синклитъ.

На часахъ, наконецъ, пробило четыре. Въ гостиную, изъ заднихъ комнатъ, вошелъ Эммануилъ Захарычъ. Дѣти сейчасъ-же поспѣшили отрекомендовать ему гостя.

— Г. Баклановъ,—сказали они ему.

Самъ Эммануилъ Захарычъ, кажется, совершенно и не зналъ, кто и какой это господинъ.

— Очень радъ... Душевно обязанъ...—говорилъ онъ, какъ котъ, закрывая глаза и обѣими руками пожимая, съ чувствомъ, руку Александра, а потомъ услышалъ тонкимъ слухомъ своимъ дальніе шаги.

— Вице-губернаторъ пріѣхалъ!—сказалъ онъ и, согнувшись, пошелъ въ залъ.

Тамъ дѣйствительно входилъ вице-губернаторъ, мужчина вершковъ 12-ти росту, изъ духовнаго званія и съ басомъ.

— Ровно четыре; не опоздалъ, какъ въ тотъ разъ, — говорилъ онъ, вынимая часы и показывая ихъ хозяину.

Тотъ, по-прежнему, склонилъ голову и, простирая обѣ руки, провелъ его въ гостиную.

— Иванъ Карпычъ!— проговорилъ онъ самъ съ собою и, снова повернувшись, вышелъ опять въ залъ...

Въ залъ входилъ подбористый генералъ.

— Жарко! Не правда-ли, да? — сказалъ онъ хозяину.

— О, заръ! заръ!—произнесъ Эммануилъ Захарычъ, какъ-бы даже съ грустью.

Вошелъ третій гость, косой и кривой, котораго хозяинъ ужь не встрѣчалъ.

— Ха, ха, ха! — хохоталъ онъ еще въ залѣ, — это ваши дрова-то? — обратился онъ прямо и совершенно безъ церемоніи къ Эммануилу Захарычу.

— Мои, что-зе-съ? — спросилъ тотъ его довольно сухо.

— Вотъ, батюшка, дрова-то!... вотъ... цѣлый кварталъ! — говорилъ тотъ, обращаясь къ вице-губернатору и къ генералу. — Ха, ха, ха! — заключилъ онъ все это снова:—ха, ха, ха!

Баклановъ удивился такому неудержимому потоку веселости, нисколько не подозрѣвая, что подъ всѣмъ этимъ скрывалось далеко не веселое сердце и нисколько не уступающее, по своему закалу, сердцу Эммануила Захаровича; но что дѣлать?... русскій былъ человѣкъ: счастія не было, да и на языкъ-то ужь былъ очень неосторожень, — бритва! Только и достигнулъ въ жизни того, что плутовалъ теперь переторговывая старыми экипажами.

Въ гостиную вбѣжалъ впопыхахъ старшій вольнодумецъ Галкинъ.

— Папа, Петръ Александрычъ пріѣхалъ!

Эммануилъ Захаровичъ вскочилъ чуть не козломъ и на нижней ступенькѣ лѣстницы принялъ главу властей съ двумя адъютантами.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда! — сказалъ тотъ, пожимая ему руку и потомъ, входя, кивалъ издали всѣмъ головой. Въ дверяхъ, проходя мимо самого Бакланова, онъ побольше мотнулъ головой и проговорилъ: —гора съ горой только не сходится!

Из фондов Российской национальной библиотеки

Въ гостиной Эммануилъ Захаровичъ подвелъ его къ настоящему Корреджіо.

Генералъ нѣсколько времени смотрѣлъ на картину сквозь кулакъ.

— Какъ эта пословица: не все то золото, что блеститъ, а про эту вещь надо говорить: хоть не блеститъ, а золото!

— О, это-зе тоцно!—произнесъ съ чувствомъ Эммануилъ Захаровичъ.

Въ углубленіи комнаты, въ это время, кривой господинъ толковалъ двумъ братьямъ Галкинымъ.

— Чудная, я вамъ говорю, дѣвочка... Она на ту сторону, и я; она на эту, и я; она въ калитку — ну, думаю, къ теплымъ ребятамъ попала.

Старшій Галкинъ хохоталъ, при этомъ во все горло. Недовольное лицо Эммануила Захаровича какъ-бы говорило: „Бозе мой! При такомъ начальствѣ и такъ себя ведутъ!“

Пріѣхалъ архіерей и посаженъ былъ рядомъ съ губернаторомъ.

— Это значитъ, что священники, по всей губерніи подали явку, что въ обѣдню отпираются кабаки!—объяснилъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, кривой господинъ, повернувшись къ Бакланову.

— Столъ готовъ! — произнесъ метръ-д'отель, тоже съ курчавой головой. Архіерей и губернаторъ пошли впередъ.

Въ залѣ стояло еще много новыхъ лицъ, но до того, вѣроятно, малозначительныхъ, что при видѣ начальника края они даже поблѣднѣли.

Вошла также и хозяйка дома—съ чернымъ, заскорбленнымъ лицомъ, въ шелковомъ платьѣ и въ блондовомъ чепцѣ. Поклонившись всѣмъ гостямъ однимъ поклономъ, она стала около того мѣста, на которое должна была сѣсть и разливать горячее. Назначеніе этой женщины

рѣшительно, кажется, состояло только въ томъ, чтобы разливать горячее, потому что весь остальной день она сидѣла въ своей комнатѣ, никто никогда съ ней ни слова не говорилъ, и даже сыновья, при встрѣчѣ съ ней, дѣлали гримасы и отворачивались. Отъ нея очень ужь попахивало тѣмъ, что въ стихотвореніи Гейне такъ испугало герцогиню.

Пастырь церкви началъ молитвою: „Господи, благослови сіе яствіе и питіе...“ и докончилъ ее шепотомъ, склонивъ голову.

Баклановъ не могъ удержаться и посмотрѣлъ, какъ крестятся Эммануилъ Захаровичъ и появившійся изъ низу Іосифъ Яковлевичъ. Оказалось, что они исполняли это въ совершенствѣ, хорошо, видно, понявъ свое прежнее религіозное заблужденіе.

Сѣли.

Супъ подали такой, что Баклановъ, проглотивъ ложку, долженъ былъ сознаться, что подобнаго совершенства онъ еще не ѣдалъ.

Подчиненные Эммануила Захаровича тоже, видно, очень довольные, послѣ обычнаго своего блюда изъ щуки съ лукомъ, чавкали и чавкали на весь столъ.

Косой господинъ не переставая хохоталъ и говорилъ.

— Вы отсюда въ клубъ?—обратился онъ опять прямо безъ всякой церемоніи къ Бакланову.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчалъ ему тотъ сухо.

— Поѣдемте! Здѣсь нечего оставаться... сегодня суббота... они шабашъ свой, вѣроятно, будутъ править!...—прибавилъ онъ громко, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что рядомъ съ нимъ сидѣли вольнодумный и хроменькій Галкины, которые на это даже сами усмѣхнулись.

— Вѣдь даромъ, что этакое рыло,—продолжалъ онъ, показывая рукой на хозяина: — а вѣдь какую чудную

женщину имѣетъ на содержаніи — прелесть что́ такое! Я когда-нибудь покажу вамъ ее...

— Чего-жъ она и стоитъ!—подхватилъ старшій Галкинъ.

— Ужасно дорого!—подтвердилъ хроменькій.

— Еще-бы вамъ даромъ? — объяснилъ имъ откровенно кривой.

Молодые люди опять только улыбнулись. Они, должно быть, сильно трусили его злаго языка.

Съ верхняго конца Бакланову безпрестанно слышалось весьма ласковое обращеніе начальника края къ хозяину: „Не красна изба углами, а красна пирогами“ —„не по хорошему милъ, а по милому хорошъ“, говорилъ генералъ послѣ каждаго почти слова. Онъ любилъ, особенно когда былъ въ духѣ, обо всемъ выражаться русскими поговорками.

Вслѣдъ за божественными соусами, подаваемыми въ морскихъ раковинахъ, слѣдовало шампанское.

День какой-то былъ нѣсколько торжественный. Послѣ здоровья Государя Императора, всей царской фамиліи, начальствующихъ лицъ города, хоръ музыкантовъ грянулъ: „Боже, Царя храни!“ Всѣ встали и первый началъ подпѣвать музыкантамъ косой господинъ, за нимъ затянули два адъютанта съ лицами очень похожими на лица, рисуемыя плохими живописцами у архангеловъ. Не пѣлъ только мрачный вице-губернаторъ; но за то онъ пилъ безпрестанно. Съ менѣе торжественныхъ обѣдовъ Эммануила Захаровича его обыкновенно увозили всегда безъ чувствъ, и все-таки откупъ его одного только въ цѣлой губерніи и побаивался. За адъютантами своими началъ подтягивать самъ начальникъ края, а за нимъ грянула и вся остальная братія гостей. У Бакланова морозъ пробѣжалъ по кожѣ: ему представилось, что онъ и всѣ прочіе господа—тѣ-же лица, какъ и въ *Ябедѣ* Капниста, которыя, ограбивъ неправеднымъ судомъ бѣд-

няка, у богатаго его противника пьютъ, ѣдятъ, поютъ и торжествуютъ свое поганое дѣло.

IX.

Капля яду, отравившая все.

Передъ домомъ Софи стояла карета. Въ окнахъ сквозь занавѣси, былъ видѣнъ свѣтъ.

Баклановъ, съѣздивъ послѣ обѣда домой и отдохнувъ немного, поѣхалъ къ ней.

Ему, на звонокъ его, отворила Иродіада.

— Софьи Петровны дома нѣтъ-съ! — сказала она.

— Отчего же огонь? — спросилъ Баклановъ.

— Это я сижу-съ, — отвѣчала Иродіада и, захлопнувъ у него передъ носомъ дверь, заперла ее.

Бакланову ужасно было это досадно; но дѣлать нечего; онъ поѣхалъ назадъ.

Проѣзжая мимо кареты, онъ, больше изъ пустаго любопытства, спросилъ кучера:

— Чья это карета?

— Коммерціи совѣтника Галкина, — отвѣчалъ тотъ, преважно лежа на козлахъ.

„Онъ ужь тутъ!.. у кого это онъ!..“ подумалъ Баклановъ, и все это какъ-то смутно и странно сложилось въ его головѣ.

Онъ велѣлъ везти себя въ клубъ и, только подъѣхавъ къ подъѣзду, сообразилъ, что для входа надобно, чтобы кто-нибудь его записалъ. Онъ вспомнилъ о косомъ господинѣ.

— Скажите, пожалуйста, здѣсь этакій косой, кривой господинъ? — спросилъ онъ у входныхъ лакеевъ.

Одинъ изъ нихъ только выпучилъ на него глаза.

— Это Никтополіоновъ, надо быть! — отвѣчалъ другой, бывшій, видно, нѣсколько подогадливѣе.

— Здѣсь, недавно только пріѣхалъ, — добавилъ онъ.

Баклановъ попросилъ его вызвать, сказавъ, что его проситъ господинъ, съ которымъ онъ сейчасъ обѣдалъ.

Никтополіоновъ показался на-верху лѣстницы.

— Входите, милости просимъ! — кричалъ онъ оттуда Бакланову.

— Записать меня, я думаю, надо! — говорилъ тотъ.

— Запишите! — крикнулъ Никтополіоновъ лакею, сидѣвшему за книгою.

— Какъ прикажите-съ? — спросилъ тотъ, обращая къ нему несовсѣмъ смѣлый взглядъ.

— Ну, пиши хоть: Чортъ Иванычъ Мордохаевъ. Лакей кажется такъ и написалъ.

— Простота, видно, у васъ... — говорилъ Баклановъ. входя на лѣстницу.

— Э! всякая дрянь, вѣдь, тутъ шляется... стоитъ церемониться! — говорилъ Никтополіоновъ, идя бойко впередъ. — Это все грекондосы, выжига все народъ! — говорилъ онъ, показывая на цѣлую кучку, по большей части молодыхъ людей, сидѣвшихъ около столиковъ и прихлебывавшихъ изъ рюмочекъ шербетъ.

— А это, вотъ, чихирники! — прибавилъ онъ, махнувъ рукой на двухъ черноватыхъ господъ, игравшихъ, одинъ противъ другаго въ карты.

— Какіе это чихирники? — невольно спросилъ Баклановъ.

— Армяне! — отвѣчалъ преспокойно Никтополіоновъ: — дуютъ себѣ въ полтинникъ бочку чихиря, да и баста... на грошъ, каналья, ладитъ пьянъ и сытъ быть... А это вотъ — все Эммануилы Захарычи! — заключилъ онъ, направляя взоръ Бакланова на цѣлую комнату, въ которой то тутъ, то тамъ виднѣлись библейскія физіономіи. — А каковъ обѣдецъ-то былъ? а? каковъ? — вскрикнулъ онъ вдругъ, останавливаясь передъ Баклановымъ, въ то время, когда тотъ садился въ биллiард-

ной на диванѣ. — Каковъ... ась?.. вотъ вамъ и будьте добродѣтельны, и будьте! — говорилъ Никтополіоновъ, съ истинною досадой. — Въ 35 году онъ, ракалія, сидѣлъ за корчемство въ острогѣ. Я самъ ему, своими руками, далъ полтинникъ, когда его вели изъ острога въ уголовную палату, и онъ взялъ; а въ то время у него, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ въ порткахъ было зашито. Вотъ вамъ и добродѣтель... Храните ее на землѣ!

— За сегодняшній обѣдъ ему можно простить многое, — сказалъ Баклановъ, чтобы хоть нѣсколько смягчить подобные отзывы.

— Все ужь и прощено ему давно, — отвѣчалъ Никтополіоновъ, махнувъ рукой. — Я вѣдь прямо всѣмъ здѣшнимъ властямъ говорю: „Ежели бы, говорю, я зналъ, что такой-то ночью, по такой-то улицѣ, пойдетъ господинъ, у котораго милліонъ въ карманѣ, я бы вышелъ и зарѣзалъ его, пятьсотъ бы тысячъ взялъ себѣ, а пятьсотъ вамъ отдалъ, вышелъ бы у васъ чище солнца!..“ Молчатъ, посмѣиваются только...

— Вы сейчасъ можете это сдѣлать, — началъ Баклановъ, опять чтобъ обратить нѣсколько въ шутку этотъ разговоръ. — У Галкина сколько денегъ? милліонъ есть?

— Десять, говорятъ, — отвѣчалъ Никтополіоновъ съ неудержимою злобой.

— Въ такомъ случаѣ, я вотъ сейчасъ около одного дома видѣлъ его карету; вы ступайте, подождите: онъ выйдетъ, вы и зарѣжьте его.

— Гдѣ это? На набережной вы видѣли?

— Да.

— А это онъ, значитъ, у любовницы своей, — произнесъ Никтополіоновъ.

— У любовницы? — переспросилъ Баклановъ, соображая, гдѣ же эта любовница могла жить въ томъ домѣ, гдѣ жила Софи; онъ всего былъ одноэтажный.

— Да,—отвѣчалъ утвердительно Никтополіоновъ. — Какъ ея фамилія-то проклятой! — прибавилъ онъ припоминая.

Бакланову вдругъ почему-то захотѣлось, чтобъ онъ не договаривалъ этой фамиліи.

— Ленева, да! да! такъ! — махнулъ вдругъ Никтополіоновъ.

— Ленева! — повторилъ Баклановъ: — не можетъ быть! — сказалъ онъ и захохоталъ.

— Отчего-жъ не можетъ быть? Онъ еще покойнаго мужа ея опуталъ. Привезъ сюда его, взялъ въ маленькую часть, выдавалъ ему денегъ больше чѣмъ слѣдовало, бралъ съ него векселя, ну а пожить-то тоже они любили широко... она, вонъ, этта при мнѣ, въ магазинѣ у Лямиля 500 цѣлковыхъ за разъ такъ и бросила.

— О, вздоръ какой!.. Ленева и Эммануилъ Захарычъ!.. ха, ха, ха! — хохоталъ Баклановъ, между тѣмъ какъ волосы у него становились дыбомъ отъ ужаса.

— Да вы развѣ знаете ее? — спросилъ Никтополіоновъ.

— Да! я ее знаю, — отвѣчалъ Баклановъ съ удареніемъ.

— Ну, такъ извините: это я говорилъ не про нее!— отвѣчалъ съ нахальнымъ спокойствіемъ Никтополіоновъ, и отошелъ.

Баклановъ покачивался всѣмъ тѣломъ.

— Никтополіоновъ!—крикнулъ онъ.

Тотъ подошелъ.

— Послушайте! — началъ Баклановъ (голосъ его окончательно ему измѣнилъ): для меня это важно, — такъ, можетъ быть, важно, какъ вы и не предполагаете. Скажите, правду ли вы говорите, или это такъ—одна клевета, для краснаго словца?

— Про Леневу-то?

— Да.

— Да спросите, весь городъ вамъ, всякій мальчишка скажетъ. Да вотъ, постойте!.. Эй ты, Михайло! — крикнулъ онъ маркеру: — любовница у Галкина есть?

— Есть! — отвѣчалъ тотъ.

— Кто?

— Ленева, кажется, по фамиліи-то.

— Я его не училъ! — сказалъ Никтополіоновъ и опять отошелъ.

Баклановъ продолжалъ сидѣть, качаясь всѣмъ тѣломъ. „Софи, вѣроятно, теперь, находится въ объятіяхъ Галкина.» Далѣе этого представленія онъ не могъ выдержать и, взявъ шляпу, проворно вышелъ изъ клуба.

Никтополіоновъ, начавшій играть на балліардѣ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ насмѣшливою улыбкой. Онъ видѣлъ, что чѣмъ-то напакостилъ человѣку, и былъ совершенно этимъ доволенъ!

X.

Дикій скиѳъ просыпается въ моемъ героѣ.

На улицахъ была совершенная темнота. Тепловатый, удушливый вѣтеръ опахиваетъ со всѣхъ сторонъ. Баклановъ не шелъ, а бѣжалъ къ дому Софи. У дверей онъ сначала позвонилъ, а потомъ сталъ стучать кулакомъ что есть силы. Иродіада, испуганная, въ одномъ бѣльѣ, съ сальною свѣчкой въ рукахъ, отворила ему дверь.

— Пусти! — сказалъ онъ и, проворно отстранивъ ее рукой, пошелъ въ залъ, гостиную и спальню.

— Баринъ, что вы дѣлаете? — говорила она, идя за нимъ.

Въ спальнѣ, Софи, уже улегшаяся, при слабомъ освѣщеніи ночной лампадки, едва успѣла накинуть на себя кофту и привстать съ постели.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Баклановъ пріостановился. Онъ видѣлъ только одно, что Софи была не съ любовникомъ.

Та, надѣвъ наскоро блузу и туфли, вышла къ нему.

— Почему вы меня не приняли, когда я былъ у васъ? — началъ онъ рѣзко.

Софи сконфузилась.

— Меня не было дома, сказала она.

— Но у васъ, однако, у подъѣзда была карета?

Голосъ и губы Бакланова при этомъ дрожали.

— Это была карета ихъ знакомой-съ, дожидалась тоже ихъ! — вмѣшалась въ разговоръ Иродіада.

— Молчи! — рявкнулъ на нее Баклановъ, и Иродіада скрылась.

— Это была карета вашего любовника! — обратился онъ уже къ Софи.

— Александръ!... — проговорила было та.

— Безъ восклицаній! — остановилъ онъ ее движеніемъ руки: — я для васъ бросилъ все: службу... Петербургъ... Я васъ за ангела невиннаго считалъ, а вы, ха, ха, ха! любовница жида!

— Я не любовница!... нѣтъ, Александръ, нѣтъ!..— говорила Софи, ломая съ отчаянія руки.

— Чтожъ онъ такое для васъ? спросилъ Баклановъ.

— Онъ!... (Софи очень сконфузилась.) Онъ пріятель моего мужа... имѣлъ съ нимъ дѣла... давалъ намъ деньги въ займы... и больше ничего!

— Деньги въ займы! Шейлокъ будетъ давать деньги въ займы! Да знаешь ли ты, коварное существо, что вѣдь они мясомъ, кровью человѣческою требуютъ уплаты себѣ...

Софи отвернулась: она, видимо, не находила возможности оправдаться.

— Вчера вы, — продолжалъ Баклановъ, заскрежетавъ зубами: — хотѣли чистою сохраниться для меня!...

Из фондов Российской Национальной библиотеки

Полно, такъ ли?... Не для любовника ли вашего, скорѣй, вы сберегали себя, чтобы нѣжнѣе усладить его въ объятіяхъ вашихъ.

— Александръ, Александръ! Не могу я съ тобой говорить; ты напугалъ меня.

— И Софи въ самомъ дѣлѣ только рыдала.

— А!—воскликнулъ Баклановъ: — у меня въ этихъ рукахъ только мало силы, чтобъ задушить тебя и себя!... Зачѣмъ вы меня требовали и выписывали сюда!... Чтобы насмѣяться, наругаться надо мной.

— Я люблю тебя!—произнесла Софи, складывая передъ нимъ руки.

— Нѣтъ! вы любите другаго!—отвѣчалъ Баклановъ съ пѣной у рта.—Оставьте хоть этимъ маленькое уваженіе къ себѣ; иначе что же васъ привело къ тому? Бѣдность ли, нищета ли? Вы, слава Богу, ходите въ шелкахъ, сидите на бархатѣ.

И онъ закрылъ лицо рукою и заплакалъ.

— Клянусь Богомъ, я невинна,—повторяла только Софи.

— Ты невинна? Отчего же вы давеча не приняли меня? Онъ вашъ знакомый — и я тоже!... Мало ли по двое знакомыхъ бываютъ въ одно время.

— Но его жъ не было у меня!! — вздумала было еще разъ утверждать Софи.

— А это что? это что? — говорилъ Баклановъ, показывая на окурокъ сигары, валявшійся на столѣ: губы его при этомъ посинѣли, лицо поблѣднѣло.

Софи тоже поблѣднѣла.

— Я, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, у него... въ домѣ... курилъ такую же сигару... въ такой же соломкѣ... онъ мнѣ самъ, изъ своего кармана подалъ ее... презрѣнная тварь! заключилъ Баклановъ и бросилъ сигаркою въ лицо Софи.

Та вскочила.

— Боже мой! Онъ бьетъ меня, наконецъ! — воскликнула она, и ушла къ себѣ въ комнату.

Иродіада поспѣшила за нею затворить дверь.

Бакановъ опустился на стулъ, потомъ вдругъ вскочилъ, ударилъ этотъ стулъ объ полъ и разбилъ его въ дребезги, схватилъ со стола шандалъ и тоже врѣзалъ его въ полъ, толкнулъ ногой притворенную въ залу дверь, такъ что та слетѣла съ петель и грохнулась на окно, которое разбилось и зазвенѣло, и затѣмъ, распахнувъ настежь дверь въ сѣняхъ, онъ вышелъ на улицу.

Софи и Иродіада, стоявшія запершись въ спальнѣ, трепетали какъ осиновыя листья.

Первое намѣреніе Бакланова было умертвить себя и только придя въ свой номеръ, онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ ни пистолета, ни даже бритвы. Не идти же въ трактиръ, просить ножа для этого?

Онъ въ изнеможеніи упалъ на постель, и такъ пролежалъ до самаго утра, не смыкая глазъ.

Къ утру озлобленіе въ немъ сдѣлалось нѣсколько спокойнѣе; но за то оно стало какъ-то упорнѣе и безсердечнѣе, и на тотъ алтарь, на который онъ такъ еще недавно возлагалъ такія искреннія жертвы, онъ уже плевалъ!

— А что, правда ли, что Ленева любовница откупщика? — спрашивалъ онъ грубо и цинически трактирныхъ слугъ.

— Да, говорятъ, что такъ-съ!.. — отвѣчали ему тѣ.

XI.

Съ разсчетомъ составленная коммиссія.

Городъ, выбранный нами въ настоящемъ случаѣ, совершенно идеальный и несуществующій. Лица, въ немъ выведенныя, тоже совершенно вымышленныя, и мы

только въ нихъ, по мѣрѣ нашего пониманія, старались выразить тѣ явленія, которыя не совсѣмъ же неприсущи нашей жизни, а теперь, сообразно нашему плану, намъ приходится выдумать и цѣлое уголовное дѣло. Положимъ, напримѣръ, хозяинъ дома Фокіевъ, 14 сентября, вышелъ изъ дома въ двѣнадцатомъ часу и увидѣлъ, что у жильца его, въ нижнемъ этажѣ, ставни были еще не отворены. Это его удивило, тѣмъ болѣе, что жилецъ жандармскій офицеръ, всегда рано вставшій и послѣднее время ужасно хлопотавшій по одному откупному дѣлу. Фокіевъ воротился и, войдя въ самую квартиру, увидѣлъ, что тамъ никого, кромѣ самаго жандармскаго офицера, не было, но и онъ лежалъ на постели, съ перерѣзаннымъ на-отмашь горломъ. Хозяинъ объявилъ полиціи, и тѣмъ же утромъ были на пароходѣ арестованы крѣпостные дворовые люди жандармскаго офицера, которые будто бы убили его за жестокое съ ними обращеніе, а потому ихъ, какъ бунтовщиковъ, предали военно-судной коммиссіи.

Въ коммиссіи этой предписали также засѣдать и Бакланову.

Задушивъ въ сердце своемъ чувство любви, онъ радъ былъ кинуться въ омутъ служебной дѣятельности.

Нервное и раздраженное состояніе въ немъ еще оставалось.

Презусомъ коммиссіи назначенъ былъ командиръ гарнизоннаго батальона, полковникъ богомольный и задумчивый, особенно въ послѣднее время, такъ какъ у него ужасная происходила тяжба съ полиціймейстеромъ, также опытнымъ военнымъ человѣкомъ, за воздухъ, которымъ должны дышать гарнизонные солдаты. Полковникъ говорилъ, что будто, по казарменному положенію, имъ надо было, положимъ, 60.000 кубическихъ саженъ, а злодѣй полиціймейстеръ увѣрялъ, что на практикѣ солдаты всего живутъ въ 30.000 кубическихъ саженяхъ,

и, соразмѣрно съ этою суммой, требовалъ сносу квартирныхъ денегъ. Начальникъ края могъ рѣшить этотъ вопросъ такъ и иначе.

Въ военные ассесоры себѣ полковникъ выбралъ поручика Козлова, изъ сдаточныхъ.

— Онъ намъ своими простыми чувствами всегда скажетъ вѣрно! — говорилъ онъ, и обращался потомъ къ самому поручику:

— Ну, какъ вы, Козловъ, объ этомъ думаете?

Поручикъ краснѣлъ и вставалъ.

— Я, ваше высокородіе, точно что... разумѣется... Коли не онъ или не она, такъ кто же другіе?

— Понимаю, понимаю, — перебивалъ его полковникъ. — Ну вотъ вамъ! — обращался онъ затѣмъ къ аудитору.

— Это что-съ! И сомнѣнія въ томъ никакого нѣтъ! — отвѣчалъ тотъ.

Членомъ гражданскимъ былъ провіантскій чиновникъ, который, можетъ быть, въ разныхъ сортахъ хлѣба и зналъ толкъ, но къ судебной части былъ совершенно равнодушенъ и получилъ настоящее назначеніе вѣроятно потому, что всегда и во всемъ сходился въ мнѣніяхъ своихъ съ начальствомъ.

Другимъ членомъ былъ командированъ тотъ чиновникъ, который производилъ самое слѣдствіе, и конечно все, что имъ было сдѣлано, находилъ превосходнымъ и совершенно достаточнымъ.

Бакланова избрали болѣе по его молодости и неопытности.

XII.

Молодость не всегда бываетъ удобна!

Собираясь въ коммиссію, герой мой нѣсколько разъ примѣрялся передъ зеркаломъ, какое ему сдѣлать серьез-

Из фондов Российской национальной библиотеки

ное лицо. Онъ снялъ съ руки золотое кольцо и оставилъ одно только чугунное, подаренное ему еще въ пансіонѣ Сонею; жилетъ надѣлъ черный, наглухо застегнутый. Все это онъ дѣлалъ съ тѣмъ, чтобы больше придать себѣ монашескій видъ. Несмотря на эти нѣсколько внѣшніе пріемы, Бакановъ шелъ на поприще судьи съ сердцемъ чистымъ и съ самымъ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать по самой крайней справедливости.

Дѣло, чтобы не было по немъ большой огласки, производилось на дому у презуса.

Когда Бакановъ вошелъ, члены коммиссіи, сидѣвшіе за столомъ, на которомъ стояло зерцало, пили чай и курили. При этомъ, или даже вообще, когда кто-нибудь изъ членовъ начиналъ курить, презусъ обыкновенно незамѣтно мигалъ поручику Козлову, который сейчасъ же вставалъ, вынималъ изъ зерцала орла и клалъ его на шкафъ, а потомъ, когда куреніе прекращалось, то снова вкладывалъ его въ прежнее мѣсто, вѣроятно затѣмъ, чтобы сія эмблема благосостоянія и могущества Россійской Имперіи не видѣла ихъ маленькой чиновнической слабости.

Аудиторъ, при входѣ Бакланова, допрашивалъ уже главную преступницу, дѣвку лѣтъ двадцати семи, съ неумнымъ, истощеннымъ и распутнымъ лицомъ, въ платчишкѣ на головѣ и въ оборванномъ капотишкѣ, съ кандалами на рукахъ и ногахъ. На всѣ вопросы, прежде чѣмъ отвѣчать, она моргала носомъ и обтирала его потомъ, звѣня цѣпями. У печки, въ комнатѣ тоже стоялъ арестантъ, съ болѣе умнымъ и звѣрскимъ лицомъ, и тоже въ наручняхъ.

Все это непріятно и тяжело поразило Бакланова. Онъ сѣлъ. Ему подали чай; онъ отказался.

— Ну, такъ какъ же? Наканунѣ Вздвиженья?.. — говорилъ хладнокровно аудиторъ, смотря однимъ глазомъ въ стаканъ чаю, изъ котораго по временамъ при-

хлебывалъ, а другимъ — въ лежавшіе передъ нимъ допросы.

— Да-съ! — отвѣчала дѣвка, моргнувъ носомъ.

— Ты сама-то что же дѣлала?

— Я, батюшка, на ножкахъ только у него посидѣла.

— Кто же за голову-то его держалъ? — продолжалъ аудиторъ.

— Николай-съ! — отвѣчала дѣвка, показавъ головой на мужчину-арестанта.

Тотъ при этомъ, сдѣлалъ что-то въ родѣ гримасы, и трудно было сказать, что она означала, — усмѣшку ли, или такъ его только подернуло.

— Онъ за волоски, чу! — говоритъ, его держалъ, — прибавила дѣвка.

— Что-жъ ты слышала при этомъ: оборонялся ли тотъ, бранился ли? Можетъ быть, не давался?

— Нѣтъ-съ, всхлипнулъ только, раза два, этакъ, горлышкомъ, — отвѣчала дѣвка.

У Бакланова начинали волосы становиться дыбомъ.

— Что это такое она разсказываетъ? — спросилъ онъ презуса, который съ грустнымъ видомъ прислушивался къ отвѣтамъ арестантки, и на вопросъ Бакланова даже не отвѣтилъ.

— Чѣмъ же, какимъ орудіемъ была нанесена ему смерть?—продолжалъ между тѣмъ, спрашивать аудиторъ.

— Да я и не знаю, — отвѣчала дѣвка, въ самомъ дѣлѣ, кажется не знавшая.

— Чѣмъ? — обратился аудиторъ къ мужчинѣ.

— Бритвой-съ, отвѣчалъ тотъ и опустилъ глаза въ землю.

— Но что же за причина, заставившая ихъ убить?— вмѣшался опять Баклановъ и потомъ, не давъ отвѣтить себѣ чиновнику, производившему слѣдствіе, онъ вдругъ обратился къ подсудимой:—Но что за причина, любезная, побудила тебя это сдѣлать?

Изъ фондов Российской национальной библиотеки

— Господинъ, судырь, одинъ научилъ насъ и двѣ тысячи рублевъ денегъ далъ намъ за то.

— Гдѣ же и какой это господинъ? — заговорилъ торопливо Баклановъ. — Онъ содержится, вѣроятно, въ острогѣ тоже?

— Вретъ все! отводы одни! — произнесъ съ печальною усмѣшкой, презусъ.

— Я не видывала ихъ-съ, не знаю, кто такіе, — отвѣчала дѣвка.

— Стало-быть, они не за жестокое обращеніе, какъ сказано въ предписаніи, убили господина, а ихъ кто-то подучилъ къ тому? — не отставалъ Баклановъ.

— Такъ и есть, какъ сказано въ предписаніи-съ!.. Видятъ, что пишутъ... изъ всего дѣла соображаютъ, — объяснилъ было ему провіантскій чиновникъ.

— Но какъ же? нѣтъ, позвольте, господа! — восклицалъ Баклановъ, начиная ужь горячиться. — Вы за жестокое обращеніе убили барина, или васъ научили?— обратился онъ къ арестанту-мужчинѣ.

— Было того и другаго, — отвѣчалъ тотъ, переступивъ съ ноги на ногу. — Извѣстно, если-бы господинъ былъ подхо, щій, не сдѣлали бы того.

Аудиторъ, однако, снова приступилъ къ допросамъ.

— Совершивъ преступленіе, что вы сдѣлали?

— На пароходъ пошли, — отвѣчала дѣвка.

— Тутъ, значитъ, васъ и взяли?

— Да-съ. Билеты намъ тотъ-же господинъ еще наканунѣ принесъ. Мы пошли, да хожалый насъ и встрѣтилъ... Онъ, какъ приходитъ въ кварталъ, тамъ и говорятъ: „Коклевскаго убили.“ А онъ говоритъ: „Я лакея, говоритъ, его видѣлъ, на пароходъ идетъ!“

— Знаемъ это, знаемъ!.. — перебилъ ее аудиторъ.

— Но гдѣ же этотъ господинъ, который ихъ научилъ? Вотъ кого надо отыскать! — повторилъ Бакла-

Из фондов Российской национальной библиотеки

новъ, продолжая двигаться на стулѣ. — Ты тоже не знаешь? — обратился онъ къ мужчинѣ-арестанту.

— Не знаю, ваше благородіе, какъ есть предъ Богомъ, — отвѣчалъ тотъ, пожавъ плечами.

— Какимъ же образомъ тебя уговорили?

— Недѣли двѣ, ваше благородіе, онъ къ намъ ходилъ, все уговаривалъ. Здѣсь тоже народу много-съ, городъ проѣзжій... Кто его знаетъ, кто такой?.. „Вотъ, — говоритъ, вамъ двѣ тысячи цѣлковыхъ, поѣдете на Кавказъ, паспортовъ тамъ не спрашиваютъ.“

— Все вздоръ... Изъ злости на барина только и сдѣлали, изъ дѣла-то это видно! — подтвердилъ опять провіантскій чиновникъ.

— Это что-жъ? не запираемся въ томъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ арестантъ, — господинъ былъ, не тѣмъ будь помянутъ, воды другой разъ подашь, не утрафишь: холодна, либо тепла; дуютъ, дуютъ, ажно кости всѣ трещатъ, помилуйте-съ — прибавилъ арестантъ, обращаясь болѣе къ Бакланову, и даже съ небольшимъ признакомъ слезъ на глазахъ.

Но тому больше было жаль дѣвку; видимо, что она была только дура набитая.

— Какъ-же она-то, зачѣмъ участвовала? — спросилъ онъ опять арестанта, указывая на дѣвку.

— Изъ-по любви ко мнѣ, — отвѣчалъ тотъ.

— А у тебя связь съ ней, а?

— Да-съ.

— Была? — спросилъ онъ самое дѣвку.

— Гуляла съ нимъ.

Баклановъ съ большимъ еще участіемъ взглянулъ на нихъ.

„О, любовь! кого ты не связуешь?“ подумалъ онъ, глядя на эти два некрасивыя существа.

Презусъ, между тѣмъ, посмотрѣлъ на часы и объявилъ, что засѣданіе кончилось.

Баклановъ уѣхалъ домой, возмущенный до глубины души: „вѣроятно, этотъ господинъ, ихъ научившій, и ихъ баринъ, были оба мерзавцы, — а наказаніе терпятъ только эти два полуидіота; непремѣнно надобно-бы ихъ участь облегчить, а того злодѣя поймать.“

Герой мой былъ очень еще неопытенъ въ судебной практикѣ.

XIII.

Завѣса нѣсколько приподнимается.

Чѣмъ далѣе происходилъ судъ, тѣмъ болѣе Баклановъ начиналъ видѣть, что тутъ что-то такое да не такъ, и что засѣдавшіе съ нимъ судьи судили несовсѣмъ безпристрастно!

По совершенной еще невыработкѣ житейскаго характера, онъ безпрестанно обдумывалъ, какъ ему себя вести и съ кѣмъ-бы наконецъ посовѣтоваться. Видѣнный имъ у откупщика пьющій вице-губернаторъ показался ему, въ этомъ случаѣ, всѣхъ удобнѣе: по крайней мѣрѣ, когда за обѣдомъ всѣ пѣли, онъ одинъ не пѣлъ и даже какъ-будто-бы стыдился этого!

Баклановъ поѣхалъ къ нему.

Въ темной и грязной передней онъ увидалъ, что на прилавкѣ дремалъ лакей. Онъ долженъ былъ разбудить его.

— Баринъ не такъ здоровы, — проговорилъ было тотъ сначала; но потомъ, поразсудивъ, прибавилъ:— да вы изъ большихъ чиновниковъ, али изъ маленькихъ?

— Нѣтъ, не изъ большихъ, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ пожалуйте-съ — сказалъ лакей.

Баклановъ вошелъ.

Вице-губернаторъ, въ халатѣ, грудь на распашку,

сѣлъ передъ закуской и имѣлъ какъ-то странно сжатыя губы.

— А, прошу покорнѣйше! — произнесъ онъ, узнавъ, видно, Бакланова и не привставая, впрочемъ, самъ съ мѣста. Рукой онъ указалъ ему на стулъ.

Баклановъ сѣлъ.

— Я къ вамъ, Николай Григорьичъ, съ просьбой,— началъ онъ сейчасъ-же.

— А! — произнесъ вице-губернаторъ, и вслѣдъ затѣмъ длинною струей выпустилъ изъ рта воздухъ, какъ человѣкъ, которому дышать трудно.

— Я командированъ въ военно-судную коммиссію надъ дворовыми людьми по убійству Коклевскаго.

— А! — повторилъ еще разъ вице-губернаторъ и затѣмъ, какъ-бы исполнившись какого-то грустнаго воспоминанія, порастянулъ глаза, выпилъ молча рюмку водки и сталъ лѣниво закусывать колбасой: болѣе нормальнымъ образомъ желудокъ его не принималъ уже пищи.

— Тутъ чортъ знаетъ что такое, — продолжалъ Баклановъ. — Они показываютъ, что ихъ научилъ какой-то господинъ, но кто онъ — не сказываютъ, тогда какъ онъ-то и есть главный преступникъ.

— Разъ, вечеромъ, — заговорилъ вдругъ вице-губернаторъ: — приводятъ ко мнѣ человѣка... мертвопьянова.

„Хорошъ и ты-то теперь,“ подумалъ Баклановъ.

— Человѣкъ этотъ былъ бухгалтеръ откупа. Онъ-съ! — продолжалъ вице-губернаторъ, снова потупляя голову: — съ слободскими дѣвками прогулялъ пять тысячъ цѣлковыхъ... ну и кончено? такъ-ли?

Баклановъ не зналъ, что отвѣчать ему на это.

— Нѣтъ, не кончено!.. — отвѣчалъ самъ себѣ вице-губернаторъ: — человѣкъ этотъ умираетъ одночасно въ острогѣ и документы свои передаетъ жандармскому офицеру... ну, и прахъ ихъ возьми, такъ-ли? Нѣтъ,

14-го сентября, г. офицеръ убитъ своими дворовыми людьми.

У Бакланова начиналъ дѣлаться въ головѣ совершенно какой-то туманъ.

— Какіе-же это документы? — спросилъ онъ.

Вице-губернаторъ развелъ руками.

— Есть книга живота-съ, — почти запѣлъ онъ: — еже пишется въ ней вся: куму — рубль, кумѣ — два; а мы имя свое бережемъ, ухъ, какъ бережемъ! — заключилъ онъ, и затѣмъ обратилъ почти величественно свое лицо къ Бакланову: — и то-бы ничего-съ! — заговорилъ онъ нѣсколько даже трагическимъ голосомъ: — но красными чернилами тутъ написанъ итогъ нашихъ канальскихъ барышей.

— Барышей?

— Д-д-а-съ! А мы имя свое бережемъ!.. Они — деньги, а мы имя! — повторилъ онъ.

— Но, ради Бога, скажите мнѣ откровеннѣе,—умолялъ его Баклановъ.

— Ничего больше не знаю-съ, ничего! — отвѣчалъ вице-губернаторъ: — молодой вы человѣкъ!! — прибавилъ онъ потомъ съ чувствомъ: — не видьте лучше, и не знайте: мракъ спокойнѣе свѣта!

И какъ-бы въ доказательство того онъ закрылъ глаза.

Баклановъ пробовалъ было еще его разспрашивать, но вице-губернаторъ только какъ-то безсмысленно смотрѣлъ на него и отвѣчалъ ему однимъ молчаливымъ киваніемъ головы: въ утро это онъ пилъ уже сороковую рюмку, а потому невольно лишался на нѣкоторое время молви.

Видя, что отъ него ничего болѣе не добьешься, Баклановъ всталъ.

— До пріятнаго свиданія, другъ мой... — едва выговорилъ вице-губернаторъ.

Баклановъ вышелъ.

— Что такое у васъ съ бариномъ? — спросилъ онъ человѣка.

— Въ загулѣ, ваше благородіе, сильномъ.

— Чтожъ, въ это время онъ не то ужь и говоритъ?

— Да вретъ иной разъ такую околесную, что даже слушать страшно! — объяснилъ лакей.

XIV.

Муравейникъ сильно тронутъ.

Наполеонъ III тѣмъ и великъ, что очень мало говоритъ, но потомъ вдругъ и сдѣлаетъ. Герой мой, напротивъ, тѣмъ и малъ, что пока въ жизни только и дѣлалъ, что говорилъ.

Выѣхавъ отъ вице-губернатора, онъ почувствовалъ неудержимую потребность излить передъ кѣмъ-нибудь волновавшія его чувствованія.

Въ карманѣ онъ имѣлъ рекомендательное письмо отъ дяди своего къ одной дамѣ, madame Базелейнъ, имѣвшей, говорятъ, огромное вліяніе на начальника края.

Евсевій Осиповичъ съ этой именно цѣлью и далъ племяннику письмо къ ней. Про самое-же даму онъ выражался такъ, что она по уму вся — мечта, вся фантазія; по тѣлу — эѳиръ, а тепла и жизненна только сердцемъ.

Какъ только подано было письмо, Бакланова сейчасъ-же приняли.

Madame Базелейнъ имѣла привычку всѣхъ, даже молодыхъ людей, принимать у себя въ спальнѣ. На этотъ разъ она была почти полуодѣта. Маленькая ножка ея, безъ чулка, обутая въ туфлю, была точно перламутровая. Фильдекосовое платье, совершенно безъ юпки, лежало безконечными складками на ея тоненькихъ ног-

Из фондов Российской национальной библиотеки

кахъ. Одни только большіе глаза, которые она безпрестанно вскидывала и опускала, говорили, что въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, у нея сердце и горячее.

— Здравствуйте! — встрѣтила она очень просто Бакланова. — Что вашъ старикъ, все еще не остепенился? Мнѣ такія нѣжности пишетъ, что ужасъ!

— Онъ воздаетъ только должное! — проговорилъ Баклановъ.

— А, а! Вы, видно, тоже въ дядюшку... Садитесь!

При видѣ такого милаго и простаго существа, Баклановъ почувствовалъ еще большее желаніе порисоваться.

— Ну, что вы пріѣхали сюда: веселиться, танцовать, жениться? — говорила madame Базелейнъ, роясь въ лежавшихъ около нея лоскутахъ и вскидывая, повременамъ, на Бакланова взгляды.

— Напротивъ, я здѣсь служу неутомимо.

— Служите?

— Здѣсь ужасъ что такое происходитъ: комплоты какіе-то чиновничьи составляются! — продолжалъ онъ.

Madame Базелейнъ, вдѣвавшая въ это время въ иголку, даже оставила это дѣло.

— Здѣсь убили, — вы, я думаю, слышали, — нѣкоего Коклевскаго его дворовые люди.

У madame Базелейнъ почему-то при этомъ покраснѣли уши.

— Они были подучены, потому что у этого господина хранились документы здѣшняго откупа, весьма щекотливые для нѣкоторыхъ господъ.

— Документы? — повторила хозяйка.

Бакланову и въ голову не приходило, что въ документахъ этихъ madame Базелейнъ была записана въ первой-же строкѣ и сопровождалась самою значительною цифрой.

— Я подвигомъ себѣ поставилъ раскрыть это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, — говорилъ онъ.

— Что-же онъ васъ-то такъ особенно тревожитъ?— неутерпѣла и замѣтила ему Базелейнъ.

— Тутъ кровь вопіетъ на небо, помилуйте! — воскликнулъ Баклановъ. — Захвачены одни только безсмысленныя орудія преступленія, а преступникъ главный скрытъ: я найду его на днѣ морскомъ, а черезъ него зацѣплю и другихъ.

Базелейнъ грустно усмѣхнулась.

— Знаете, что-бы я вамъ посовѣтовала? — начала она и пріостановилась.

— Сдѣлайте одолженіе! — подхватилъ Баклановъ.

— Не горячиться такъ! — продолжала она съ удареніемъ: — вы еще здѣсь человѣкъ новый; можете ошибиться; зачѣмъ вамъ столькихъ людей затрогивать?

— Еслибъ ихъ цѣлый легіонъ стоялъ противъ меня, и тогда-бы я пошелъ противъ нихъ.

— И проиграли-бы!

— Можетъ быть, но во всякомъ случаѣ нельзя такъ равнодушно относиться къ злу: вы вотъ теперь молоды, всѣ ваши помыслы, вѣроятно, чисты; а тутъ вдругъ вы видите, что цѣлое море злодѣяній плыветъ около васъ... Неужели-же вы не издадите крикъ ужаса?

— Я женщина... — сказала съ улыбкой madame Базелейнъ: — и даже хорошенько не знаю, что такое злодѣяніе и незлодѣяніе, и вообще ужасно не люблю этой прозы жизни, а сижу вотъ больше одна со своими думами. Вы говорите, вскрикнуть отъ ужаса, — ну и вскрикнете: что изъ того?.. васъ перекричатъ.

— Пускай перекричатъ, а все-таки кричать надо! и по этому дѣлу непремѣнно буду писать министру, поѣду наконецъ самъ въ Петербургъ и добьюсь, чтобы прислали оттуда особую коммиссію.

— За что-же вы здѣшнія власти хотите такъ оскорбить?

— Потому, что здѣсь все мошенники.

— Мегсі! Поблагодарятъ-же они васъ за подобное мнѣніе! — сказала madame Базелейнъ замѣтно уже сухо.

Баклановъ началъ наконецъ удивляться, что это эѳирное существо не прилипаетъ всею душой къ его благороднымъ стремленіямъ.

Прекративъ разговоръ о службѣ, онъ началъ говорить ей любезности и увѣрялъ ее, что онъ въ ней первой здѣсь встрѣтилъ петербургскій, а не провинціальный тонъ.

Madame Базелейнъ на все это насмѣшливо только улыбнулась.

Баклановъ раскланялся.

Базелейнъ обратила вслѣдъ за нимъ почти свирѣпый взглядъ.

„Что это, пугать, что-ли, онъ пріѣзжалъ?“ проговорила она и задумалась.

Баклановъ, между тѣмъ выйдя на улицу и идя по тротуару, увидѣлъ, что впереди его шелъ подбористый генералъ, съ которымъ онъ обѣдалъ у Эммануила Захарыча.

Онъ нагналъ его.

— Скажите пожалуста! — началъ онъ прямо: — не имѣете-ли вы какой-нибудь власти надъ здѣшнимъ гарнизоннымъ полковникомъ?

— Я?—спросилъ генералъ, какъ-бы нѣсколько даже обидѣвшись: онъ былъ прямой и непосредственный начальникъ полковника.

— Прикажите или посовѣтуйте ему... мы имѣемъ съ нимъ одно общее дѣло по убійству Коклевскаго.

Генералъ шелъ, нисколько не убавляя шагу.

— Онъ, можетъ-быть, очень хорошій человѣкъ; но тутъ поступаетъ ужасно недобросовѣстно.

Генералъ замѣтно пошелъ скорѣй.

— Онъ имѣетъ дѣло о дровахъ и воздухѣ съ полиціймейстеромъ и хочетъ его выиграть, кривя душой въ другомъ дѣлѣ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Генералъ началъ ужь тяжело дышать: съ дровами и съ воздухомъ онъ самъ былъ связанъ всѣми фибрами своего существованія.

— Тутъ убійство, помилуйте! — не отставалъ отъ него Баклановъ:—мы должны быть мудры, яко зміи, и чисты сердцемъ, яко голуби...

Генералъ, наконецъ, обратился къ нему.

— Позвольте васъ спросить, къ чему вы мнѣ все это говорите на улицѣ, голословно?—спросилъ онъ.

— Къ тому-же!...—отвѣчалъ Баклановъ, и не зналъ, какъ докончить.

— Если вы встрѣтили какое-нибудь злоупотребленіе по службѣ, — продолжалъ генералъ пунктуально, — неугодно-ли вамъ отнестись ко мнѣ бумагой.

— Я отнесусь и бумагой,—сказалъ Баклановъ.

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣчалъ генералъ и повернулъ въ первый попавшійся переулокъ.

„Что это такъ ихъ всѣхъ противъ шерсти гладитъ,“ подумалъ Баклановъ, и вечеромъ, когда онъ пріѣхалъ въ клубъ, Никтополіоновъ встрѣтилъ его первымъ словомъ:

— Что вы, батенька, тутъ творите?

— Да что, сражаюсь, бьюсь!— отвѣчалъ Баклановъ самодовольно садясь.

— Хорошенько ихъ! — воскликнулъ одобрительно Никтополіоновъ; а потомъ, наклонившись къ нему, на ухо прибавилъ:—въ Петербургъ-то, главное, напишите; этого они очень не любятъ: и къ своему-то, и къ внутреннихъ-то дѣлъ вальните...

— Напишу все,—говорилъ Баклановъ громко, безъ всякой осторожности.

Нѣсколько армянъ, нѣсколько грековъ, а больше всего Эммануиловъ Захарычей такъ и навострили къ нему уши.

Никтополіоновъ продолжалъ шепотомъ:

— Человѣка-то, котораго подозрѣваете, въ цѣловальникахъ, въ кабакахъ поищите!...

Баклановъ кивалъ ему, въ знакъ согласія, головой.

— Возьмите арестанта, да поѣзжайте съ нимъ здѣсь и въ уѣздахъ, по кабакамъ,—не признаетъ-ли кого.

— Непремѣнно!—восклицалъ Баклановъ.

Въ тотъ-же самый вечеръ, карета madame Базелейнъ подъѣхала къ дому начальника края, а по совершенно противоположной улицѣ быстро шелъ черноватый господинъ къ дому Эммануила Захарыча. Затѣмъ, отъ Эммануила Захарыча верховой скакалъ къ Іосифу Яковлевичу, который былъ у Иродіады. На той-же самой лошади Іосифъ Яковлевичъ скакалъ домой и тотчасъ-же поскакалъ въ уѣздъ на почтовыхъ. Въ ту-же ночь, тоже на почтовыхъ, изъ деревни Шумли неизвѣстный человѣкъ былъ отправленъ, сначала въ степь, а потомъ и на Куру.

XV.

Нелюбитель гласности.

Въ довольно большомъ и полутемномъ кабинетѣ происходила такого рода сцена.

— Ну-съ, слышу звонъ, да не знаю гдѣ онъ!... — говорилъ малорослый начальникъ края, стоя, съ сложенными накрестъ руками, у стола, передъ которымъ Баклановъ, какъ нарочно, весь облитый абажурнымъ свѣтомъ лампы и весь раскраснѣвшійся, — объяснялъ ему свое вчерашнее поведеніе.

Генералъ все больше и больше блѣднѣлъ.

— Вы припутываете тутъ женщинъ: мерзавцевъ выгораживаете, а порядочныхъ людей хотите замарать... Меня, что-ли, вы хотите обвинить въ томъ?

— Я, ваше превосходительство, не говорилъ этого, — отвѣчалъ Баклановъ, въ самомъ дѣлѣ этого неговорившій.

— У меня здѣсь служащій чиновникъ,—продолжалъ маленькій генералъ, все болѣе и болѣе горячась:—долженъ быть весь мой! долженъ быть моимъ цвѣтомъ, тѣнью моей!

— Извините меня, ваше превосходительство,—возражалъ Баклановъ, тоже начиная выходить изъ себя: — я служу обществу, а не лицамъ.

— Я васъ заставлю служить иначе!— кричалъ генералъ, стуча пальцами по столу.

— Вы-бы меня, ваше превосходительство, должны были презирать, еслибъ успѣли заставить меня служить иначе!—кричалъ тоже и Баклановъ.

— Я подчиненнымъ моимъ,— кричалъ генералъ, не слушая возраженій: — которымъ угодно быть не тѣмъ, чѣмъ я хочу, я имѣю привычку вотъ что изъ службы дѣлать!

И генералъ показалъ, какимъ образомъ обыкновенно даютъ киселя.

— На подобныя движенія, ваше превосходительство, и я имѣю привычку отвѣчать тоже довольно рѣзко, — неуступалъ Баклановъ.

— Молчать! — крикнулъ вдругъ генералъ совсѣмъ какъ на лакея.

Баклановъ поблѣднѣлъ.

— Ваше превосходительство! молчите вы сами... — произнесъ онъ въ свою очередь.

— Молчать! — повторилъ опять генералъ, совершенно вышедши изъ себя. — Мальчишка! — прибавилъ онъ, и бросилъ Бакланову почти въ лицо скомканный конвертъ.

— Ваше превосходительство! — могъ только проговорить тотъ и отвѣтилъ начальнику тоже взмахомъ

Из фонда Российской национальной библиотеки

руки. Генералъ едва успѣлъ попятиться нѣсколько назадъ.

Нѣсколько минутъ оба врага, какъ-бы опомнившись, стояли молча другъ противъ друга.

— Ваше превосходительство, — проговорилъ Баклановъ,—мы, вѣроятно, будемъ драться!

— Нѣтъ-съ! — произнесъ генералъ и рѣзко позвонилъ.

Вбѣжалъ опрометью адъютантъ.

— Арестуйте г-на Бакланова,—сказалъ генералъ.

— Подлецъ! — проговорилъ, почти вслухъ, Баклановъ.

— Арестуйте г-на Бакланова!—повторилъ генералъ еще разъ стоявшему въ недоумѣніи адъютанту.

Тотъ сдѣлалъ движеніе рукой. Баклановъ, съ дерзкою усмѣшкой, пошелъ за нимъ.

„Ну что-жъ: солдатъ, такъ солдатъ! Надоѣла эта подлая жизнь, — скорѣй убьютъ!“ думалъ онъ самъ съ собой.

— Что такое у васъ вышло? — спросилъ его адъютантъ.

— Онъ себѣ много позволилъ и я, разумѣется, имѣлъ благоразуміе отвѣтить не совсѣмъ прилично, — сказалъ откровенно Баклановъ.

„Безъ суда все-таки не отдадутъ, а я въ отвѣтахъ все напишу, хоть тѣмъ удружу канальямъ,“ думалъ онъ, садясь съ адъютантомъ на извощичьи дрожки; но, когда они поѣхали, ихъ нагналъ верховой казакъ и воротилъ обратно.

Баклановъ только усмѣхнулся. Онъ, впрочемъ, все это время былъ болѣе въ какомъ-то полусознательномъ состояніи. Его сейчасъ-же опять пустили въ кабинетъ къ начальнику, и опять одного.

Тотъ, попрежнему, стоялъ у своего стола.

— Молодой человѣкъ, вы погорячились, и я... изви-

Информационно-библиотечный центр Российской национальной библиотеки

нимся другъ передъ другомъ, — заговорилъ онъ, протягивая къ Бакланову руку.

У старика при этомъ были видны слезы на глазахъ.

— Ваше превосходительство,— отвѣчалъ Баклановъ, принимая руку, а дальше ничего и говорить не могъ. У него тоже навернулись на глазахъ слезы.

— Главное, — продолжалъ генералъ, видимо ужъ успокоившись и опять переходя къ обычному своему способу выражаться поговорками,— главное чтобы сору изъ избы не выносить и чтобы все, что произошло между нами, осталось и умерло какъ въ могилѣ.

— Это ужъ моя обязанность, ваше превосходительство, — какъ честнаго человѣка! — отвѣчалъ Баклановъ.

— Надѣюсь, — повторилъ старикъ, еще разъ пожимая руку Бакланова: — что ни отцу, ни матери, ни другу, ни даже во снѣ, ни звука объ этомъ.

— Ваше превосходительство?!... — могъ произнести только Баклановъ, и далѣе не счелъ за нужное и говорить.

— Понимаю васъ, — сказалъ генералъ, и они разстались.

На другой день Баклановъ былъ отозванъ изъ коммисіи къ другимъ занятіямъ, болѣе подходящимъ, какъ сказано въ предписаніи, къ его образованному уму.

„Что это?... Не можетъ быть!“ восклицаетъ, вѣроятно, и попреимуществу великосвѣтскій, читатель.

„Что дѣлать!...“ смиренно отвѣчаю я: „очень ужъ зафантазировался, написалъ то, чего никогда не бываетъ — извините!“

XVI.

Почти осуществившаяся мечта.

Ничто такъ дурно не скрывается, какъ то, что желаютъ скрыть.

Из фондов Российской государственной библиотеки

Черезъ недѣлю весь почти городъ говорилъ объ описанной мною сценѣ, и она рѣшительно подняла молодаго человѣка на степень героя: въ Россіи любятъ, когда грубятъ начальству!

Баклановъ самъ своими ушами слышалъ, проходя по тѣнистому городскому саду, какъ одна дама, указывая на него другой дамѣ, проговорила торопливо:

— Посмотри, это Баклановъ!

— Какой?—спросила та.

— Ахъ, Боже мой! Неужели не знаешь? Тотъ, что такъ славно проучилъ...

— Ахъ, да! — перебила ее подруга: — какой онъ, однако, молодецъ изъ себя.

Баклановъ при этомъ только выпрямлялся и шелъ грудью впередъ.

„Будетъ ужь! Доблагородничался чуть не до каторги!“ разсуждалъ онъ самолюбиво самъ съ собой и каждый день ходилъ гулять въ садъ, съ одной стороны — ожидая, не услышитъ-ли еще разъ подобнаго отзыва, а съ другой — ему стало представляться, что въ этомъ саду онъ непремѣнно встрѣтитъ какую-нибудь женщину, которая влюбится въ него и скажетъ ему: „я твоя!“ Представленіе это до такой степени стало у него ясно, что онъ и самаго сада не могъ вообразить себѣ безъ этой любовной сцены, какъ будто-бы садъ для этого и сдѣланъ былъ. Столь увѣренно воображаемое будущее рѣдко не сбывается: разъ Баклановъ увидѣлъ идущую впереди его, нѣсколько знакомою ему походкой, молодую даму. Онъ поспѣшилъ ее обогнать и сейчасъ же вскрикнулъ:

— Панна Казиміра?

— Ахъ, Боже мой, Баклановъ! — проговорила та, сильно покраснѣвъ и скорѣй какъ-бы испугавшись, чѣмъ удивившись.

— Да сядемте же здѣсь! Постойте! —говорилъ Баклановъ, беря ее за обѣ руки и дружески потрясая ихъ.

Панна Казиміра опустилась съ нимъ на скамейку.

— Но какъ вы здѣсь, скажите? — говорилъ Баклановъ.

— Я здѣсь замужемъ.

— За кѣмъ?

— За вашимъ пріятелемъ, за Ковальскимъ.

— А!—произнесъ протяжно Баклановъ.

Панна Казиміра посмотрѣла ему въ лицо.

— Я знала, что вы здѣсь... — сказала она, послѣ небольшаго молчанія.

— Какъ же не грѣхъ было не прислать и не сказать?

Казиміра стыдливо усмѣхнулась.

— И то ужь хотѣла писать, — отвѣчала она.

— Но гдѣ-жъ вы живете здѣсь? — спросилъ Баклановъ.

— Я живу у однихъ Сабакѣевыхъ; съ ними въ городѣ, а мужъ мой у нихъ управляющимъ въ деревнѣ.

— Чтожъ вы у нихъ компаньонка, экономка?

— Да и сама не знаю: то и другое... Чудные люди, превосходные... Я вотъ такихъ васъ, Александръ, да ихъ только и знаю.

— Мегсі,—сказалъ Баклановъ и, взявъ ее опять за руки, поцѣловалъ ихъ: — какіе нынче у васъ славныя руки! — прибавилъ онъ.

— Жизнь-то понѣжнѣй стала! — отвѣчала Казиміра съ видимымъ удовольствіемъ.

— Стало-быть, вы совершенно счастливы съ вашимъ мужемъ.

— Съ мужемъ?—спросила, какъ бы совершенно неожидавшая этого вопроса, Казиміра.

— Да! Какъ вы за него вышли?

— А я сама не знаю, какъ: онъ ходилъ еще при васъ, вѣдь... Вы уѣхали, я и вышла.

— И всему прошедшему, значитъ, сказали прости!

— Чему говорить-то было? Нечему!

— А мнѣ казалось, что было чему, — сказалъ Баклановъ кокетливо.

— Что было, то и осталось,—отвѣчала съ улыбкою Казиміра.

— Осталось?— произнесъ Баклановъ и пододвинулся къ ней поближе.

— Гм, гм! — отвѣчала Казиміра.

— А шутки въ сторону,—продолжалъ Баклановъ:— дѣло теперь прошлое: скажите, любили вы меня?

— Не помню ужь, — отвѣчала Казиміра.

— Ну что, Казиміра, скажите, — говорилъ Баклановъ, беря ее за руку.

— Ну, любила! — отвѣчала она какъ-то порывисто.

— И я, вѣдь, тогда благороденъ былъ въ отношеніи къ вамъ, согласитесь съ этимъ: я многаго могъ-бы достигнуть.

— Были благородны,— отвѣчала Казиміра.

— И за это самое, — продолжалъ Баклановъ: — вы по крайней мѣрѣ теперь должны меня вознаградить.

— Чѣмъ же мнѣ вознаградить?—сказала Казиміра.

— Любовью.

Казиміра грустно улыбнулась.

— Теперь это немножко трудно.

— Напротивъ, теперь-то и возможно: другое дѣло, когда вы были дѣвушкой, когда отъ этого зависѣла участь всей вашей жизни, — тогда другое дѣло; но теперь, что же можетъ препятствовать нашему счастію?

Казиміра качала только головой.

— Теперь какія, кромѣ самыхъ пріятныхъ, могутъ быть послѣдствія, изъ того, что вы меня полюбите? — продолжалъ Баклановъ, опять беря ее за руку.

— А такія, — отвѣчала Казиміра: — что я-то еще больше васъ полюблю, а вы меня презирать станете.

— Ей-богу, нѣтъ! — воскликнулъ Баклановъ.

— Погодите, постойте, вонъ идутъ: — сказала Кази-

міра, въ самомъ дѣлѣ указывая на двухъ, неторопливо проходившихъ по дорожкѣ мужчинъ. — Прощайте! — прибавила она.

— Посидите!—упрашивалъ ее Баклановъ.

— Нѣтъ, нельзя!.. Посмотрите, какъ вы платье мнѣ все измяли, — говорила она вставая: — прощайте.

— Могу я, по крайней мѣрѣ, пріѣхать къ вамъ?

— О пожалуйста, пріѣзжайте! — отвѣчала съ удовольствіемъ Казиміра.

— У васъ есть особенная комната?

— Есть!.. — Голосъ ея при этомъ былъ какъ-то страненъ.

Баклановъ возвратился домой въ восторгѣ: завести интригу съ Казимірой онъ рѣшился непремѣнно.

XVII.

Не всегда то найдешь, за чѣмъ пойдешь!

Домъ Сабакѣевыхъ стоялъ на одной изъ лучшихъ улицъ. Это рѣшительно было какое-то палаццо, отчасти даже и выстроенное въ итальянскомъ вкусѣ.

Баклановъ, ѣхавъ, всю дорогу обдумывалъ, какъ онъ будетъ разставлять сѣти паннѣ Казимірѣ. Но есть дома, въ которыхъ точно въ храмахъ, все дышетъ благоприличіемъ и цѣломудріемъ: введенный въ мраморную, съ готическими хорами, залу, Баклановъ даже устыдился своихъ прежнихъ намѣреній.

— Г-жа Ковальская сейчасъ выйдетъ, а пока не угодно-ли вамъ къ Аннѣ Михайловнѣ, — сказалъ ему вѣжливо благообразный лакей.

— Къ г-жѣ Сабакѣевой? — спросилъ Баклановъ.

— Точно такъ.

— Прошу васъ.

— Пожалуйте!

И человѣкъ, идя негромко впередъ, повелъ его на правую половину дома!

Въ совсѣмъ барской гостиной, съ коврами, съ лампами, съ масляными картинами въ золотыхъ рамахъ, Бакановъ увидѣлъ пожилую даму, просто, но изящно одѣтую, въ кружевномъ чепцѣ и въ очкахъ. Лицо ея напомнило ему добродушныя физіономіи ванъ-диковскихъ женскихъ портретовъ.

— Казиміра сейчасъ выйдетъ. Присядьте, пожалуйста! — сказала ему старушка, показывая на кресло возлѣ себя.

Она что-то такое, необыкновенно тонкое, шила. На столѣ, впрочемъ, около нея лежала книга, на корешкѣ которой было написано: „Сказаніе Тирона, инока святогорскаго.“

— Вы недавно, вѣдь, здѣсь?—продолжала старушка.

— Да, недавно-съ.

— И успѣли ужь съ нѣкоторыми господами поссориться.

— Да, — отвѣчалъ Бакановъ съ самодовольною усмѣшкой.

— И прекрасно!... Значитъ, вы честный человѣкъ!

Старушка понюхала табаку и принялась снова за свое шитье.

— Тутъ Богъ знаетъ, что происходитъ! — продолжалъ Бакановъ.

Старушка махнула рукой.

— Я женщина, а повѣрите-ли, кровью сердце обливается, слушая, что они творятъ.

Сабакѣевы, довольно богатое и самое аристократическое семейство въ городѣ, были въ открытой непріязни съ начальникомъ края и со всѣмъ его кружкомъ.

Въ губерніяхъ, по степени приближенности къ начальству, почти безошибочно можно судить о степени

честности мѣстныхъ обывателей. Чѣмъ ближе они къ этому свѣтилу, тѣмъ болѣе, значитъ, въ нихъ пятнышекъ, которыя слѣдуетъ позамазать.

Къ неудовольствію Сабакѣевой на начальника края, отчасти, можетъ быть, примѣшивалось и оскорбленное самолюбіе. Вступая въ управленіе краемъ, онъ третировалъ ее, рѣшительно, какъ и другихъ дамъ.

— У отца моего, по нѣсколько часовъ, въ передней стоялъ, а теперь вотъ какимъ господиномъ сталъ!... — не утерпѣла старушка и объяснила Баклановy.

Въ комнату, въ это время, вошла молодая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ и бѣлокурая. Баклановъ невольно привсталъ на своемъ мѣстѣ.

Если Софи Леневу можно было назвать южною красавицей, то эта была красавица сѣвера.

— Maman, какъ я тутъ навязала? — сказала она показывая старушкѣ вязанье.

— Опять спутала! — отвѣчала та, подвигая на носу очки ближе къ глазамъ.

— Monsieur Баклановъ! Дочь моя! — познакомила она молодыхъ людей, а сама принялась разсматривать и поправлять работу.

Баклановъ поклонился, и mademoiselle Сабакѣева тоже ему поклонилась, и при этомъ нисколько не сконфузилась и не пожеманничала.

Баклановъ почти съ восторгомъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку. Ея довольно широкое лицо было исполнено какой-то необыкновенной чистоты. Нѣсколько обнаженныя руки, грудь и шея были до такой степени бѣлы и нѣжны, что какъ будто бы она черненькаго хлѣбца никогда и не кушала, а выросла на однихъ папошникахъ. Станъ у нея былъ стройный, но не воздушный. Соня Ленева, по природѣ своей, отчасти принадлежала, къ лезгинско-татарскому происхожденію.

Прабабка ея, жена Маркаша Рылова, была дочь князя Мирзы-Термаламы, а Сабакѣева, напротивъ того, была чистѣйшая дочь полянъ, славянка; даже въ наружности ея было что-то напоминающее красивыхъ купеческихъ дочерей; только все это, разумѣется, было смягчено и облагорожено воспитаніемъ.

— Ну, вотъ, на, поправила, — сказала мать, подавая ей работу.

— Хорошо-съ, — отвѣчала молодая дѣвушка, и не ушла, а тутъ сѣла.

Бакланову ужасно хотѣлось съ ней заговорить.

— Вы много выѣзжаете? — спросилъ онъ ее.

— Да! — отвѣчала дѣвушка спокойно.

— Она больше дома у себя танцуетъ; у насъ обыкновенно собираются... — объяснила за нее старушка.

„Нѣтъ, это не свѣтская госпожа!“ подумалъ Баклановъ.

— А читать вы любите? — спросилъ онъ самое дѣвушку.

— Читаю! — сказала она и на это спокойно.

— Охотница! — подхватила мать.

„Но все-таки не синій чулокъ!“ подумалъ Баклановъ. „Но что же она такое!“ задавалъ онъ себѣ вопросъ.

— Я сюда на югъ пріѣхалъ еще въ первый разъ... Это синее небо, этотъ воздухъ, какъ бы молокомъ пропитанный, все это чудо — что такое... — проговорилъ онъ, желая попробовать молодую дѣвушку на счетъ поэзіи.

Она выслушала его внимательно, но безъ особенно искренняго, а тѣмъ болѣе поддѣльнаго увлеченія.

— Да, здѣсь хорошо, — подтвердила она.

„И то — не то!...“ подумалъ Александръ.

Панна Казиміра наконецъ показалась.

— Ну вотъ и она! — сказала ей ласково старушка.

— А вотъ сейчасъ, сначала съ mademoiselle Евпраксіей разцѣлуюсь, — сказала Казиміра и, совершенно по-дружески поцѣловавшись съ молодою дѣвушкой, почтительно поцѣловала руку у старушки. Она съ утра еще не выходила изъ своей комнаты, а потомъ, услышавъ о пріѣздѣ Бакланова, дѣлала свой туалетъ, и, повидимому, употребляла всѣ старанія, чтобъ одѣться къ лицу и даже немного побѣлилась и подрумянилась.

Бакланову, съ ея появленіемъ, сдѣлалось неловко. Она подала ему руку, нѣсколько сконфузившись и слегка улыбаясь.

— Вы скоро же посѣтили меня! — сказала она, садясь около него.

— Я поспѣшилъ воспользоваться вашимъ позволеніемъ, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Mersi! — сказала Казиміра и еще разъ пожала у Бакланова руку.

— Вы старые знакомые? — спросила ихъ старушка.

— Я помню еще monsieur Бакланова, когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ.... Мамаша ему, или онъ ей скажетъ слово, и покраснѣетъ! — сказала Казиміра.

— А я помню, — отвѣчалъ ей въ тонъ Баклановъ: — что панна Казиміра не вышла и обѣдать.

— О, я имѣла на то свои причины! — сказала Казиміра, вскидывая на него нѣжный взглядъ.

Вообще, она съ замѣтною сантиментальностію старалась говорить съ Баклановымъ.

— А вы помните гостиный дворъ, какъ мы разъ шли съ вами? — сказала она.

— Да, — отвѣчалъ ей Баклановъ, уже потупляясь.

— А тотъ вечеръ, когда я вдругъ ушла отъ васъ.

— Вы всегда такъ уходите, вы и вчера такъ ушли.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Я и всегда такъ буду уходить, — отвѣчала Казиміра, хоть глаза ея и говорили не то.

— Ваше дѣло! — отвѣчалъ Баклановъ и пожалъ плечами.

Впрочемъ, во все это время онъ невольно взглядывалъ на mademoiselle Сабакѣеву, которая, кажется, и не слыхала ничего, а уставивъ свои голубые глаза на работу, внимательно считала.

Баклановъ наконецъ взялся за шляпу.

Старуха въ это время опять стала показывать дочери, какъ вязать.

— Погодите, я скажу имъ, чтобъ онѣ пригласили васъ на вечера; тутъ мы и можемъ видаться!... — сказала ему торопливо и шепотомъ Казиміра; а потомъ, вставъ и подойдя къ старушкѣ, наклонилась къ ней и что-то ей шепнула на ухо.

— Да, разумѣется, — отвѣчала та и обратилась къ Бакланову.

— Вы, пожалуйста, пріѣзжайте къ намъ по пятницамъ вечеромъ; у насъ танцуютъ.

— Почту за величайшее удовольствіе, — отвѣчалъ Баклановъ, и, раскланиваясь, нарочно пріостановилъ подолѣе свой взглядъ на mademoiselle Сабакѣевой.

— Прощайте! — сказала ему та совершенно просто.

Панна Казиміра пошла было его провожать; но Баклановъ рѣшительнымъ движеніемъ руки не допустилъ ее идти за собой, и это онъ сдѣлалъ не столько изъ вѣжливости, сколько потому, что ему просто не хотѣлось оставаться съ Казимірой съ глазу на глазъ.

Его теперь исключительно безпокоилъ вопросъ:

„Что такое за существо mademoiselle Евпраксія?»

Из собрания Российской национальной библиотеки

XVIII.

Ледешокъ.

У Сабакѣевыхъ собирались на вечера два-три правовѣда, нѣсколько молодыхъ людей изъ студентовъ, нѣсколько очень милыхъ дамъ и дѣвицъ. У нихъ танцовали, гуляли въ саду, играли въ petits jeux. Баклановъ, явившійся къ нимъ въ первую же пятницу, былъ одѣтъ рѣшительно парижаниномъ: въ лѣтнихъ ботинкахъ, въ бѣломъ жилетѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Все общество сидѣло въ задней гостиной. Балконъ изъ нея выходилъ въ совершенно почти темный садъ, по средней аллеѣ котораго, впрочемъ, гуляли, какъ бѣлыя привидѣнія, дамы, въ сопровожденіи черныхъ фигуръ мужчинъ. Проходя мраморную залу, Баклановъ увидѣлъ, что по ней совершенно одиноко ходитъ небольшаго роста господинъ, въ неказистомъ черномъ фракѣ. Подойдя поближе къ нему, онъ воскликнулъ: — Ковальскій!

— Ахъ, да-съ! здравствуйте! — отвѣчалъ тотъ съ удовольствіемъ и какъ то церемонно.

— Вотъ, гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться! — продолжалъ Баклановъ привѣтливо.

— Да-съ! — опять повторилъ Ковальскій. Будучи поставленъ судьбою въ званіе управителя, онъ считалъ стараго своего товарища гораздо выше себя и сильно конфузился передъ нимъ.

— Вы женились на моей хорошей знакомой? — продолжалъ Баклановъ.

— Да-съ, на Казимірѣ Михайловнѣ, — отвѣчалъ и на это Ковальскій.

Баклановъ еще нѣсколько времени постоялъ около пріятеля, поласкалъ его взглядомъ, а потомъ, молодцовато тряхнувъ волосами, какъ гривой, пошелъ да-

лѣе, а Ковальскій опять принялся сновать взадъ и впередъ.

Поклонившись въ гостиной старухѣ Сабакѣевой, игравшей въ карты, Баклановъ прямо устремился къ mademoiselle Евпраксіи, которая, въ голубомъ барежевомъ платье, стояла у балкона.

На этотъ разъ она ему показалась Діаной, только нѣсколько полноватою.

— Голубой цвѣтъ рѣшительно созданъ для васъ! — сказалъ онъ ей, послѣ первыхъ же привѣтствій.

— Да я люблю его, — отвѣчала дѣвушка, какъ бы не обративъ даже и вниманія на его комплиментъ.

Баклановъ придумывалъ, о чемъ бы такомъ съ ней попикантнѣе заговорить.

— Я всегда при этакомъ близкомъ разстояніи, какъ вотъ здѣсь, свѣта и темноты, — сказалъ онъ, указывая на темный садъ и свѣтлую гостиную, — всегда чувствую желаніе изъ свѣта идти въ темноту, а изъ темноты на свѣтъ: отчего это?

— Отъ нечего, я думаю, дѣлать; надобно-же куда-нибудь идти, — отвѣчала Евпраксія.

— Да-съ, но это скорѣе то же инстинктивное желаніе, которое человѣкъ чувствуетъ, взойдя на высоту, броситься внизъ.

— А то трусость! — сказала Евпраксія.

— Вы думаете? Сами вы, значитъ, трусливы?

— Напротивъ... я ничего не боюсь!

— Даже несчастій въ жизни?

— Чтожъ?... Я ихъ перенесу, я терпѣлива.

„Она очень не глупа, а какъ хороша-то, хороша-то, Боже ты мой!“ думалъ Баклановъ.

Во все это время, изъ другой комнаты, Казиміра, по бальному одѣтая, безпрестанно взмахивала на него свои глаза. Самой отойдти оттуда ей было нельзя: она разливала для гостей чай.

— Mesdames! пойдемте въ садъ, въ веревочку играть! — вскричала молоденькая дама, все время ходившая съ разными мужчинами по саду и растрепавшая, зацѣпляясь за древесные сучья, всю себѣ прическу.

— Въ садъ! въ садъ! — повторили и находившіяся въ гостиной.

Евпраксія, впрочемъ, подошла и о чемъ-то спросила мать.

— Можно!—отвѣчала ей та.

Всѣ вышли и размѣстились на ближайшей къ балкону площадкѣ, на которой было довольно свѣтло. Первая стала въ веревочку сама Евпраксія и потомъ, сейчасъ-же обернувшись, ударила Бакланова по рукѣ.

Онъ замеръ въ упоеніи отъ прикосновенія ея милой ручки и, войдя въ кругъ, хотѣлъ самъ сейчасъ-же ударить Евпраксію по рукѣ; но она успѣла ее отнять, и Баклановъ ударилъ ея сосѣда-правовѣда и самъ сталъ на его мѣсто.

— Отчего вы меня перваго ударили?—спросилъ онъ Евпраксію.

Она сначала на это только улыбнулась.

— Отчего? — повторилъ Баклановъ.

— Такъ... вы очень смѣшно стояли...—сказала она и потомъ съ гораздо большимъ одушевленіемъ прибавила:—Смотрите, Хламовскій непремѣнно ударитъ mademoiselle Catherine!... Ну, такъ и есть! — прибавила она почти съ грустью, когда Хламовскій въ самомъ дѣлѣ ударилъ mademoiselle Catherine.

„О, она еще совсѣмъ ребенокъ! Но мила, удивительно мила!“—восхищался Баклановъ.

Напоивъ всѣхъ чаемъ, Казиміра, наконецъ, вышла къ играющимъ и, прислонившись къ дереву, въ нѣсколько мечтательной позѣ, начала глядѣть на Бакланова. Тому отвѣчать на ея нѣжные взгляды — было рѣ-

шительно стыдно; а продолжать любезничать съ Евпраксіей онъ побаивался Казиміры.

Одушевленіе игры, между тѣмъ, замѣтно уменьшилось, и за веревочку держались только нѣкоторые.

— Если хотите меня видѣть, приходите въ темную аллею,—сказала вдругъ Казиміра, подходя къ Бакланову.

Онъ въ это время всею душой стремился идти за Евпраксіей, которая, съ нѣсколькими кавалерами, входила на балконъ; но какъ же, съ другой стороны, было отказаться и отъ такого рѣшительнаго предложенія?... Однако онъ пошелъ въ комнаты!

Казиміра по крайней мѣрѣ съ часъ гуляла по аллеѣ; платье ея почти смокло отъ вечерней росы. Возвратясь въ комнаты, она увидѣла, что Баклановъ преспокойно стоялъ у колонны и смотрѣлъ на танцующихъ.

— Что-же вы? — сказала она, подходя къ нему.

— Нельзя было: ко мнѣ пристали разные господа,— отвѣчалъ онъ ей съ гримасой.

— Ну, послѣ какъ-нибудь! — сказала Казиміра: она обыкновенно привыкла все прощать Александру, и даже не замѣчала, какъ онъ съ ней поступаетъ.

Герою моему, впрочемъ, судьбою было назначено въ этотъ день терпѣть отъ всей семьи Ковальскихъ.

Его нѣкогда бывшій пріятель, такъ робко его на первыхъ порахъ встрѣтившій, вдругъ, къ концу вечера, выставился въ дверяхъ и сталъ его пальцемъ вызывать. Баклановъ сначала даже думалъ, что это не къ нему относится; но Ковальскій наконецъ сдѣлалъ угрожающій жестъ и махнулъ всею рукой.

Баклановъ вышелъ.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ!.. — заговорилъ Ковальскій: — у меня тамъ водочка и колбаска есть... Я вѣдь никогда на эти супе́-то франсе не хожу, а у меня тамъ все свое.

— Полно, какъ возможно! я не хочу и не пью!

— Не пью, чорта съ два!.. старый студентъ! не пью! — говорилъ Ковальскій, таща Бакланова за руку сначала въ какой-то коридоръ, а потомъ въ небольшую комнатку, въ которой стояла водка и закуска.

— Ну, валяй — говорилъ Ковальскій, наливая пріятелю огромнѣйшую рюмку.

— Не могу я! — возразилъ тотъ рѣшительно.

— Ну такъ подлецъ, значитъ! — проговорилъ Ковальскій и хватилъ самъ рюмку, а потомъ и другую.

— Мало-же тебя жена муштруетъ, мало! — говорилъ Баклановъ, качая головой.

— Что жена! — возразилъ мрачно Ковальскій: — какъ сегодня мужикъ, завтра баба, послѣзавтра пень да косуля — за неволю станешь и самъ мужикъ: и сталъ!

Странное дѣло, добрый этотъ человѣкъ ужасно тяготился жизнію въ деревнѣ и тѣмъ, что жена почти безвыѣздно держала его тамъ.

— Ужь и въ этомъ-то небольшое утѣшеніе! — сказалъ Баклановъ.

Что утѣшеніе! — возразилъ Ковальскій: — Казиміра Михайловна изволятъ не любить, когда я здѣсь бываю... Не здоровы все онѣ, изволите видѣть!.. а я человѣкъ... и грѣшный... не праведникъ, и не хочу имъ быть...

— Ну, разоврался ужь очень! — проговорилъ Баклановъ, стараясь уйти.

— Да выпей хоть на прощанье-то рюмочку, — сказалъ Ковальскій.

— Не хочу, отвѣчалъ съ досадой Баклановъ.

— Ну, такъ убирайся къ чорту! — произнесъ ему вслѣдъ Ковальскій, и самъ выпилъ еще рюмки двѣ, закусилъ немного, поставилъ все это потомъ бережно въ шкафъ, заперъ его и, снова возвратясь въ залу, сталъ попрежнему похаживать, только нѣсколько болѣе развязною походкой.

Баклановъ, возвратясь въ гостиную, сталъ около одного правовѣда.

— Скажите, пожалуйста, началъ онъ, отчего это вотъ изъ вашего училища и изъ лицея молодые люди выйдутъ и сейчасъ-же пристраиваются, начинаютъ какъ-то ладить съ жизнію и вообще дѣлаются людьми порядочными; а изъ университета выйдетъ человѣкъ — то ничего не дѣлаетъ, то сопьется съ кругу, то наконецъ въ болѣзни исчахнетъ.

— Не знаю-съ!.. — отвѣчалъ ему съ улыбкой правовѣдъ, совершенно, кажется, никогда объ этомъ предметѣ не думавшій.

Въ это время Евпраксія танцовала мазурку, и танцовала, повидимому, съ удовольствіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одному кавалеру она не улыбнулась лишняго раза, не сдѣлала ни одного рѣзкаго движенія; со всѣми была ласкова и привѣтлива, со всѣми обращалась ровно.

Баклановъ опять обратился къ правовѣду.

— Какъ вы находите mademoiselle Eupraxie? Не правда-ли, милая?

— О, да, — отвѣчалъ тотъ, — *ледешокъ* только.

— Какъ *ледешокъ?*

— Такъ. Ее здѣсь всѣ такъ называютъ.

— Чтожъ, холодна очень? неприступна?

— Да! — произнесъ правовѣдъ.

„*Ледешокъ!*“ — повторилъ Баклановъ стократъ, ѣдучи домой: „посмотримъ!“

XIX.

Новое чувство моего героя.

У мужчинъ, послѣ первыхъ, страстныхъ и фантазіей исполненныхъ стремленій къ женщинѣ, или такъ-называемой первой любви, въ чувствѣ этомъ всегда играетъ

одну изъ главнѣйшихъ ролей любопытство. „А какъ вотъ этакая-то будетъ любить? А какъ такая-то?“ обыкновенно думаютъ они.

Баклановъ, въ отношеніи къ Евпраксіи, заболѣлъ именно точно такою страстью.

„Что за существо эта дѣвушка, какъ она будетъ любить?“ спрашивалъ онъ самъ себя съ раздраженіемъ. Но дѣвушка, какъ нарочно, ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не обнаруживала себя.

Баклановъ рѣшился разспросить о ней Казиміру.

Разъ онъ обѣдалъ у Сабакѣевыхъ, и послѣ стола Евпраксія ушла играть на фортепіано, старуха Сабакѣева раскладывала гранъ-пасьянсъ, а Казиміра сидѣла въ другой комнатѣ за работой.

Баклановъ подошелъ и сѣлъ около.

— Скажите, что за субъектъ mademoiselle Euprахіе? — сказалъ онъ.

— О, чудная дѣвушка! — отвѣчала та.

— Но отчего-жъ ее въ городѣ *ледешкомъ* зовутъ?

— Да потому, что никому не отдаетъ предпочтенія, а ко всѣмъ ровна. Добра, богомольна, умна, продолжала объяснять Казиміра, нисколько не подозрѣвая, что все это говоритъ на свою бѣдную голову.

— А что она про меня говоритъ? — спросилъ Баклановъ.

— Да про васъ я, разумѣется, разсказала имъ.

— Ну, и я знаю ужь какъ! — перебилъ ее Баклановъ: — но чтожъ она-то?

— Она и мать обѣ хвалятъ.

— А тутъ надобно маменькѣ и дочкѣ понравиться?

— Непремѣнно! Если-бы кто дочери понравился, а матери нѣтъ, мать ее сейчасъ-же разубѣдитъ въ этомъ человѣкѣ, и наоборотъ. Онѣ совершенно какъ какіе-то друзья между собою живутъ.

Баклановъ намоталъ это себѣ на-усъ и поспѣшилъ отойти отъ Казиміры.

Та стала, наконецъ, немножко удивляться: такимъ страстнымъ онъ съ ней встрѣтился, а теперь только добрый такой?

Баклановъ подошелъ къ старухѣ. Мать и дочь сидѣли ужь вмѣстѣ. Обѣ онѣ показались ему двумя чистыми ангелами: одинъ былъ постарѣй, а другой — молодой!

— У васъ есть батюшка, матушка? — спросила его старуха.

— Нѣтъ-съ, никого, — отвѣчалъ Баклановъ, — только и всего, что на родинѣ имѣнье осталось.

О послѣднемъ обстоятельствѣ онъ не безъ умысла упомянулъ.

— А ваше имѣніе въ здѣшней губерніи? — прибавилъ онъ.

— Отчасти, но больше я московка: тамъ родилась, выросла и замужъ вышла!

— Москва городъ очень почтенный, но странный!— произнесъ съ разстановкой Баклановъ.

— Чѣмъ-же?

— Въ ней съ одной стороны существуетъ типъ Фамусовыхъ, а изъ того-же общества вышли и славянофилы.

— Чтожъ? Дай Богъ, чтобы больше такихъ людей выходило... Я сама вѣдь немножко славянофилка, прибавила старуха и улыбнулась.

Баклановъ въ почтеніи склонилъ передъ ней голову.

— Что у иностранцевъ мерзко, скверно, говорила она, то мы перенимаемъ, а что хорошо, того нѣтъ!

— Однако, вотъ этотъ Мурильйо и эта карселевская лампа, взятые у иностранцевъ, вещи недурныя! сказалъ Баклановъ, показывая на стѣну и на столъ.

— Да вѣдь безъ этого еще жить можно, а мы живемъ, безъ чего нельзя жить!

Баклановъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Безъ Бога, безъ религіи, не уважая ни отцовъ своихъ, ни отечества, — говорила Сабакѣева.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Баклановъ все съ большимъ и большимъ уваженіемъ слушалъ ее.

— А вы раздѣляете взглядъ вашей матушки? — обратился онъ къ Евпраксіи.

— Да! — отвѣчала она.

Баклановъ даже потупился, что-бы скрыть свое удовольствіе.

— Она ужь въ монастырь хотѣла идти, спасаться отъ вашей иноземщины, — сказала мать.

— Нѣтъ, maman, мнѣ все равно, увѣряю васъ! — отвѣчала Евпраксія серьезно.

„Это чудныя существа,“ — подумалъ Баклановъ.

Почему онъ восхищался, что мать и дочь такія именно, а не другія имѣютъ убѣжденія, на это онъ и самъ бы не могъ отвѣтить: красота Евпраксіи, кажется, вліяла въ этомъ случаѣ на него такъ, что ужь ему все нравилось въ этомъ семействѣ.

XX.

День и ночь.

Баклановъ, очень ужь хорошо понимая, что Евпраксія откроетъ свое сердце и любовь свою только супругу, рѣшился жениться на ней: но присвататься еще побаивался и проводилъ у Сабакѣевыхъ тихо-пріятные дни.

Разъ всѣ они собрались прокатиться на недальній островокъ, верстахъ въ десяти отъ города и начинающій въ послѣднее время застраиваться красивыми дачками. Каждый день туда ходилъ по нѣсколько разъ пароходъ.

Вся молодежь была въ восторгѣ отъ этого намѣренія: Евпраксія, по словамъ ея, ужасно любила воду.

Казиміра надѣялась, среди встрѣчающихся красотъ природы, скорѣе вызвать Бакланова на болѣе задушев-

Из фондов Российской национальной библиотеки

ный разговоръ. Она каждую минуту ожидала отъ него объясненія въ любви и требованія жертвъ отъ нея.

Во время сборовъ Баклановъ невольно полюбовался на Евпраксію, какъ она плотно завязала ленты своей круглой соломенной шляпы, какъ аккуратно завернула взятый на всякій случай пледъ, какъ, наконецъ, приподняла у лифа платье, чтобы смѣлѣй ходить по травѣ на острову.

— Вы, должно быть, отличная менажерка, — сказалъ онъ ей.

— А что-же? — спросила она.

— У васъ все кипитъ въ рукахъ! — отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія улыбнулась.

— Да, я все сама умѣю дѣлать, — сказала она.

Всходя на пароходъ, чтобы взять билеты, Баклановъ вдругъ услышалъ полутихое и полуробкое восклицаніе:

— Здравствуйте, Александръ Николаичъ!

Онъ вздрогнулъ. Это говорила Софи Ленева, сидѣвшая уже на пароходѣ.

— Ахъ, bon jour! — отвѣчалъ онъ скороговоркой и пожалъ ей руку.

Софи тоже была сконфужена, но наружность ея и туалетъ были величественны.

Баклановъ поспѣшилъ подать руку старухѣ Сабакѣевой и перевелъ ее съ пристани на пароходъ, подалъ также руку Евпраксіи, но та только на мигъ прикоснулась къ ней и сама проворно взбѣжала. Онъ провелъ даже Казиміру, которая, войдя на пароходъ не опускала его руки и крѣпко-крѣпко опиралась на нее.

Софи встала и, разсѣянно походя, отошла и сѣла подальше на кормѣ. Капитанъ парохода, услышавъ, что генеральша Сабакѣева ѣдетъ съ семействомъ, велѣлъ сейчасъ же очистить имъ мѣсто на палубѣ и вынести на скамейки подушки.

Усѣлись.

— Съ какою это вы дамой здоровались? — спросила Казиміра Бакланова.

— Съ Леневой! — отвѣчалъ онъ.

— А! — произнесла Сабакѣева протяжно: — а вы какъ это знаете ее, — молодой человѣкъ, а? — прибавила она шутливо-укоризненнымъ тономъ.

Баклановъ сконфузился.

— Она моя землячка! — сказалъ онъ.

— Какая молоденькая, хорошенькая! Ахъ, бѣдная, бѣдная! — говорила старушка, качая головой. — Подите-ка, познакомьте меня съ ней! — прибавила она скороговоркой Бакланову.

— Но, Анна Петровна, ловко-ли это будетъ? — остановила было ее Казиміра.

— Э, ко мнѣ ничего не пристанетъ!,.. Поэтому я и хочу приласкать ее, что всѣ ужъ на нее.

— Но ваша дочь, Анна Петровна.

— А что-жъ такое? Не марайся сама, такъ другія не замараютъ. Подите-ка, скажите, если она хочетъ, пришла бы къ намъ.

Сабакѣева, всегда и во всемъ, имѣла привычку идти противъ общаго мнѣнія, особенно губернскаго.

Бакланову было несовсѣмъ пріятно исполнять это порученіе, но дѣлать нечего: онъ подошелъ къ Софи.

— Madame Сабакѣева желаетъ съ вами познакомиться, — сказалъ онъ, не назвавъ ее никакимъ именемъ.

— Ахъ, очень рада! — отвѣчала Софи, дѣйствительно обрадовавшаяся.

— Madame Сабакѣева!.. Mademoiselle Eupraxie!... Madame Ковальская!... говорилъ Баклановъ, показывая ей на свое общество.

— Madame Ленева! — представилъ онъ ее.

— Здравствуйте! — сказала ей старуха привѣтливо.

Софи сѣла около нее.

Из фондов Российской государственной библиотеки

Евпраксія съ какимъ-то, больше дѣтскимъ, вниманіемъ глядѣла на нее. Софи тоже на нее смотрѣла. Красота одной была еще дѣвственная, чистая, а другой жгучая, охватывающая. Евпраксія была мила дома, а Софи вы замѣтили бы въ толпѣ, среди тысячи другихъ женщинъ.

Баклановъ сидѣлъ, склонивъ въ упоеніи голову.

Три женщины тутъ были, и для всѣхъ онъ имѣлъ значеніе. Такою широкою и со всѣхъ сторонъ охватывающею волной жизнь подплываетъ только въ двадцать семь лѣтъ.

— Вы ѣдете прокатиться? — спрашивала Сабакѣева Софи.

— Нѣтъ, я тутъ на дачѣ живу. Я послѣднее время была больна и мнѣ велѣли больше быть въ деревнѣ,— отвѣчала Софи.

При звукѣ этого голоса, при этихъ словахъ, Баклановъ готовъ былъ простить ей все; но очарованіе тотчасъ же было разбито: изъ буфета выходила черная фигура Эммануила Захаровича. Баклановъ и Казиміра первые переглянулись между собой.

Онъ, съ огромною корзинкой конфектъ, кого-то искалъ и потомъ, увидя Софи и другихъ сидѣвшихъ съ ней дамъ, подошелъ и сталъ ихъ потчивать.

Софи взяла, не глядя; прочія тоже такъ, но онъ вдругъ вздумалъ и разсѣсться тутъ.

— Ну, онъ-то мнѣ ужь и гадокъ! — проговорила почти вслухъ Сабакѣева.

— Вамъ-бы уѣхать куда-нибудь отсюда: здѣсь воздухъ нехорошъ, а люди такъ и совсѣмъ дрянные, — говорила она рѣзко Софи.

— Но куда же? — возражала та, почти безпрерывно мѣняясь въ лицѣ. Видимо, что внутри ея происходили мучительныя волненія, тогда какъ Евпраксія съ ангельскимъ почти спокойствіемъ разговаривала съ Баклановымъ.

Эммануилъ Захаровичъ, видя, что имъ никто не занимается, снова спустился въ буфетъ.

Пароходъ, между тѣмъ, выйдя изъ пристани, шелъ мимо красивыхъ обрывистыхъ береговъ. На небѣ массы облаковъ, послѣ знойнаго дня, какъ-бы дымились: воздухъ блестѣлъ безпрерывною сѣтью испареній; въ пароходныхъ колесахъ вода разсыпалась серебряною пылью.

Всѣ невольно встали — полюбоваться этою картиной. Баклановъ при этомъ замѣтилъ, что на глазахъ Софи заискрились чуть-чуть замѣтныя слезинки; а Евпраксія, напротивъ, смотрѣла серьезно и только какъ-бы удивлялась въ этихъ красотахъ природы величію Бога.

Казиміра старалась стать поближе къ Бакланову и даже опереться на него.

— Задній ходъ! — раздался голосъ капитана.

Никто не ожидалъ, что-бы пароходъ такъ скоро подошелъ къ островку.

Всѣ засуетились и пошли.

— Вы ко мнѣ, конечно, не зайдете? — сказала Софи, уходя, Бакланову.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ.

Толпа ихъ раздѣлила.

XXI.

Смѣлый кормчій.

— Оставивъ старушку на берегу, молодые люди углубились въ островъ. Евпраксія очень любила гулять по полямъ и по лѣсамъ: они по крайней мѣрѣ прошли версты три, и она только немножко разгорѣлась въ лицѣ.

Казиміра все надѣялась, что въ этомъ полутемномъ лѣсу Баклановъ наконецъ объяснится съ ней; но онъ какъ нарочно все шелъ и разговаривалъ съ Евпраксіей

Из фондов Российской национальной библиотеки

с самыхъ обыкновенныхъ предметахъ; Казиміра начала неистовствовать. Она бѣгала по лугамъ, рвала цвѣты, вплетала ихъ себѣ въ волосы, бросала ихъ въ Баклановa, наконецъ увидала у берега лодку.

— Ахъ, вотъ лодка! покатаемтесь, — говорила она.

— Нѣтъ! — возразила было ей Евпраксія.

— Душечка! ангелъ мой! — говорила Казиміра, цѣлуя ее.

— Но я maman не сказала.

— Ничего, я все на себя приму, — умоляла Казиміра.

— Поѣдемте! — поддержалъ и Баклановъ: ему любопытно было видѣть себя съ этою восхитительною дѣвушкой въ одной лодкѣ.

Евпраксія, наконецъ, съ своею кроткою улыбкой, согласилась.

— Я сяду на кормѣ, — сказала она.

Казиміра, такъ страстно желавшая кататься, едва осмѣлилась потомъ войти въ лодку.

Баклановъ началъ грести.

Евпраксія сидѣла противъ него лицомъ къ лицу.

Казиміра расположилась около ногъ молодаго человѣка и безъ всякой осторожности уставила на него свое влюбленное лицо.

Блѣдно-желтыя облака на западѣ становились все темнѣе и чернѣе. Вѣтеръ разыгрывался, и волненіе для маленькой лодки стало довольно чувствительно. Влюбленная Казиміра начала ужь и покрикивать.

— Не вернуться-ли намъ назадъ? — проговорила она.

— Зачѣмъ же было и ѣхать? — возразила Евпраксія, которой, напротивъ, все это, повидимому, было пріятно.

Баклановъ, не желая подать виду, что и онъ не съ большимъ удовольствіемъ катается, началъ грести сильнѣе.

Лодку ужъ очень покачивало. Казиміра безпрестанно кричала, и сидя, какъ тетеря, распустившись, хваталась то за тотъ край лодки, то за другой. Лицо Евпраксіи было совершенно спокойно.

Отъѣхавъ отъ острова, они попали на болѣе сильное теченіе, которое, встрѣчаясь съ противнымъ вѣтромъ, кипѣло, какъ въ котлѣ; волны чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ становились выше и выше. Лодку, какъ щепку, перебрасывало черезъ нихъ. У Бакланова почти силъ недоставало грести.

— Держите въ разрѣзъ волнъ, — сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Знаю, — отвѣчала Евпраксія, и въ самомъ дѣлѣ такъ держала. Онъ видѣлъ, что правая рука ея, управлявшая рулемъ, налилась вся до крови отъ напряженія; но Евпраксія ни на минуту ни ослабила шнурка.

Панна Казиміра плакала и молилась.

— Матка Боска! матка Боска! — вопіяла она ужь по-польски.

Баклановъ чувствовалъ, что онъ блѣденъ какъ смерть. Вся штука теперь состояла въ томъ, какъ повернуть лодку и ѣхать назадъ къ острову.

— Гребите не такъ сильно, я стану поворачивать, — сказала Евпраксія, рѣшительно не потерявшаяся.

Баклановъ ноослабилъ. Евпраксія тоже ноослабила шнурокъ, и лодка стала забирать вправо. Маленькая торопливость, и ихъ заплеснуло-бы волной, которыя и безъ того уже брызгали черезъ бортъ. Еще минута, и лодка очутилась носомъ къ берегу.

— Ну, теперь сильнѣе! — сказала Евпраксія.

Баклановъ при видѣ такой храбрости въ дѣвушкѣ, почувствовалъ въ себѣ силы льва. Онъ почти до половины запускалъ весла въ волны.

Евпраксія опять ни разу не ошиблась, и все перерѣзывала волны поперекъ.

Послѣдняя волна почти выкинула ихъ на берегъ.

— Никогда не стану никого слушать! — проговорила Евпраксія, вставъ и отряхивая сплошь покрытое водяною пѣной платье; ручка ея, которою она держала руль, была ссажена.

Баклановъ тоже не вдругъ могъ придти въ себя отъ пережитаго имъ страха. Панну Казиміру онъ только-что не безъ чувствъ вынулъ изъ лодки.

Возвратившись къ матери, Евпраксія все ей разсказала, перемѣнивъ только то, что это она сама затѣяла кататься, а не Казиміра.

Та сначала попеняла было, но потомъ сейчасъ-же и прибавила: — Никто, какъ Богъ; не убережешься отъ всего.

По случаю намокшихъ дамскихъ платьевъ, домой поѣхали сейчасъ-же.

Когда островъ сталъ порядочно удаляться, успокоившаяся Казиміра указала Бакланову на дорогу, идущую кругомъ всего берега. Тамъ несся экипажъ съ дамой, и за нимъ уродливо скакалъ верховой въ англійскомъ рейтъ-фракѣ и лаковыхъ сапогахъ.

— Это, вѣдь, Ленева и Галкинъ! — сказала она; но Баклановъ не обратилъ на это никакого вниманія.

„Такъ вотъ она какая! вотъ какая!“ думалъ онъ все объ Евпраксіи.

XXII.

Несовсѣмъ обыкновенная сваха.

Прошло съ полгода. Сердечныя дѣла Бакланова плохо подвигались впередъ: Евпраксія на іоту не допускала его ближе къ себѣ. Оставалось одно послѣднее средство: присвататься къ ней. Баклановъ рѣшился возложить это на Казиміру. Объ ея собственномъ сердцѣ онъ въ эти

минуты нисколько даже и не помышлялъ: злоупотреблять этимъ кроткимъ существомъ онъ точно считалъ какимъ-то своимъ правомъ!

Онъ нарочно пришелъ къ Сабакѣевымъ, когда зналъ, что онѣ обѣдали у однихъ своихъ знакомыхъ, и пришелъ прямо въ комнату къ Казимірѣ.

— Ахъ, вотъ это кто! — воскликнула та, по обыкновенію обрадовавшись: — пойдемте однако въ тѣ комнаты, а то эти людишки Богъ знаетъ что наболтаютъ!

Она все еще ожидала опасности со стороны Баклановa, и по возможности, разумѣется, думала этому противиться.

Они прошли въ большую гостиную и сѣли на диванъ подъ Мурильо.

— Ну-съ? — начала Казиміра.

— Ну-съ! — повторилъ за ней Баклановъ: — во-первыхъ, начну высокимъ слогомъ: жизнь для меня „садъ, заглохшій подъ дикими безплодными травами.“

— Слыхала это не сегодня, — отвѣчала кокетливо Казиміра.

— Вслѣдствіе сихъ и иныхъ обстоятельствъ, — продолжалъ Баклановъ: — я рѣшился жениться.

— А! — произнесла Казиміра.

— На комъ-же? — прибавила она, высоко, высоко выпрямляя грудь.

— Разумѣется, на mademoiselle Euprаxie! — отвѣчалъ Баклановъ.

Если-бы пудовой камень упалъ въ эту минуту на голову Казиміры, такъ она меньше была-бы ошеломлена.

— Ну чтожъ? Желаю вамъ!...— сказала она, по наружности спокойно; но въ самомъ дѣлѣ, все это, стоявшее передъ ней: мебель, окна и картины, слилось для ея глазъ, мгновенно наполнившихся слезами, въ какую-то пеструю рѣшетку.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Баклановъ сдѣлалъ видъ, какъ будто-бы ничего этого не замѣчалъ.

— Къ вамъ собственно просьба моя въ томъ, чтобы вы разузнали, какъ онѣ примутъ мое желаніе.

— Я-я?—спросила, протянувъ, Казиміра.

— Да!—отвѣчалъ Баклановъ, опять какъ-бы не понявъ этого вопроса.— Отъ этого рѣшительно теперь зависитъ все мое будущее счастіе, — продолжалъ онъ: — Евпраксія именно такая дѣвушка, какую я желалъ имѣть женой своею: она умна, скромна, ну и, нечего грѣха таить, богата и со связями; а все это очень мнѣ теперь не лишнее въ жизни!...

Казиміра слушала его, какъ-бы совсѣмъ оглупѣвшая.

— И я надѣюсь, что вы, мой старый, добрый другъ, не откажетесь посодѣйствовать мнѣ въ томъ, — заключилъ Баклановъ и взялъ было ее за руку.

— Нѣтъ, не могу, не могу, не могу! — проговорила она скороговоркой и закрыла лицо руками.

— Богъ, значитъ, съ вами!—сказалъ Баклановъ съ грустною улыбкой.

— Но, другъ мой! — воскликнула вдругъ Казиміра, протягивая къ нему руки: — я сама васъ люблю, — прибавила она и встала передъ Баклановымъ на колѣни.

Тотъ хотѣлъ было ее поднять.

— Казиміра! — говорилъ онъ.

— Нѣтъ, погоди, постой! — говорила она: — дай мнѣ хоть разъ въ жизни выплакаться передъ тобой, высказать, что чувствуетъ душа моя! — И безумная женщина цѣловала при этомъ руки своего идола.

Баклановъ не зналъ, что и дѣлать.

— Казиміра! — повторилъ онъ.

— Погоди, постой! — говорила она: — требуй какой хочешь отъ меня жертвы: отдаться тебѣ, развестись съ мужемъ, но только не этого, нѣтъ!

— Казиміра!... успокойтесь, — говорилъ ей Баклановъ, тоже беря ея руки и прижимая ихъ къ груди.

— А я не могу... не могу сама своими руками отдать тебя! — говорила она и, склонивъ голову на колѣни Александра, рыдала.

Слезы, какъ извѣстно, сильно облегчаютъ женщинъ.

Наплакавшись, Казиміра встала и сѣла.

— Послушай, — начала она, — когда ты женишься, уговоръ одинъ: не прогоняй меня, дай мнѣ жить около васъ.

— О, Бога ради, Казиміра! — воскликнулъ Баклановъ: — какъ вамъ не грѣхъ было это думать! Вы навсегда останетесь другомъ нашего семейства, и жизнь ваша навсегда будетъ обезпечена.

— Да, я хочу только тебя видѣть, видѣть, больше ничего!—Ну, а теперь поцѣлуй меня въ послѣдній разъ... знаешь, пламеннѣй, пламеннѣй, какъ ее будешь цѣловать.—И она сама обняла Бакланова и замерла на его губахъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Сегодня ты еще принадлежишь мнѣ, — говорила она и гладила Бакланову волосы, лицо, и цѣловала его. Онъ сидѣлъ какъ школьникъ въ ея объятіяхъ. Потомъ она, какъ-бы совсѣмъ обезпамятѣвъ, вскочила и убѣжала.

Къ этимъ внезапнымъ ея уходамъ Баклановъ давно уже привыкъ. Просидѣвъ немного и думая, что дѣло его совершенно испорчено, онъ уѣхалъ домой... Онъ не зналъ еще, до какой степени любящее сердце Казиміры было исполнено самоотверженія.

Она спала въ одной комнатѣ съ Евпраксіей, и ту же ночь до самаго утра говорила съ ней о Баклановѣ.

А Евпраксія, приникнувъ своею хорошенькою головкой къ батистовому бѣлью подушки, лежала молча, но не спала!

XXIII.

Не много словъ, но много дѣла.

Въ семействѣ Сабакѣевыхъ все происходило какъ-то необыкновенно просто.

Казиміра сдѣлала Евпраксіи рѣшительное предложеніе отъ Бакланова. Евпраксія поутру сказала о томъ матери. Не смотря на это, въ домѣ не было ни шушуканья, ни таинственныхъ лицъ. Старуха также, какъ и каждодневно, сходила къ обѣднѣ; дочь также, какъ и прежде, взяла урокъ на фортепіано.

Казиміра начала ужь замирать въ радости, что авось онѣ не примутъ предложенія Бакланова; но вечеромъ, однако, она нечаянно подслушала разговоръ между матерью и дочерью.

— Онъ очень, кажется, честный человѣкъ! — говорила Евпраксія.

— Да, — подтвердила мать; потомъ, помолчавъ, прибавила:—все во власти Божіей!

Разговоръ на нѣкоторое время пресѣкся.

— И онъ, наконецъ, здѣсь лучше всѣхъ, кого я знаю, — прибавила дочь.

— Да, — подтвердила и мать опять.

Разговоръ снова прервался.

— Тебѣ отдамъ этотъ домъ, а сама перетащусь опять въ Москву, — заговорила снова старуха.

— Зачѣмъ-же!... Это будетъ очень скучно мнѣ, — возразила дочь, но совершенно какъ-бы слегка.

— Нѣтъ! нѣтъ! — перебила ее старуха.— Матери въ бракѣ только помѣха: — ничего отъ насъ добра не бываетъ.

— Не знаю, я этого еще не испытала, — сказала дочь съ улыбкой.

Информационно-библиотечный центр Российской национальной библиотеки

— Потому-то и говоришь, что не знаешь, — подтвердила мать.

И снова молчаніе.

— Вы мнѣ здѣшнее имѣніе отдадите? спросила дочь, совершенно не женируясь.

— Да, тебѣ здѣшнее, а московское Валерьяну, — отвѣчала старуха, тоже по-видимому не удивленная нисколько этимъ вопросомъ.

Валерьянъ былъ младшій ея сынъ и учился въ Москвѣ.

На этомъ разговоръ совершенно прекратился.

Старуха сѣла за гранъ-пасьянсъ, а Евпраксія пошла заниматься музыкой. Недаромъ, видно, ее вгородѣ называли ледешкомъ, а мать философкою.

Казиміра, что бы ни чувствовало собственное сердце ея, написала обо всемъ этомъ разговорѣ Бакланову.

Онъ не замедлилъ сію же минуту пріѣхать.

Старуха все еще продолжала раскладывать гранъ-пасьянсъ.

Баклановъ сѣлъ противъ нея.

Но какъ тутъ съ этою спокойною физіономіей было заговорить?

— Погадайте-ка на мои мысли! сказалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ бы самой надо ваши мысли отгадать, отвѣчала старушка полушутя.

— О, онѣ совершенно чисты и открыты передъ вами! воскликнулъ Баклановъ.

— Ну, то-то же, смотрите! сказала она, и погрозила ему пальцемъ.

— Такъ какъ же, Анна Петровна, да или нѣтъ? спросилъ ужь Баклановъ.

— Что-й-то, да поди — у ней спрашивай; я ужь за тебя не пойду, сказала Сабакѣева.

— Значитъ, можно? воскликнулъ Баклановъ, и по-

шелъ въ ту коммату, гдѣ Евпраксія сидѣла за работой. Напротивъ ея помѣщалась Казиміра, почти нечесаная и врядъ-ли въ застегнутомъ платьѣ. Она цѣлый день жаловалась то на занятія, то на нездоровье.

Баклановъ подмигнулъ ей. Она, потупивъ голову и съ грустною усмѣшкой, вышла.

У Александра губы и щеки дрожали.

— Евпраксія Арсентьевна, началъ онъ, — я имѣлъ честь дѣлать вамъ предложеніе. Скажите вы мнѣ прямо и откровенно, какъ пряма и откровенна ваша прекрасная натура, нравлюсь ли я вамъ и согласны ли вы отдать мнѣ вашу руку и сердце!

Евпраксія нѣсколько времени смотрѣла ему прямо въ лицо.

— А вы будете любить меня? спросила она, и какъ-бы нарочно поспѣшила улыбнуться, чтобы смягчить свой недовѣрчивый вопросъ.

— Я буду васъ любить всю жизнь, если бы вы даже не любили и разлюбили меня, проговорилъ Баклановъ съ чувствомъ.

— Ну, я-то ужь не разлюблю, кого полюблю, сказала Евпраксія и слегка покраснѣла.

— О, и я! ручку вашу! да?

— Ну, смотрите же, не обманите меня! сказала Евпраксія, подавая ему руку. — Я въ васъ съ перваго же раза почувствовала какую-то вѣру.

— Вѣру?

— Да! Подите къ maman, я должна одѣваться!

— Баклановъ хотѣлъ попросить у ней поцѣлуя, но не посмѣлъ.

Въ тотъ же день была пятница, и часовъ въ девять начали съѣзжаться гости.

Баклановъ съѣздилъ домой и надѣлъ фракъ.

За ужиномъ было объявлено, что mademoiselle Eupraxie помолвлена за monsieur Бакланова.

Из фондов Российской национальной библиотеки

XXIV.

Испытаніе.

Въ городѣ про Евпраксію говорили: „это невѣста не пылкая и не страстная.“ Баклановъ тоже, желая съ ней сблизиться, не могъ достигнуть этого въ той степени, въ какой желалъ бы.

— Ты любишь меня? спрашивалъ онъ ее.

— Люблю! отвѣчала односложно Евпраксія.

— Но, знаешь, нѣсколько ужь очень спокойно: хоть бы поревновала меня или покапризничала надо мной!...

— Да зачѣмъ же? возразила Евпраксія съ улыбкой:—если бы ревновать была причина, такъ я бы лучше не пошла за тебя, а если бы я капризна была, такъ ты бы, вѣроятно, не женился на мнѣ.

Баклановъ долженъ былъ согласиться, что все это весьма справедливо и умно.

Разъ онъ принесъ къ ней *Бориса Годунова* Пушкина и сталъ ей читать сцену у фонтана.

— Ты хладнокровная Марина Мнишекъ, а я пылкій Самозванецъ! — говорилъ онъ ей, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Григорій приходитъ въ себя, онъ даже вскочилъ и продекламировалъ передъ невѣстой:

Тѣнь грознаго меня усыновила,
Наслѣдникомъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы ополчила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я.

Баклановъ при этомъ замѣтилъ, что Евпраксія усмѣхнулась.

— Тебѣ смѣшно только! проговорилъ онъ съ досадой.

— Да какъ же не смѣшно! Вдругъ я Марина Мнишекъ, а онъ Самозванецъ! Тутъ и въ чувствахъ даже ничего нѣтъ общаго.

„Она чортъ знаетъ какъ умна!“ подумалъ Баклановъ; но вслухъ однако проговорилъ:

— Очень ужь вы, Евпраксія Арсентьевна, разсудительны.

— Не разсудительна, а только словъ пустыхъ не люблю, — отвѣчала она, по обыкновенію своему, спокойно.

Больше еще всего, кажется, Евпраксія любила музыку. Она играла правильно, отчетливо, со смысломъ; но и тутъ Бакланову казалось, что она мало увлекается, а только проиграетъ иногда огромную піесу, и потомъ на нѣсколько минутъ глубоко, глубоко задумается.

Что она въ эти минуты думала, Богъ ее знаетъ: никогда не сказывала, хоть Баклановъ и часто спрашивалъ ее.

— Не люблю я про это говорить, отвѣчала она.

— Вообще про то, что чувствуешь?

— Да! отвѣчала Евпраксія.

Баклановъ, оставаясь съ невѣстой наединѣ, принимался ее цѣловать въ лицо и въ шею. Евпраксія, нисколько не женируясь, отвѣчала ему тоже поцѣлуями.

Однажды онъ сталъ передъ ней на колѣни и прильнулъ губами къ ея выставившейся ножкѣ.

Евпраксія, кажется, и не поняла этого страстнаго съ его стороны движенія и только посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Передъ уходомъ Баклановъ обыкновенно прижималъ ее къ груди своей и долго, долго цѣловалъ ее въ лобъ.

Евпраксія ему повиновалась.

XXII.

Банковый билетъ.

Послѣднее время Софи цѣлые дни сидѣла дома. О, какъ она была печальна!

Разъ, вечеромъ, къ ней вошла Иродіада.

— Куда ты цѣлый день пропадаешь? говорила ей съ досадою Софи: — довольно ужь этою любовью своей заниматься.

— По городу немножко погуляла: на свадьбу смотрѣла-съ, — отвѣтила та.

— На чью?

— Нашего Александра Николаича.

Софи поблѣднѣла.

— А сегодня свадьба?

— Сегодня-съ! Сейчасъ вѣнчать будутъ у Спаса.

— А что меня въ церковь пустятъ? — спросила Софи, устремляя на горничную какой-то странный взглядъ.

— Отчего-жъ не пустить? — отвѣчала та.

— Давай мнѣ одѣваться... давай все лучшее!... — говорила Софи, и начала сама приводить въ порядокъ свои волосы. Дѣло это горѣло у нея въ рукахъ: ни одинъ парикмахеръ не съумѣлъ бы такъ скоро и такъ къ лицу причесать ея роскошные локоны. Иродіада принесла ей великолѣпное визитное платье.

— Выкупили бы, сударыня, ваши вещи-то, а то надѣть вамъ нечего! — говорила она, подавая госпожѣ въ самомъ дѣлѣ всего одну небольшую брошку.

— Все выкуплю, все! не на радость только! — отвѣчала Софи, небрежно застегивая этою брошкой платье на груди. Надѣвая французскія перчатки, она одну изъ нихъ

Из фонда Российской национальной библиотеки

изорвала. Толстыя ботинки ея громко стучали по паркету.

Въ этомъ нарядѣ Софи, казалось, точно сейчасъ только воротилась съ какого-нибудь вакхическаго вечера.

Коляска ея уже была подана къ крыльцу.

— Къ Спасу, — сказала она.

Вѣнчанье Бакланова происходило въ небольшомъ, темноватомъ придѣлѣ приходской церкви.

Софи, войдя, остановилась у колонны, почти въ самыхъ дверяхъ,

Всю церемонію она простояла неподвижная, какъ статуя.

Вѣнчалъ духовникъ старухи Сабакѣевой, высокій, сухощавый, съ мрачнымъ и неподвижнымъ лицомъ священникъ. Въ концѣ онъ говорилъ проповѣдь, и все стращалъ новобрачныхъ, если не будутъ любить другъ друга, страшными адскими муками.

Выходя, молодые прямо очутились лицомъ къ лицу противъ Софи.

— Je vous fèlicite, monsieur Баклановъ! сказала она. — Je vous fèlicite, madame! — прибавила она и молодой.

Баклановъ поблѣднѣлъ. На лицѣ Евпраксіи тоже отразилось безпокойство: ее очень поразила великолѣпная и, въ одно и тоже время, печальная наружность Софи.

Баклановъ поспѣшилъ усадить жену въ карету и самъ вскочилъ за нею.

Софи вышла вслѣдъ за ними на паперть. Небрежно убранные волосы ея развѣвались вѣтромъ; заколотая въ платье брошка разстегнулась и повисла.

— Madame, вы потеряете вашу вещь!—сказалъ было ей одинъ изъ молодыхъ людей.

— Мегсі, — сказала Софи, врядъ ли и слышавшая,

Из фондов Российской национальной библиотеки

что ей сказали, и такъ не поправивъ брошки, сѣла въ экипажъ.

Пріѣхавъ домой и войдя въ будуаръ, она порывисто сбросила съ себя шаль и начала разрывать платье, корсетъ, а потомъ залившись вся слезами, упала на постель.

— Хотѣла бы я быть порядочнымъ существомъ, но Богъ не привелъ, — стонала она.

— Полноте-ка, сударыня! есть о чемъ плакать! утѣшала ее Иродіада.

— Есть, Иродіада, есть! Теперь я совсѣмъ несчастная, — отвѣчала Софи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ коммерческій банкъ отъ неизвѣстнаго лица было внесено на имя дѣйствительной статской совѣтницы Леневой двѣсти тысячъ рублей серебромъ.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

Из фондов Российской национальной библиотеки

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Басардины 5
II. Вельможи благодѣтели. 9
III. Совсѣмъ дичь 16
IV. Самецъ 19
V. Молодые отпрыски 24
VI. Подставленная шпилька 31
VII. Блаженнѣйшія минуты 38
VIII. Александръ совсѣмъ на небѣ 45
IX. Спущенъ на землю 55
X. Выборы. 60
XI. Герой теоретикъ и героиня практикъ 64
XII. Взоръ героя устремляется въ другую сторону . . . 70
XIII. На распутьи 73
XIV. Милый мальчикъ. 78
XV. Милый мальчикъ у матери, и онъ-же у тетки . . . 82
XVI. Причины, побудившія жениха и невѣсту къ браку . 88
XVII. Губернская тетеха 93
XVIII. Сынъ, возвращающійся съ раскаяніемъ 99
XIX. Сынъ, еще не чувствующій никакого раскаянія. . . 103
XX. Капелька поэзіи и море прозы 109
XXI. Невольный протестъ. 113

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

I. Британія 121
II. Милое, но не любимое существо 132
III. Андреянова на московской сценѣ 138
IV. Платонъ Степановичъ 142
V. Знай нашихъ 146
VI. Тайная причина горя 149
VII. Усадьба Лапухи 153
VIII. Что прежде всего 159
IX. Іона Циникъ 164

Из фонда Национальной библиотеки

стр.

X. Храмовый праздникъ 171
XI. Іона Мокеичъ дома 183
XII. Посѣдки 187
XIII. Побѣгъ отъ своей собственной совѣсти 193
XIV. У Палкина — ужь видно не въ Британіи 202
XV. Масонъ 207
XVI. Протекція 213
XVII. Совѣтничишко палатскій 216
XVIII. Мѣсто, гдѣ Нетопоренко—божокъ 221
XIX. Канцелярское важничанье 225
XX. Надругательство надъ моимъ героемъ 228

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I. Наперсница. 233
II. Опять поэзія 237
III. Выставляющіеся углы дѣйствительности 240
IV. Чувствительный еврей 241
V. Воркованье голубковъ 245
VI. Простота провинціальныхъ нравовъ 248
VII. Неблагодарныя дѣти 251
VIII. Мрачный синклитъ 255
IX. Капля яду, отравившая все. 260
X. Дикій скиѳъ просыпается въ моемъ героѣ 264
XI. Съ разсчетомъ составленная коммисія 267
XII. Молодость не всегда бываетъ удобна 269
XIII. Завѣса нѣсколько приподнимается 274
XIV. Муравейникъ сильно тронутъ 277
XV. Нелюбитель гласности 282
XVI. Почти осуществившаяся мечта 285
XVII. Не всегда то найдешъ, за чѣмъ пойдешь 289
XVIII. Ледешокъ. 295
XIX. Новое чувство моего героя 300
XX. День и ночь 303
XXI. Смѣлый кормчій. 307
XXII. Не совсѣмъ обыкновенная сваха 310
XXIII. Немного словъ, но много дѣла 314
XXIV. Испытаніе 317
XXV. Банковый билетъ 319

Из фондов Российской национальной библиотеки

ГПБ Русский фонд

18.177.3.41
/9

БИБЛІОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА IX 1898 ГОД

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ПАРОВАЯ ЛИТЕ...ЛЬНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ